

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Белых В. С. Актуальные проблемы совершенствования гражданского и предпринимательского законодательства в условиях цифровизации экономики и бизнеса	6
Архиереев Н. В. Актуальные проблемы использования искусственного интеллекта в предпринимательских отношениях	12
Серова А. В. К вопросу о машиночитаемом и машиноисполняемом трудовом праве	16
Эбергардт С. А. Искусственный интеллект в нормотворческой деятельности: перспективы и риски	22

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Запольский С. В. Правовое положение аффилированных акционерных обществ, входящих в государственные компании	27
Дорожкин И. О. К вопросу о целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц	33
Аникеенко Ю. Б., Новоселова Н. В. Особенности административной ответственности собственников и арендаторов транспортных средств при заключении договора аренды транспортного средства	38

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Аминов Е. Р. Взыскание убытков в виде курсовой разницы: проблемы правоприменительной практики	44
Латыев А. Н. Об условности границ субъектов имущественных отношений (окончание статьи)	50
Рубцова Н. В. Особенности актов автономного правового регулирования предпринимательской деятельности	55
Григорьева О. А. Субъекты строительной деятельности	61

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО)

Семякин М. Н. Соотношение общих и специальных оснований оспаривания сделок должника в правоотношениях, связанных с несостоятельностью (банкротством)	67
Кириченко А. В. К вопросу о праве арбитражного управляющего истребовать сведения и документы у контрагентов должника	73
Славич М. А. Замена застройщика как передача договоров в силу закона: какие риски следует учитывать приобретателю	79

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Вагина О. В., Ширяева Т. В. Правовые проблемы, связанные с обременением сервитутом земельного участка, на котором расположен многоквартирный жилой дом, для целей прохода и проезда	83
Гаевская Е. Ю. Ликвидация объектов накопленного вреда окружающей среде как один из индикативных показателей обеспечения экологической безопасности	90

CHIEF EDITOR'S COLUMN

DIGITALIZATION OF ECONOMY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Belykh Vladimir S. Topical Problems of Improving Civil and Business Legislation in the Conditions of Digitalization of Economy and Business	6
Arkhireev Nikolai V. Current Problems of Using Artificial Intelligence in Business Relations	12
Serova Alena V. On the issue of Machine-Readable and Machine-Executable Employment Law	16
Ebergardt Semyon A. Artificial Intelligence in Law-Making: Prospects and Risks	22

PUBLIC LAW

Zapolsky Sergey V. Legal Status of Affiliated Joint-Stock Companies that are Part of State-Owned Companies	27
Dorozhkin Igor O. On the Advisability of Criminalizing the Liability of Business Entities	33
Anikeenko Yulia B., Novoselova Natalia V. Peculiarities of Administrative Liability of Owners and Lessees of Vehicles when Entering into a Vehicle Lease Agreement	38

PRIVATE LAW

Aminov Evgenii R. Recovery of Losses in the Form of Exchange Rate Differences: Problems of Law Enforcement Practice	44
Latyev Aleksandr N. On the Conventionality of Boundaries of Subjects of Property Relations (end of article)	50
Rubtsova Natalya V. Peculiarities of Acts of Autonomous Legal Regulation of Entrepreneurial Activity	55
Grigorieva Olga A. Subjects of Construction Activity	61

INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Semyakin Mikhail N. Correlation of General and Special Grounds for Challenging Debtor's Transactions in Legal Relationships Related to Insolvency (Bankruptcy)	67
Kirichenko Andrey V. On the Issue of the Right of the Arbitration Manager to Demand Information and Documents from the Debtor's Counterparties	73
Slavich Maria A. Replacement of Developer as Transfer of Contracts by virtue of Law: What Risks Should be Considered by the Acquirer	79

LAND, URBAN PLANNING AND ENVIRONMENTAL LAW

Vagina Olga V., Shiryaeva Tatyana V. Legal Problems Related to Encumbrance by Easement of a Land Plot on which an Apartment Building is Located for Passage and Driveway Purposes	83
Gaevskaya Ekaterina Yu. Elimination of Objects of Accumulated Environmental Damage as one of the Indicative Factors of Environmental Security	90

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Перед вами очередной (первый) номер журнала «Бизнес, менеджмент и право». В 2024 г. для коллектива редакции работа по подготовке и выпуску журнала будет также проходить в условиях максимальной отдачи, так как Высшая аттестационная комиссия РФ включила журнал в перечень рецензируемых изданий. Несомненно, данный юридический факт – знаковое событие в жизни коллектива. Мы продолжаем выпуск журнала, формируя номера по отдельным отраслям публичного и частного права.

23–24 мая 2024 г. состоится очередная XVII сессия Европейско-Азиатского правового конгресса «Правовое сотрудничество и социальный прогресс. К 100-летию С. С. Алексеева» в Екатеринбурге. Соорганизаторы ЕАПК – Ассоциация юристов России и Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева. В число соорганизаторов XVII сессии могут войти Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Правительство Свердловской области, Российская академия наук.

В этом году XVII сессия Конгресса будет проводиться под знаком 100-летнего юбилея великого правоведа и видного государственного деятеля Сергея Сергеевича Алексеева – доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР, высшей юридической премии «Юрист года», Демидовской премии, почетного гражданина Свердловской области.

Юридический форум такого масштаба не случайно проводится в Екатеринбурге, который расположен на границе Европы и Азии и представляет собой узловой центр, обеспечивающий реализацию политики современной России в сфере промышленности, экономики, образования, науки и культуры.

В рамках конгресса выступят известные спикеры, пройдут качественные и интересные дискуссии. Главная задача конгресса – обеспечить открытый обмен мнениями по актуальным для юридического сообщества, представителей органов государственной власти и бизнеса проблемам. Одна из них – механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: современные вызовы. В рамках экспертной группы ЕАПК будут рассмотрены актуальные вопросы: каким образом трансформируется право, каков механизм правового регулирования в различных видах предпринимательской деятельности, каковы последствия таких изменений, а также перспективы развития способов и методов воздействия на поведение субъектов предпринимательской деятельности.

Дорогие читатели! В это непростое время редакция журнала «Бизнес, менеджмент и право» желает Вам крепкого здоровья, новых идей, успешных проектов и неиссякаемого жизненного оптимизма! Итак, только вперед!

*С уважением,
главный редактор*

В. С. Белых

БИЗНЕС, МЕНЕДЖМЕНТ И ПРАВО

Научно-практический экономико-правовой журнал

№ 1 (61), 30 марта 2024 г.

- УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ** **ФОНД ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ПРАВОВОЙ СЛУЖБЫ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ – ИНСТИТУТА ПРАВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА УрГЮА «ГАРМОНИЯ И БЛАГОДЕТЕЛЬ»**
- ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР** **Белых В. С.** – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА** **Герасимов О. А.** – доктор юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ВЫПУСК** **Вагина О. В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- Гаевская Е. Ю.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**
- Бозров В. М.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- Винницкий А. В.** – доктор юридических наук, проректор по науке, заведующий кафедрой земельного, градостроительного и экологического права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- Винницкий Д. В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», директор Института права БРИКС.
- Головина С. Ю.** – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- Губин Е. П.** – заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».
- Ершова И. В.** – доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».
- Илюшина М. Н.** – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
- Исаков В. Б.** – заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
- Камышанский В. П.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права».
- Карелина С. А.** – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».
- Кванина В. В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».
- Кузнецова О. А.** – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Митин А. Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Незнамова З. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права имени М. И. Ковалева, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Нур Джухайда Осман – Университет Саинс Ислам, г. Нилай, Малайзия.

Попондопуло В. Ф. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой коммерческого права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Салиева Р. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан».

Старилов Ю. Н. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан Юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Тужилова-Орданская Е. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

У Дунгао – Яньбеньский университет, юридический факультет, г. Яньци, Китайская Народная Республика.

Хазанов С. Д. – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», член Научно-консультативного совета Верховного Суда Российской Федерации.

Шевченко Г. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Владивостокского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».

Ярков В. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Силин Я. П. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (председатель совета).

Беляев К. П. – председатель Арбитражного суда Уральского округа.

Беседин А. А. – президент Уральской Торгово-промышленной палаты (председатель правления).

Гаджиев Г. А. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке.

Мамонтов Д. М. – министр природных ресурсов и экологии Свердловской области.

Первалова И. В. – кандидат юридических наук, президент Нотариальной палаты Свердловской области.

Сидоркин С. В. – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Свердловской области.

Таранов А. Н. – руководитель Уральского управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору.

Тимофеев А. В. – президент Национальной ассоциации участников фондового рынка.

Тужиков Р. С. – руководитель Уральского межрегионального управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования.

Чубаров В. В. – доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ.

Филиппенков А. А. – президент Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области.

Фурдуй С. В. – начальник Службы внутреннего аудита Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Белых Д. В. – заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

УДК 341.4

Актуальные проблемы совершенствования гражданского и предпринимательского законодательства в условиях цифровизации экономики и бизнеса

В. С. Белых¹

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы совершенствования гражданского и предпринимательского законодательства в условиях цифровизации экономики и бизнеса. В частности, названы разные направления «коммерциализации» гражданского законодательства. Первое – свобода экономической (предпринимательской) деятельности – основополагающий принцип гражданского права. Второе – легализация цифрового бизнеса в Гражданском кодексе РФ. Третье – совершенствование корпоративного законодательства. Речь идет о холдингах, концернах, консорциумах, пулах и других предпринимательских объединениях. Предпринимательские объединения – тема комплексного (межотраслевого) регулирования; она не вписывается в структуру и концепцию ГК РФ. Тем не менее автор статьи предлагает включить отдельную главу в Кодекс, в которой был бы урегулирован правовой статус различных таких объединений. Далее в статье отмечается, что правовое регулирование фондового рынка отстает от реального сектора экономики, не является объективным индикатором ее состояния. И в заключение анализируется понятие «предпринимательский договор», а также его признаки.

Ключевые слова: гражданское и предпринимательское законодательство, свобода экономической деятельности, предпринимательские объединения, ценные бумаги, фондовый рынок, предпринимательский договор, электронные сделки, электронные документы

Topical Problems of Improving Civil and Business Legislation in the Conditions of Digitalization of Economy and Business

Vladimir S. Belykh²

Abstract. The article deals with some issues of improving civil and business legislation in the conditions of digitalization of economy and business. In particular, the author names different directions of “commercialization” of civil legislation. One of them is freedom of economic (entrepreneurial) activity, i. e. a fundamental principle of civil law. The second direction is the legalization of digital business in the Civil Code of the Russian Federation. Improvement of corporate legislation is the next direction. We are talking about holdings, concerns, consortiums, pools and other entrepreneurial associations. Entrepreneurial associations are a topic of complex (inter-sectoral) regulation; it does not fit into the structure and concept of the Civil Code of the Russian Federation. Nevertheless, the author of the article proposes to include a separate chapter in the structure and the concept of the Civil Code, which would regulate the legal status of such associations. Further, the article notes that the legal regulation of the stock market lags behind the real sector of the economy and is not an objective indicator of its condition. In conclusion, the article analyzes the concept of “entrepreneurial contract”, as well as its features.

Keywords: civil and business legislation; freedom of economic activity; business associations; securities; stock market; business contract; electronic transactions; electronic documents

¹ Для цитирования: Белых В. С. Актуальные проблемы совершенствования гражданского и предпринимательского законодательства в условиях цифровизации экономики и бизнеса // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 6–11.

² For reference: Belykh V. S. Topical Problems of Improving Civil and Business Legislation in the Conditions of Digitalization of Economy and Business // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 6–11.

На наш взгляд, одной из магистральных линий по совершенствованию общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) с позиции науки предпринимательского (коммерческого) права должно быть более широкое использование в ГК РФ предпринимательско-правовых начал (норм), в том числе понятийного аппарата. Образно говоря, ГК РФ следует «коммерциализовать», причем в разных направлениях развития.

Можно привести несколько показательных примеров (направлений). Один из них – *свобода экономической (предпринимательской) деятельности* – основополагающий принцип гражданского права. Этот принцип закреплен в ст. 8 Конституции РФ, в соответствии с которой в Российской Федерации гарантируется свобода экономической деятельности¹. Более конкретно данный принцип раскрывается в ст. 34 Основного закона: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности». Предлагаем сформулировать в ст. 1 ГК РФ принцип свободы экономической (предпринимательской) деятельности. В ГК – кодексе рыночной экономики – принцип свободы экономической (предпринимательской) деятельности занял бы достойное место.

На фоне цифровизации экономики можно говорить о принципе свободы цифрового бизнеса. Правда, актуальным является вопрос, что есть цифровая свобода, поскольку она включает в себя не только право на всеобщий доступ к цифровым технологиям и информации, но и свободу выражения мнений, убеждений, творчество, а также развитие в сфере экономики и бизнеса.

Статья 2 ГК РФ (п. 1). Предлагаем внести изменения в определение понятия «предпринимательская деятельность». Во-первых, указать на то, что предпринимательская деятельность – это экономическая деятельность. Во-вторых, дополнить словами «деятельность, направленная на систематическое извлечение прибыли (дохода)». Для коммерческих организаций основная цель – извлечение прибыли, для индивидуальных предпринимателей – получение дохода. В-третьих, указать в определении предпринимательской деятельности в качестве одной из основных целей создание собственного дела (бизнеса).

И, скажем, не только. Поскольку в действующем законодательстве отсутствует легальное определение понятия «цифровой бизнес», в отечественной литературе можно обнаружить целую палитру точек зрения. Прежде всего, надо отметить, что наряду с термином «цифровой бизнес» используются понятия «электронный бизнес», «электронная коммерция». Для информации: термин «электронный бизнес» впервые был использо-

На фоне цифровизации экономики можно говорить о принципе свободы цифрового бизнеса

ван в 1997 г. компанией IBM, которая определила его как «преобразование бизнес-процессов при помощи интернет-технологий»². В свою очередь, консалтинговая компания Price Waterhouse Coopers определила электронный бизнес как «интеграцию систем, процессов, организаций, целей, которые создают стоимость, и рынков, использующих Интернет и связанные с ними технологии и концепции».

Суммируя сказанное, можно сделать следующие (промежуточные) выводы. **Во-первых**, понятия «цифровой бизнес», «электронный бизнес» тяготеют к базовой категории «предпринимательская деятельность», легальное определение которой сформулировано в ст. 2 ГК РФ. В этом контексте можно говорить о том, что цифровой бизнес (а равно электронный бизнес) является специфической формой предпринимательства. **Во-вторых**, смежные понятия «предпринимательская деятельность», «торговая деятельность» не синонимичны. Известно, что процесс производства продукции в широком смысле можно подразделить на отдельные этапы и виды деятельности. Это маркетинг (поиск и изучение рынка); проектирование и (или) разработка технических требований к продукции; подготовка и разработка производственных процессов; производство (в узком смысле); торговая (торгово-посредническая, торгово-закупочная) деятельность; контроль, проведение испытаний и обследований; упаковка и хранение; монтаж и эксплуатация; техническое обслуживание; утилизация. Эти этапы и виды деятельности охватываются термином «жизненный цикл продукции», который получил легальное

¹ См.: Белых С. В. Свобода предпринимательской деятельности как конституционно-правовая категория в Российской Федерации. СПб., 2005; Он же. Экономическая деятельность как конституционно-правовая категория: понятие, признаки // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 3. С. 44–47.

² См.: Рублевская Ю. В. Моделирование бизнеса в интернет-среде / Ю. В. Рублевская, Е. В. Попов // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 2. С. 87–102.

закрепление в российском техническом законодательстве (и не только) и широко применяется на практике¹. С рассматриваемой точки зрения *электронная коммерция* представляет собой самостоятельный вид (этап) производственного процесса. Она входит в состав обмена продуктами труда. Поэтому *вряд ли приемлема трактовка электронной коммерции как совокупности сделок (транзакций)*. **В-третьих**, будучи составной частью производственного процесса, электронная коммерция состоит из отдельных действий, в том числе правомерных действий в рамках гражданско-правовых обязательств, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг или уплату денег. Иначе говоря, *гражданский оборот* – важный (но не единственный) компонент электронной коммерции. **В-четвертых**, состав участников электронной коммерции совпадает с составом участников гражданских правоотношений: это физические и юридические лица, а также публичные образования (государство, субъекты РФ и муниципальные образования). В свою очередь, классификация моделей правоотношений (сегментов) осуществляется как по субъектному составу, так и по характеру складывающихся правоотношений (например, в отдельных сферах предпринимательской деятельности). Одним словом, все взаимосвязано².

Еще один пример коммерциализации ГК РФ – *совершенствование корпоративного законодательства, включая акционерное*. Речь идет о холдингах, концернах, консорциумах, пулах и других предпринимательских объединениях. Предпринимательские объединения – тема комплексного (межотраслевого) регулирования; она не вписывается в структуру и концепцию Гражданского кодекса России. Предпринимательские объединения не обладают статусом юридического лица, хотя при этом преследуют в качестве основной цели получение прибыли. По этой причине предпринимательские объединения не названы в Концепции развития гражданского законодательства, за исключением государственных корпораций. Однако вопрос актуальный и непростой.

В отечественной литературе были высказаны различные мнения по проблеме закрепления правового статуса предпринимательских объединений. Так, большинство исследователей хранят молчание и не предлагают

варианты легализации статуса объединений предпринимателей в России. Ученые-цивилисты выступают против закрепления такого статуса в ГК РФ, считая, что в Кодексе содержится ряд норм, которые в той или иной форме регулируют отношения, связанные со статусом предпринимательских объединений. Например, раньше действовала ст. 121 ГК РФ «Объединения юридических лиц (ассоциации и союзы)», в настоящее время действует ст. 123.8 ГК РФ. Некоторые ученые ссылались на ст. 121 ГК РФ, забыв о том, что в ней шла речь об объединении юридических лиц в форме ассоциаций или союзов, являющихся некоммерческими организациями. «Забывать об этом, память отрубив...»

Встречается противоположная позиция, а именно предлагается включить в ГК РФ отдельную главу 4.1 «Объединения в сфере предпринимательства», в которой был бы урегулирован правовой статус различных таких объединений³. Такой подход законодателя способствовал бы созданию необходимой правовой базы для дальнейшего развития предпринимательских объединений, в том числе кластера как экономической модели. Мы согласны с такой точкой зрения.

Почему согласны? В современных реалиях едва ли можно надеяться на разработку и принятие специального закона о предпринимательских объединениях, а тем более Предпринимательского кодекса РФ⁴. Одним словом, в настоящее время такие предложения имеют право на существование, но, как говорится, «фронда не пройдет». Это уже из области юридической фантастики.

Согласны, что многие ученые (и не только цивилисты) пугаются таких слов, как «предпринимательское право», «предпринимательское законодательство» и тем более «предпринимательский кодекс». Для некоторых до сих пор неприятно звучат слова «хозяйственное мыло» или «хозяйственная сумка».

Следующее магистральное направление в развитии гражданского и предпринимательского законодательства – это законодательство о ценных бумагах и фондовом рынке. Основные положения о ценных бумагах включены в общую часть Гражданского кодекса РФ. Это бесспорный факт. Но ценные бумаги, другие финансовые инструменты (например, деривативы) не сводятся к такой «жалкой классификации», которая в настоящее

¹ Белых В. С., Герасимов О. А. Категория «жизненный цикл продукции» в понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права // Предпринимательское право. 2020. № 1. С. 3–12.

² См.: Белых В. С. Цифровая экономика и цифровой бизнес как объекты правового регулирования // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 2. С. 32–37.

³ См.: Инновационные кластеры: доктрина, законодательство, практика / отв. ред. А. А. Мохов. М.: Контракт, 2018; Павлова А. А. Проблемы закрепления правового статуса объединений предпринимателей в России // Молодой ученый. 2023. № 13. С. 266–269.

⁴ См.: Белых В. С. О концептуальных подходах в правовом регулировании предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. 2010. № 4. С. 2–7.

время содержится в главе 7 ГК РФ. Но возникает вопрос: каковы масштабы разработки видов ценных бумаг для Кодекса, а что оставить в специальном законодательстве? Известно, что действующий Закон «О рынке ценных бумаг» посвящен в основном статусу профессиональных участников фондового рынка. Законодательство о рынке ценных бумаг и законодательство о ценных бумагах – это не совпадающие понятия. Правовое регулирование фондового рынка отстает от реального сектора экономики, не является объективным индикатором ее состояния.

Хотя законодатель пошел по иному пути. В частности, 14 октября 2003 г. Государственная Дума приняла Федеральный закон «Об ипотечных ценных бумагах» (в ред. ФЗ от 20 октября 2022 г. № 409-ФЗ). На наш взгляд, более предпочтительный вариант – принятие закона «О ценных бумагах», который включил бы положения о ценных бумагах (в том числе об ипотечных ценных бумагах).

Далее отметим, что в ГК РФ нет норм, посвященных предпринимательскому договору. Понятие «предпринимательский договор» широко применяется в учебной и научной литературе¹. Однако оно не получило легальной прописки в действующем законодательстве, а также в правоприменительной практике. Если в советское время термин «хозяйственный договор» часто встречался в нормативных правовых актах, то сейчас используются нейтральные словосочетания. Анализ Гражданского кодекса РФ (кодекса рыночной экономики) позволяет очертить несколько групп норм, которые в скрытой форме подразумевают предпринимательский договор. Коротко назовем их.

В **первую группу** можно выделить нормы ГК РФ, указывающие на принадлежность лиц-участников договорных обязательств к *субъектам предпринимательской деятельности*. Так, законодатель прямо предусматривает необходимость участия коммерческих организаций во всех публичных договорах (ст. 426), договорах финансирования под уступку денежного требования (ст. 825), доверительного управления имуществом (ст. 1015) и коммерческой концессии (ст. 1027). **Вторая группа** норм Гражданского кодекса РФ содержит правила, согласно которым в качестве стороны обязательства называются *лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность*. К ним относятся: договор поставки (ст. 506), поставки товаров для государственных

нужд (ст. 525), контрактации (ст. 535), хранения на товарном складе (ст. 907). И, наконец, **третья группа** норм определяет *предпринимательские цели* использования передаваемого имущества. Например, в соответствии с п. 1 ст. 1027 ГК РФ по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право *исполь-*

Если в советское время термин «хозяйственный договор» часто встречался в нормативных правовых актах, то сейчас используются нейтральные словосочетания

зовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау). Резонно возникает вопрос: в чем причина такого положения?

Как всегда, здесь можно обнаружить ряд причин. Трудно представить (даже умозрительно), если в ГК РФ поместить определение понятия предпринимательского договора, хотя такого рода предложения поступали от некоторых ученых, в основном от представителей концепции предпринимательского права. Раньше в литературе выдвигались аналогичные предложения о том, чтобы в Основах гражданского законодательства и гражданских кодексах особо выделить общие нормы о хозяйственных договорах. Но такие предложения не прошли до сих пор и вряд ли пройдут в обозримом будущем.

Как известно, предпринимательский договор – это не договорный тип, а также не разновидность гражданско-правового договора в контексте ГК РФ. В Кодексе выделено более 25 типов договоров, из которых лишь шесть (купля-продажа, рента, пожизненное содержание, аренда, подряд, заем и кредит, хранение) разделены на отдельные виды договоров. Остальные типы договоров не имеют видовой классификации². **Итак**, конструкция предпринимательского договора не вписывается в прокрустово ложе Гражданского кодекса РФ.

¹ См., например: Занковский С. С. Предпринимательские договоры / отв. ред. В. В. Лаптев. М., 2004. 304 с.; Договоры в предпринимательской деятельности / отв. ред. В. А. Павлодский, Т. Л. Левшина. М., 2008. 509 с.; Предпринимательское право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд. М., 2017. С. 909–918; Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учеб. для магистров / отв. ред. И. В. Ершова. М., 2017. С. 73–86.

² См.: Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: моногр. М., 2005. С. 337.

Тем не менее понятие «предпринимательский договор» имеет право на жизнь не только в научных дискуссиях. Правовой режим предпринимательского договора обладает достаточно большой спецификой, позволяющей выделить его и противопоставить непредпринимательскому («потребительскому») договору. Однако легализация предпринимательского договора возможна, например, в предпринимательском кодексе, где можно было бы закрепить общие положения о предпринимательском договоре и его видах, а также уделить внимание договорам, таким как договор буксировки, договоры на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей необщего пользования, договор на оказание логистических услуг и др., не нашедшим отражения в ГК.

В сфере цифрового бизнеса в целом и электронной коммерции в частности самостоятельную роль выполняют электронные сделки. Как всегда, резонно возникает вопрос: что есть электронные сделки и чем они отличаются от электронных документов и смарт-контрактов? Отметим, что в действующем законодательстве отсутствует легальное определение электронной сделки, равным образом нет и смарт-контракта. Зато в литературе множество точек зрения¹.

Сопоставляя между собой смежные понятия «электронный документ» и «электронная сделка», можно сказать, что электронная сделка содержит общие признаки электронного документа, но не сводится к электронному документу. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» **электронный документ** – документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Таким образом, электронный документ – это в первую очередь документированная информация, в рамках которой используются цифровые технологии и сети.

По нашему мнению, под **электронными сделками** следует понимать сделки, совершаемые с помощью

средств связи и вычислительной техники, без составления бумажного носителя. Электронные сделки – это гражданско-правовые сделки, которые регулируются нормами Гражданского кодекса РФ.

Согласно ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сделка есть правомерное действие, юридический факт. Поэтому понятие «электронная сделка» обладает **условным значением**.

Существует деление сделок в зависимости от сферы применения: банковские сделки, биржевые сделки, инвестиционные сделки, страховые сделки и др.²

Отсюда можно прийти к **следующим выводам**.

1. Понятие «электронная сделка» гармонично сочетает два начала: с одной стороны, она является электронным документом, с другой – гражданско-правовой сделкой. **2.** Принимая во внимание условное значение термина «электронная сделка», едва ли необходимо вносить соответствующие изменения и дополнения в Гражданский кодекс РФ. В то же время электронная форма сделок должна получить «юридическую прописку»³. Так, в силу п. 1 ст. 158 ГК РФ сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной). **3.** Логико-терминологический ряд «электронный документ» – «электронная сделка» – «электронный договор» тесно связан с понятием «электронное сообщение». Электронное сообщение означает передачу информации в форме данных, тестов или образцов через средства связи и вычислительной техники. Важным признаком электронного сообщения является указание на передачу информации⁴.

Итак, основные направления развития гражданского и предпринимательского законодательства в сфере цифровой экономики: 1) определение режима цифрового предпринимательства (бизнеса); 2) определение статуса субъектов цифрового бизнеса; 3) особенности несостоятельности (банкротства) субъектов цифрового бизнеса; 4) правовой режим имущества субъектов цифрового бизнеса; 5) особенности заключения и исполнения смарт-контрактов и др.

¹ См.: Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. С. 247–363; Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота (цивилистическое исследование): моногр.: в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. В. Василевская. М.: Проспект, 2021. С. 181–208.

² Подробнее см.: Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: моногр. С. 323–327.

³ Для сравнения: некоторые ученые считают, что Гражданский кодекс РФ допускает заключение сделок в электронной форме. Для того чтобы сделка была признана действительной, необходимо наличие подписей контрагентов. Правовая природа электронной формы сделки в юридической литературе определяется как разновидность простой письменной формы. См.: Крысанова Н. В. Электронные сделки в гражданском праве // URL: <https://www.studocu.com/ru/document/mgu-im-lomonosova/evropeyskoe-pravo/elektronnye-sdelki-v-grazhdanskom-prave/20670276>.

⁴ См.: Белых В. С. К вопросу о понятийном аппарате в сфере цифровизации экономики и бизнеса // Экономическое правосудие в Уральском регионе. 2022. № 2. С. 82–96.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белых В. С. К вопросу о понятийном аппарате в сфере цифровизации экономики и бизнеса // Экономическое правосудие в Уральском регионе. – 2022. – № 2. – С. 82–96.
2. Белых В. С. О концептуальных подходах в правовом регулировании предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. – 2010. – № 4. – С. 2–7.
3. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: моногр. – М., 2005. – 656 с.
4. Белых В. С. Цифровая экономика и цифровой бизнес как объекты правового регулирования // Бизнес, менеджмент и право. – 2023. – № 2. – С. 32–37.
5. Белых В. С., Герасимов О. А. Категория «жизненный цикл продукции» в понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права // Предпринимательское право. – 2020. – № 1. – С. 3–12.
6. Белых С. В. Свобода предпринимательской деятельности как конституционно-правовая категория в Российской Федерации. – СПб., 2005. – 230 с.
7. Белых С. В. Экономическая деятельность как конституционно-правовая категория: понятие, признаки // Бизнес, менеджмент и право. – 2006. – № 3. – С. 44–47.
8. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота (цивилистическое исследование): моногр.: в 5 т. – Т. 1 / отв. ред. Л. В. Василевская. – М.: Проспект, 2021. – 288 с.
9. Договоры в предпринимательской деятельности / отв. ред. В. А. Павлодский, Т. Л. Левшина. – М., 2008. – 509 с.
10. Занковский С. С. Предпринимательские договоры / отв. ред. В. В. Лаптев. – М., 2004. – 304 с.
11. Инновационные кластеры: доктрина, законодательство, практика / отв. ред. А. А. Мохов. – М.: Контракт, 2018. – 150 с.
12. Крысанова Н. В. Электронные сделки в гражданском праве // URL: <https://www.studocu.com/ru/document/mgu-im-lomonosova/evropeyskoe-pravo/elektronnye-sdelki-v-grazhdanskom-prave/20670276>.
13. Павлова А. А. Проблемы закрепления правового статуса объединений предпринимателей в России // Молодой ученый. – 2023. – № 13. – С. 266–269.
14. Предпринимательское право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – 3-е изд. – М., 2017. – 918 с.
15. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учеб. для магистров / отв. ред. И. В. Ершова. – М., 2017. – 848 с.
16. Рублевская Ю. В. Моделирование бизнеса в интернет-среде / Ю. В. Рублевская, Е. В. Попов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. – № 2. – С. 87–102.
17. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020. – 920 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белых Владимир Сергеевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X.

AUTHOR'S DETAILS

Vladimir S. Belykh

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of Business Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X.

УДК 347.122

Актуальные проблемы использования искусственного интеллекта в предпринимательских отношениях

Н. В. Архиреев¹

Аннотация. Значимость и пользу искусственного интеллекта обсуждают в последние годы и в доктрине, и на практике. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены проблемы, которые могут возникнуть при использовании искусственного интеллекта в предпринимательских отношениях. Одна из них – сокращение штата и численности персонала в связи с автоматизацией отдельных процессов. Следующая проблема носит доктринальный характер. Она заключается в отсутствии четкой законодательной базы, которая бы разграничивала автоматизацию отдельных процессов хозяйственной деятельности и работу искусственного интеллекта. Далее в статье рассматривается искусственный интеллект как некий инструмент управления предприятием и предпринимательскими рисками. В заключение автор предлагает внести изменения в законодательство, связанное с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, законодательство, предпринимательские отношения, предпринимательский риск, технологии

Current Problems of Using Artificial Intelligence in Business Relations

Nikolai V. Arkhireev²

Abstract. The importance and usefulness of artificial intelligence have been discussed in recent years both in doctrine and in practice. This article focuses on the problems that may arise when using artificial intelligence in entrepreneurial relationships. One of them is the reduction of staff and number of personnel related to automatization of certain processes. The next problem is of doctrinal nature. It lies in the lack of a clear legislative framework that would distinguish between the automatization of certain processes of economic activity and the work of artificial intelligence. Further, the article considers artificial intelligence as a certain tool for managing enterprise and entrepreneurial risk. In conclusion, the author proposes to amend the current legislation related to the use of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence; legal regulation; legislation; business relations; business risk; technology

Как указано в Рекомендациях Совета по искусственному интеллекту Организации экономического сотрудничества и развития³, искусственный интеллект – это технология общего назначения, которая может улучшить благосостояние людей, внести свой вклад в позитивную устойчивую глобальную экономическую активность, повысить уровень инноваций и производительности и помочь ответить на ключевые глобальные вызовы. Развитие искусственного интеллекта, его интегрирование

в человеческую жизнь диктуют необходимость выявления и оценки всех рисков использования искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе в бизнесе, принятия законодательных мер для исключения дальнейшего бесконтрольного использования систем искусственного интеллекта.

Для этого необходимо определить правовую проблему использования искусственного интеллекта, определить сферу правового регулирования

¹ Для цитирования: Архиреев Н. В. Актуальные проблемы использования искусственного интеллекта в предпринимательских отношениях // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 12–15.

² For referense: Arkhireev N. V. Current Problems of Using Artificial Intelligence in Business Relations // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 12–15.

³ Рекомендация по искусственному интеллекту (ИИ) – первый межправительственный стандарт по ИИ – была принята Советом ОЭСР на уровне министров 22 мая 2019 г. по предложению Комитета по политике цифровой экономики (CDEP) // URL: <http://business-resurs.com.ua/rekomendatsiya-soveta-oesr-po-iskusstvennomu-intellektu-art%7C13906.html> (дата обращения: 28.11.2023).

с учетом имеющихся наработок как в правовой науке, так и на уровне законодательства всех ведущих государств мира, предложить пути решения данных вопросов.

В преамбуле российской Дорожной карты развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» от 10 октября 2019 г. говорится, что искусственный интеллект может применяться для реализации новых возможностей человека во всех сферах деятельности, в том числе для:

— освобождения человека от монотонной работы путем автоматического создания программного обеспечения;

— поддержки в принятии решений;

— автоматизации опасных видов работ;

— поддержки коммуникаций между людьми¹.

Применение искусственного интеллекта необходимо во всех экономических и социальных отношениях для повышения качества жизни и улучшения благосостояния общества.

Все сказанное в полной мере относится к предпринимательским отношениям.

Предпринимательские отношения – понятие, существующее в целом в научной и учебной доктрине. Исходя из определения предпринимательской деятельности, закрепленного в ст. 2 ГК РФ, предпринимательские отношения связаны с ведением предпринимательской деятельности – деятельности, направленной на систематическое извлечение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг на свой риск².

Такие предпринимательские риски связаны, прежде всего, с неполучением ожидаемой прибыли (дохода) либо с возникновением непредвиденных расходов и убытков, а также со свертыванием производства товаров и услуг, утратой клиентуры и деловой репутации, и ликвидацией бизнеса и др.³

Развивающиеся технологии, в том числе технологии искусственного интеллекта, направлены на снижение подобных рисков. Безусловно, иметь беспристрастного, грамотного помощника в управлении предприятием – пожалуй, мечта любого руководителя.

Доступность некоторых программных средств, применяемых для автоматизации отдельных процессов, показала свою эффективность. Например, речь идет об автоматизации сбора первичных данных для целей

ведения бухгалтерского учета. Таким образом, использование технологии искусственного интеллекта позволяет снизить затраты на выполнение повторяющихся «рутинных» операций, сократить время обработки данных, уменьшить вероятные ошибки и в целом исключить «человеческий фактор».

Применение искусственного интеллекта необходимо во всех экономических и социальных отношениях для повышения качества жизни и улучшения благосостояния общества

Безусловно, первая проблема, которая немного выходит за рамки предпринимательских отношений, – сокращение штата и численности персонала в связи с автоматизацией отдельных процессов. Это в конечном счете может привести к росту безработицы, обнищанию населения, снижению покупательской способности, а соответственно, к возникновению убытков у бизнеса. Это сложные экономические процессы. С одной стороны, замена человека роботом или программой выгодна для предпринимателя, но с другой – становится глобальной проблемой для государства и общества, которая требует разработки и применения превентивных мер.

Следующая проблема носит доктринальный характер. Она заключается в отсутствии четкой законодательной базы, которая бы разграничивала автоматизацию отдельных процессов хозяйственной деятельности и работу искусственного интеллекта. 26 сентября 2023 г. на стратегической сессии Правительства РФ по развитию искусственного интеллекта также обсуждался вопрос о необходимости «донастройки нормативной базы»⁴. В научных трудах встречаются точки зрения о существовании «слабого» и «сильного» искусственного интеллекта. Понятие «слабого» искусственного интеллекта фактически охватило все те процессы хозяйственной деятельности предприятия, которые происходят автоматизированно, без принятия каких-либо срочных и разноплановых решений.

Помимо этого, требуется решение на законодательном уровне такого вопроса, как принятие искусственным

¹ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. В. С. Бельх. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 20–21.

⁴ Стратегическая сессия Правительства РФ «Развитие искусственного интеллекта», 26 сентября 2023 года // URL: <http://government.ru/news/49604> (дата обращения: 29.11.2023).

интеллектом неверных решений, которые в конечном счете могут повлечь за собой убытки у предпринимателя, использующего такую технологию. С одной стороны, сам субъект предпринимательской деятельности несет ответственность за достоверность данных, к которым искусственный интеллект получает доступ. Но, с другой стороны, система должна анализировать ошибки, допускаемые предпринимателем, и сообщать ему о выявленных отклонениях и дальнейших перспективах в случае игнорирования рекомендаций программы. Невыполнение подобных задач программным комплексом, коим и является искусственный интеллект, свидетельствует о его неполноценности, а также о ненадлежащем качестве такого продукта. Можно говорить о том, что специализированные системы искусственного интеллекта должны соответствовать определенным требованиям, а значит, речь идет о необходимости стандартизации и сертификации подобных программ.

Возникает вопрос: что будет, если искусственным интеллектом принимается ряд решений, которые повлекут за собой нарушение прав других субъектов предпринимательской деятельности – контрагентов лица, использующего данную технологию? На упомянутой стратегической сессии Правительства РФ министр экономического развития Максим Решетников отметил, что «крайне важной задачей [выступает] разделить ответственность за использование технологии искусственного интеллекта между пользователем и разработчиком».

Представляется, что серьезный, объемный программный комплекс – искусственный интеллект, применяемый в предпринимательских отношениях, – имеет соответствующую цену, которую большинство предпринимателей осилить не смогут. То есть одной из проблем может являться недоступность современных технологий для бизнеса. А значит, необходимо расширять меры государственной поддержки в этом направлении. Но этот вопрос носит больше экономический характер, нежели правовой.

Далее, рассматривая искусственный интеллект как некий инструмент управления предприятием, мы сталкиваемся с проблемой *управления самим этим инструментом*, его настройкой, что сводится к необходимости формирования определенных навыков у руководителя предприятия, позволяющих контролировать

процессы такой технологии и в случае необходимости прервать работу.

При массовом применении технологии искусственного интеллекта, с учетом рисков использования, в том числе заложенных на этапе его создания, предлагается обязательным условием для внедрения искусственного интеллекта установить наличие в штате организации специалистов, которые будут осуществлять управление, сопровождение и настройку соответствующих программ, либо заключение соглашений со специализированными организациями.

Следующая проблема касается *снижения человеческого контакта при использовании искусственного интеллекта*. Одной из возможностей применения искусственного интеллекта является поддержка коммуникаций между людьми. Однако на практике мы видим, что уровень такой коммуникации снижается. Ряд компаний, используя голосовых помощников, либо не предоставляют возможности общения с персоналом, либо существенно ограничивают данную возможность. Некоторые крупные организации настолько автоматизировали претензионную и судебную работу, что избежать судебного процесса, издержек, потери времени возможно, только если выполнить предъявленное требование, тем самым лишая контрагентов возможности урегулировать спор в досудебном порядке, поскольку зачастую возникший спор можно разрешить во внесудебном порядке путем переговоров.

В завершение исследования актуальных проблем применения искусственного интеллекта необходимо **внести следующие предложения:**

- 1) формирование четкой законодательной базы, закрепляющей понятие искусственного интеллекта, позволяющее разграничить его с процессами автоматизации отдельных элементов хозяйственной деятельности;
- 2) рассмотрение возможностей стандартизации и сертификации программ искусственного интеллекта;
- 3) урегулирование вопроса ответственности при применении искусственного интеллекта, включая разграничения ответственности разработчика и пользователя;
- 4) установление обязательного условия наличия в штате организации, использующей искусственный интеллект, специалистов определенного уровня образования и с навыками, позволяющими администрировать искусственный интеллект и управлять им.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект // СПС «КонсультантПлюс».
2. Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. В. С. Белых. – 2-е изд. перераб. и доп. – М., 2022. – 768 с.
3. Рекомендация по искусственному интеллекту (ИИ), принята Советом ОЭСР на уровне министров 22 мая 2019 года по предложению Комитета по политике цифровой экономики (CDEP) // URL: <http://business-resurs.com.ua/rekomendatsiya-soveta-oesr-po-iskusstvennomu-intellektu-art%7C13906.html>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Архиереев Николай Викторович

председатель Арбитражного суда Республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий (Россия, Уфа). E-mail: nick.mr@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-5471-8195.

AUTHOR'S DETAILS

Nikolay V. Arhiereev

Chairman of the Commercial Court of the Republic of Bashkortostan, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Civil Law Department, Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology (Russia, Ufa). E-mail: nick.mr@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-5471-8195.

УДК 349.2

К вопросу о машиночитаемом и машиноисполняемом трудовом праве

А. В. Серова¹

Аннотация. Развитие цифровой экономики способствует удовлетворению потребностей общества и государства в обеспечении законности и правопорядка посредством использования цифровых технологий для создания и реализации норм трудового права. В статье проведен анализ семантического значения понятия «машиночитаемое и машиноисполняемое трудовое право», проблем и перспектив его развития. При этом особое внимание обращается на такие понятия, как искусственный интеллект, электронный документооборот в сфере трудовых отношений. Автор статьи отмечает, что трудовое законодательство содержит недостатки в сфере понятийного аппарата, а также иные дефекты, например: недостатки, противоречия, несовершенство трудовправовых норм и трудовправовых конструкций, которые приводят к проблемам правоприменения, нарушению трудовых прав и законных интересов субъектов трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Ключевые слова: машиночитаемое трудовое право, машиноисполняемое трудовое право, цифровые технологии, искусственный интеллект, электронный документооборот в сфере трудовых отношений

Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта научной группы № 0402/2023.

On the issue of Machine-Readable and Machine-Executable Employment Law

Alena V. Serova²

Abstract. The development of the digital economy contributes to meeting the needs of society and the state in ensuring law and order through the use of digital technologies to create and implement employment law norms. The article analyzes the semantic meaning of the concept of “machine-readable and machine-executable employment law”, and problems and prospects of its development. At the same time, special attention is paid to such concepts as artificial intelligence, electronic document management in the field of labor relations. The author of the article notes that labor legislation contains shortcomings in the field of conceptual apparatus, as well as other defects, for example: shortcomings, contradictions, imperfection of labor law norms and labor law structures, which lead to problems of law enforcement, violation of labor rights and legitimate interests of subjects of labor and other directly related relations.

Keywords: machine-readable employment law; machine-executable employment law; digital technologies; artificial intelligence; electronic document management in the field of employment relations

The reported study was funded by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev according to the project of the scientific group № 0402/2023.

Регулирование электронного взаимодействия между субъектами трудового права началось еще в 2010 г., когда была регламентирована возможность использования электронной формы документов (требований,

¹ Для цитирования: Серова А. В. К вопросу о машиночитаемом и машиноисполняемом трудовом праве // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 16–21.

² For reference: Serova A. V. On the issue of Machine-Readable and Machine-Executable Employment Law // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 16–21.

обращений), адресованных государственному органу по урегулированию коллективных трудовых споров (ст. 399, 401 ТК РФ). На протяжении последующих 11 лет реформирование трудового законодательства в этом направлении преимущественно носило точечный характер. Затем в 2021 г. в ТК РФ были внесены изменения более глобального порядка, когда в ТК РФ были включены ст. 22.1–22.3 об электронном документообороте в сфере трудовых отношений. Данные новеллы получили статус общих положений, распространяющихся на взаимодействие между сторонами трудовых отношений (работника и работодателя), за исключением случаев, прямо предусмотренных в ТК РФ. Вследствие таких преобразований неизбежно в качестве насущной перед юридическим сообществом предстала проблема машиночитаемого и машиноисполняемого трудового права.

Появление любых новых правовых категорий безусловно требует научного осмысления. Первое, с чего следует начинать подобное исследование, – это определение сущности и дефиниции зародившегося понятийного аппарата. При этом вполне логично предположить, что целесообразнее будет разработать такой нормативный правовой акт, который будет устанавливать общие для всех отраслей права положения относительно машиночитаемого и машиноисполняемого права. Задачей трудового права должно стать определение особенностей их применения в сфере труда.

В этой части сразу стоит отметить законодательный пробел в данной области регулирования общественных отношений. Вместе с тем в отдельных нормативных правовых актах и иных официальных документах используются однокоренные данному термину слова: «машиночитаемый вид», «машиночитаемые носители», «машиночитаемая запись», «машиноориентированная форма» и т. п. Так или иначе семантическое значение данных выражений сводится к тому, что это такая форма представления информации, которая пригодна для ее считывания автоматическим способом, т. е. с помощью специального программного обеспечения.

В 2021 г. в России разработана Концепция развития технологий машиночитаемого права (далее –

Концепция)¹. В ней приводится возможный вариант определения того, что следует понимать под машиночитаемым правом: во-первых, это основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), во-вторых, это сами технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения). Анализ данного определения наводит на мысль о том, что категорию «машиночитаемое право» следует рассматривать в двух значениях: онтологическом и технологическом. Технологического подхода придерживаются в своих исследованиях такие авторы, как М. А. Липчанская и С. А. Привалов. Они предлагают определять машиночитаемое право как «системы и технологии искусственного интеллекта, направленные на имплементацию норм права в работу информационных систем, предоставляющих услуги по реализации прав человека (учитывая обмен данными) в автоматическом режиме»².

Другой подход к анализу сущности машиночитаемого права излагает в своей работе Е. А. Казьмина. Автор рассматривает машиночитаемое право с точки зрения системы российского права. В связи с этим ею делается вывод о том, что оно само по себе не образует новую отрасль права, его логичнее представлять в виде межотраслевого правового института, в котором объединяются нормы, регулирующие создание и реализацию машиночитаемых норм права³.

Надо отметить, что в большинстве исследований и в самой Концепции категория «машиноисполняемое право» не используется. Вместе с тем в юридической литературе восполняется данный пробел и высказываются иные точки зрения насчет того, как следует воспринимать эти категории. Так, И. В. Понкин выделяет три возможные формы существования машиночитаемого и машиноисполняемого права: праксиологическая, онтологическая, телеологическая. Так, если право трансформируется так, чтобы программы были способны осуществлять с ним определенные операции (например, находить подходящие нормы, анализировать и толковать их), то в таком случае речь идет о праксиологической

¹ Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 сентября 2021 г. № 31).

² Липчанская М. А., Привалов С. А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журн. рос. права. 2022. Т. 26. № 10. С. 90.

³ Казьмина Е. А. Машиночитаемое право: основные тенденции развития // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 28–29 июня 2022 г.) / под ред. Д. Л. Проказина. Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. С. 455.

форме. Однако относительно этого возникают определенные вопросы. Первый вопрос: зачем нужно именно право трансформировать под программы, а не программы подстраивать под право? Второй: возможно ли вообще трансформировать право под программы; будет ли необходимо трансформировать право по-разному в зависимости от того, какие программы будут использоваться? Кстати, в Концепции приводится пример

Если говорить о причинах и необходимости развития машиночитаемого и машиноисполняемого права, то в юридической науке в целом сформировалось мнение о том, что сейчас сложились благоприятные условия для этого

проведенного в новозеландской Лаборатории инноваций в сфере услуг (LabPlus) эксперимента по изложению двух законодательных актов в виде программного кода. В ходе эксперимента каждая норма была записана в трех видах: на английском языке, в виде псевдокода (на английском языке, следуя логике языка программирования) и в виде программного кода. По итогам разработки предлагаемого решения исследователи сделали выводы: для машиночитаемых норм права необходимо адаптированное под них законодательство, поскольку обычные нормативные акты с трудом поддаются переводу на языки программирования; не все нормативные акты могут быть изложены в машиночитаемом виде. Если право изначально создается на основе специальных языков программирования, то в таком случае мы имеем дело с онтологической формой существования машиночитаемого и машиноисполняемого права. Однако при этом логика права вынуждена быть трансформирована в компьютерно-программную логику. В связи с этим тоже возникают определенные сложности: существует ли сегодня такой подходящий язык программирования и каким он должен быть, чтобы на его основании можно было создавать право и право при этом могло существовать? И, наконец, третья форма – телеологическая – предполагает такое право, которое инструментально

позволяет достичь и обеспечить высокую степень автоматизации решения юридических задач¹.

Если говорить о причинах и необходимости развития машиночитаемого и машиноисполняемого права, то в юридической науке в целом сформировалось мнение о том, что сейчас сложились благоприятные условия для этого: одновременно имеются как запрос со стороны государства и общества на технологии машиночитаемого и машиноисполняемого права, так и технологические условия для их развития. М. А. Липчанская и С. А. Привалов указывают на следующие факторы: сложность и объемность российского права, наличие в нем нечетких правовых конструкций, пробелов и т. п., проблемность понимания и применения права, необходимость алгоритмизации общественных отношений, развитие цифровых технологий, в особенности систем искусственного интеллекта². Все это успешно можно проиллюстрировать на примере трудового права.

Итак, если говорить о сфере труда, то действительно, переход на так называемую «электронную трудовую книжку»³ и массовое внедрение электронного документооборота во взаимодействие между субъектами трудового права требуют использования специального программного обеспечения для создания, хранения, передачи и иных видов обработки трудовправовой информации. К примеру, для электронного документооборота в сфере трудовых отношений могут быть использованы как Цифровая платформа «Работа в России», так и информационная система работодателя. Также для передачи сведений о трудовой деятельности были разработаны не только формы, которые работодателю необходимо заполнить и направить в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации или работнику, но и формат таковых. В качестве формата определены шаблоны программного кода, которые должны использоваться в той информационной системе, с помощью которой сведения о трудовой деятельности будут передаваться соответствующему субъекту.

Кроме того, к сожалению, трудовое право наполнено различными недостатками понятийного аппарата и иными дефектами, к коим в науке трудового права принято относить «недостатки, противоречия, несовершенство трудовправовых норм и трудовправовых конструкций, которые приводят к проблемам правоприменения, нарушению трудовых прав и законных интересов субъектов трудовых и иных непосредственно связанных с ними

¹ Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юрид. техника. 2021. № 15. С. 235.

² Липчанская М. А., Привалов С. А. Указ. соч. С. 90–91.

³ Термин «электронная трудовая книжка» является условным, используется государством и прессой в целях разъяснения положений, касающихся перехода на электронную форму передачу сведений о трудовой деятельности работников взамен заполнения бумажной трудовой книжки.

отношений»¹. В качестве примера таковых можно привести использование в ТК РФ одного и того же термина в разных значениях. Так, термин «премия» используется для обозначения как части заработной платы (ст. 129 ТК РФ), так и одной из мер поощрения работника (ст. 191 ТК РФ). На практике такая ситуация приводит к тому, что категории, обозначаемые одинаковым термином, не разграничиваются работодателями и судами, что приводит к снижению уровня гарантий работника с точки зрения обеспечения достойной оплаты труда, поскольку работник теряет возможность взыскать с работодателя невыплаченную премию.

Приведем еще один пример. Он связан с использованием термина «перевод». Классически данный термин используется для обозначения категории, предполагающей изменение либо трудовой функции работника, либо структурного подразделения, в котором он работает при условии его указания в трудовом договоре, либо местности вместе с работодателем (ч. 1 ст. 72.1 ТК РФ). Если его использование в отношении ситуации изменения работодателя (так называемый «внешний перевод») чаще всего рассматривается в качестве архаизма, сохранившегося со времен советского трудового законодательства, то его употребление в отношении изменения рабочего места при переходе на дистанционный формат работы по инициативе работодателя в исключительных случаях (ст. 312.9 ТК РФ) вызывает обоснованное недоумение. Вместе с тем в ст. 312.1 ТК РФ термин «перевод» не используется, но говорится о дополнительном соглашении к трудовому договору, согласно которому может предусматриваться выполнение работником трудовой функции дистанционно на постоянной или временной основе. Действительно, в данном случае все, что может быть изменено в порядке истинного перевода, не изменяется, поскольку стационарное рабочее место заменяется на внестационарное и предусматривается дополнительная обязанность сторон трудового договора по осуществлению взаимодействия посредством сети Интернет и сетей связи общего пользования и ряда иных. Проблема неточности понятийного аппарата возникает относительно следующего. Так, согласно ст. 66.1 ТК РФ работодатель

обязан передавать в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации сведения о трудовой деятельности работника. Первоначально (с 2021 г. до 2023 г.) это осуществлялось посредством направления формы СЗВ-ТД², а с 2023 г. в связи с объединением Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования РФ она была заменена на форму ЕФС-1³. Среди кадровых мероприятий, предусмотренных в данной форме в качестве обязательного, относительно которого работодателем должна быть передана форма ЕФС-1, указан «Перевод». Возникает вопрос: должен ли работодатель направлять форму ЕФС-1 в случае, как говорится в ТК РФ, «перевода» работника на дистанционную работу? Ответ на данный вопрос будет однозначно отрицательным. Но в ситуации, когда речь идет о переименовании трудовой функции, работодатель должен будет сделать обратный вывод. Согласно ст. 57 ТК РФ наименование трудовой функции работника является обязательным условием трудового договора. Наименование трудовой функции работника в обязательном порядке должно быть указано при приеме на работу как в трудовой книжке, так и в графе 5 формы ЕФС-1 (подраздел 1.1). Для трудовой книжки предусмотрен порядок внесения записи о переименовании организации⁴, который по аналогии достаточно просто использовать и в отношении переименования трудовой функции. Но заполнение формы ЕФС-1 относительно кадрового мероприятия «Переименование» возможно только для переименования организации. В связи с этим Пенсионный фонд РФ указал на необходимость представления формы с кадровым мероприятием «Перевод»⁵, несмотря на то, что по смыслу ч. 1 ст. 72.1 ТК РФ это переводом не является.

С точки зрения Концепции машиночитаемое право могло бы решить проблему дефектов трудового права, поскольку «машиночитаемое право представляется одним из эффективных способов непротиворечивого изложения правовых норм с целью повышения удобства правоприменения для государства, предпринимательского сообщества и граждан». Вместе с тем у разработчиков Концепции есть сомнения, и они весьма обоснованы, в том, что все нормативные правовые акты могут быть

¹ Жильцов М. А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 10.

² Постановление Правления Пенсионного фонда России от 25 декабря 2019 г. № 730п «Об утверждении формы и формата сведений о трудовой деятельности зарегистрированного лица, а также порядка заполнения форм указанных сведений».

³ Постановление Правления Пенсионного фонда России от 31 октября 2022 г. № 245п «Об утверждении единой формы „Сведения для ведения индивидуального (персонифицированного) учета и сведения о начисленных страховых взносах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (ЕФС-1)“ и порядка ее заполнения».

⁴ Пункт 13 приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 19 мая 2021 г. № 320н «Об утверждении формы, порядка ведения и хранения трудовых книжек».

⁵ Информация Пенсионного фонда России от 4 сентября 2019 г. «Электронная трудовая книжка (ЭТК)».

переведены в машиночитаемый формат, скорее всего придется адаптировать текст норм права под языки программирования, и к тому же очень сложно будет переводить в машиночитаемый формат нормы-принципы. С данным тезисом следует согласиться.

Если говорить о проблематике машиноисполняемого трудового права, то здесь стоит отметить следующее. На самом деле машиноисполняемое трудовое право – это не фантастика. В действительности уже есть примеры того, как оно претворяется в жизнь. Так, РОСОМЗ и компанией Softline было разработано такое средство индивидуальной защиты, как программно-аппаратный комплекс «Умный каски»¹. Он может использоваться для контроля в режиме реального времени соблюдения техники безопасности работниками, обязанными носить защитную каску или иное защитное оборудование (шлем, маска и т. п.) на голове. В совокупности с другими устройствами с помощью программного алгоритма работник, не надевший каску или надевший ее неправильно, может быть в автоматическом режиме не допущен к месту выполнения работы. На языке трудового права происходит отстранение работника от работы согласно ст. 76 и 214 ТК РФ. Таким образом происходит ситуация исполнения требований трудового законодательства с помощью программного кода.

Приведем еще пример. На сайте Онлайнинспекция.рф есть ресурс «Проверь трудовой договор»², с помощью которого после последовательного ответа на предложенные в системе вопросы автоматически будет сформирован отчет об обнаруженных недостатках в процедуре заключения трудового договора и в содержании самого трудового договора, а также будут предложены рекомендации по их исправлению.

Кроме того, на базе Справочной правовой системы «Гарант» создана система «Суляжник», которая осуществляет поиск судебной практики по конкретной заданной фактуре³. Но, к сожалению, она еще слишком далека от совершенства, поскольку составляемый ею подбор судебной практики не совсем точно соответствует заданным параметрам поиска. Чаще всего причиной тому становятся дефекты трудового права, о которых ранее было упомянуто. Помимо этого, системам

искусственного интеллекта сложно понимать текст, написанный естественным языком, и сопоставлять его с текстом, изложенным в судебном решении. В связи с этим стоит согласиться с мнениями ученых, которые указывают, что одним из препятствий для создания машиночитаемого и машиноисполняемого права является то, что право создается на естественном языке и предназначено для понимания и применения человеком, а не машиной.

Вместе с тем перспективы у машиночитаемого и машиноисполняемого трудового права довольно велики. В юридическом научном сообществе уже обсуждается возможность придания трудовому договору формы смарт-контракта, что могло бы предупредить нарушения трудового законодательства в части заключения, изменения и прекращения трудового договора⁴. Кроме того, система подборки судебной практики могла бы эффективно использоваться судами при подготовке к рассмотрению индивидуальных трудовых споров. Но более всего в целях обеспечения качественного разрешения спора между работником и работодателем она пригодилась бы комиссии по трудовым спорам, поскольку ее членами чаще всего являются работники, не имеющие юридического образования.

Примером успешного использования системы искусственного интеллекта для определения законности вынесенного судебного акта является разработанная в Республике Казахстан Генеральной прокуратурой совместно с Верховным Судом РК автоматизированная информационная система «Зандылык», которая была представлена в 2017 г. Система может проверять проекты актов (или уже принятые акты) прокурора или судьи на соответствие формальным требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, а также собирать судебную статистику по регионам. Так, только в 2017 г. система выявила порядка 400 незаконных приговоров, которые опротестованы и изменены через Верховный Суд РК⁵.

В заключение следует сделать ряд выводов. **Во-первых**, в настоящее время наблюдается тенденция развития российского трудового права по пути его адаптации под возможности цифровых технологий, а не цифровых

¹ Программно-аппаратный комплекс «Умные каски» // URL: <https://softline.ru/uploads/f/74/b1/45/d0/c9/11/87/4b/65/Умные%20каска. pdf> (дата обращения: 05.03.2023).

² Проверочный лист «Трудовой договор» // URL: <https://онлайнинспекция.рф/precheck/148> (дата обращения: 05.03.2023).

³ Аналитическая система «Суляжник» // URL: <https://sulyazhnik.ru> (дата обращения: 05.03.2023).

⁴ Серова А. В. Смарт-контракт и трудовой договор: перспективы развития трудового права // Проблемы трудового и социального права в условиях цифровой трансформации общества: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Республика Беларусь, г. Минск, 4 ноября 2022 г.) / отв. ред. К. Л. Томашевский. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. С. 38–42.

⁵ Сактаганова Л. Использовать возможности цифровизации // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32422699&pos=49;-35#pos=49;-35 (дата обращения: 05.03.2023).

технологий под нужды трудового права. Тем самым реализуется прагматический аспект машиночитаемого и машиноисполняемого права. **Во-вторых**, существующие дефекты трудового права являются серьезным препятствием для трансформации трудового права в машиночитаемый и машиноисполняемый формат.

В связи с этим на первый план должен выйти его онтологический аспект. Поэтому научному сообществу нужно сформировать общие онтологии правовых знаний. **В-третьих**, очевидно, что решить обозначенные проблемы юристам и программистам отдельно друг от друга без образования коллаборации невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жильцов М. А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2011. – 55 с.
2. Казьмина Е. А. Машиночитаемое право: основные тенденции развития // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 28–29 июня 2022 г.) / под ред. Д. Л. Проказина. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. – С. 455–457.
3. Липчанская М. А., Привалов С. А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журн. рос. права. – 2022. – Т. 26. – № 10. – С. 85–96.
4. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 231–235.
5. Сактаганова Л. Использовать возможности цифровизации // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32422699&pos=49;-35#pos=49;-35 (дата обращения: 05.03.2023).
6. Серова А. В. Смарт-контракт и трудовой договор: перспективы развития трудового права // Проблемы трудового и социального права в условиях цифровой трансформации общества: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Республика Беларусь, г. Минск, 4 ноября 2022 г.) / отв. ред. К. Л. Томашевский. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. – С. 38–42.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Серова Алена Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: a.v.serova@usla.ru, ORCID: 0000-0002-7444-9690, Scopus ID 57719724400.

AUTHOR'S DETAILS

Alena V. Serova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Labor Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: a.v.serova@usla.ru, ORCID: 0000-0002-7444-9690, Scopus ID 57719724400.

УДК 346.21, 347

Искусственный интеллект в нормотворческой деятельности: перспективы и риски

С. А. Эбергарт¹

Аннотация. Под нормотворческой деятельностью понимается деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц по разработке, рассмотрению, принятию и опубликованию нормативных правовых актов. Нормотворчество – фундамент правовой системы, от качества которого зависит стабильное функционирование всех институтов общества. Современные технологии открывают уникальную возможность вывести нормотворческую деятельность на новый уровень. В статье анализируются перспективы внедрения инструментов искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность. Рассматриваются перспективы применения ИИ на стадиях планирования нормотворческой деятельности, подготовки проекта нормативного акта, проведения экспертизы, обсуждения и согласования проекта, принятия нормативного акта, опубликования принятого акта. Исследуются возможные риски внедрения искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность: риски, связанные с ошибками в работе алгоритмов искусственного интеллекта, предвзятость искусственного интеллекта, недостаточная прозрачность и объяснимость результатов, получаемых с использованием технологий искусственного интеллекта, утрата практических навыков и компетенций специалистами-юристами. Предлагаются механизмы минимизации существующих рисков. В заключение автор приходит к выводу, что при совокупности определенных условий позитивный потенциал искусственного интеллекта в нормотворчестве может быть успешно реализован.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии, нормотворческая деятельность, стадии нормотворческой деятельности, нормативный правовой акт

Настоящая статья выполнена при поддержке Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева в рамках реализации научного проекта «Концепция машиночитаемого права в сфере правового регулирования экономики и бизнеса: перспективы и риски».

Artificial Intelligence in Law-Making: Prospects and Risks

Semyon A. Ebergardt²

Abstract. Rule-making activity is understood as the activity of authorised state bodies and officials on development, consideration, adoption and publication of normative legal acts. Rule-making is the foundation of the legal system, on the quality of which depends the stable functioning of all institutions of society. Modern technologies offer a unique opportunity to bring normative activity to a new level. The article analyses the prospects for the introduction of artificial intelligence tools in rule-making activity. The article examines the prospects of AI application at the stages of planning normative activity, preparing a draft normative act, carrying out expertise, discussing and coordinating the draft act, adopting the normative act, and publicizing the adopted act. The author analyzes possible risks of introducing artificial intelligence in law-making activity: risks associated with the errors in the work of artificial intelligence algorithms, bias of artificial intelligence, insufficient transparency and clarity of the results obtained using artificial intelligence technologies, and loss of practical skills and competencies of legal professionals. The author proposes mechanisms to minimize the existing risks. The author concludes that positive potential of artificial intelligence can be minimized under a set of certain conditions.

Keywords: artificial intelligence; technology; normative activity; stages of normative activity; normative legal act

The work was supported by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev within the framework of the scientific project “The concept of machine-readable law in the sphere of legal regulation of economy and business: prospects and risks”.

¹ Для цитирования: Эбергарт С. А. Искусственный интеллект в нормотворческой деятельности: перспективы и риски // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 22–26.

² For reference: Ebergardt S. A. Artificial Intelligence in Law-Making: Prospects and Risks // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 22–26.

В российском праве понятие искусственного интеллекта раскрывается в п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490¹. Искусственным интеллектом (ИИ) признается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

На наш взгляд, данное определение приписывает искусственному интеллекту свойства, которыми на данном этапе развития он не обладает. Результаты деятельности существующих систем ИИ несопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека и тем более не превосходят их. И поскольку данное определение не позволяет отнести к системам искусственного интеллекта какие-либо существующие решения, мы предлагаем в рамках настоящей работы отойти от легального определения в пользу следующего: *искусственный интеллект* – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать мыслительную деятельность человека.

Искусственный интеллект активно используется в таких сферах, как ИТ, финансы, маркетинг, медицина, транспорт и, конечно, юриспруденция. ИИ уже сейчас позволяет сократить время на обработку и анализ юридической информации, автоматически формирует небольшие документы, а также автоматизирует иные несложные процессы. Все чаще рассуждают о внедрении искусственного интеллекта и в нормотворческую деятельность (Т. Р. Молодцов², А. А. Шафалович³ и др.).

Под *нормотворческой деятельностью* понимается деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц по разработке, рассмотрению, принятию и опубликованию нормативных правовых актов. Трудно не согласиться с позицией Т. Н. Москалькова и В. В. Черникова, которые называют нормотворчество важнейшей функцией государства, выступающей системообразующим фактором в механизме правовой регуляции жизни общества⁴.

Нормотворчество включает в себя такие стадии, как планирование нормотворческой деятельности, подготовка проекта нормативного акта, проведение экспертизы, обсуждение и согласование проекта, принятие нормативного акта, опубликование принятого акта. Применение искусственного интеллекта видится возможным на всех этих стадиях.

На стадии планирования определяются цели и задачи по подготовке нормативных актов на определенный период, а также составляется план подготовки конкретных законопроектов и проектов других нормативных актов. А. А. Белова, рассуждая о необходимости планирования нормотворческой деятельности, отмечает, что «применение долгосрочного, стратегического планирования нормотворческой деятельности поможет не допустить несогласованность нормативных актов, поможет установить баланс между нормами законов и реальным претворением их в жизнь»⁵. Применение искусственного интеллекта на данной стадии представляется нам возможным в следующих формах.

1. Автоматический сбор и анализ данных о результатах правоприменения, правовой статистике, социологических опросах для определения приоритетных сфер правового регулирования. В качестве источников информации могут использоваться различные государственные информационные системы, открытые базы судебных решений, материалы социологических опросов, статистика в СМИ.

2. Выявление коллизий и пробелов действующего законодательства для последующей разработки проектов нормативных правовых актов, призванных устранить их. Искусственный интеллект может осуществлять автоматический анализ содержания и логических взаимосвязей между нормами права, что позволит выявить противоречия и нестыковки.

3. Прогнозирование правовых и социально-экономических последствий принятия конкретных проектов нормативных правовых актов. Например, ИИ с помощью алгоритмов выявления причинно-следственных связей может проанализировать степень влияния аналогичных норм права на различные социально-экономические показатели в прошлом и сделать выводы о том,

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).

² Молодцов Т. Р. Искусственный интеллект как способ оптимизации нормотворческого процесса // Пробелы в рос. законодательстве. 2019. Т. 12. № 3. С. 12–15.

³ Шафалович А. А. Внедрение искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность в контексте инновационного государства // Право. 2023. № 5. С. 13–19.

⁴ Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: науч.-практ. пособие. 2-е изд. М.: Проспект, 2014. С. 4.

⁵ Белова А. А. Современные подходы и пути решения проблем нормотворческой деятельности // Аллея Науки. Науч.-практ. электрон. журн. 2023. № 9. С. 6.

какое влияние окажет разрабатываемый в настоящем законопроект.

На стадии подготовки проекта нормативного акта осуществляется его непосредственная разработка как полноценного документа. На данном этапе применение технологий искусственного интеллекта видится нам крайне перспективным. Возможна автоматизация отдельных рутинных операций юристов-разработчиков

В мировой практике уже есть случаи успешного применения искусственного интеллекта при разработке нормативных актов

нормативных актов. К таким операциям можно отнести формирование структуры проекта нормативного акта, генерацию типовых формулировок, внесение изменений в связанные положения других актов. Также мы считаем, что уже сейчас при определенных настройках искусственный интеллект может самостоятельно и практически без участия человека подготовить текст простого нормативного акта и надлежащим образом его оформить.

В мировой практике уже есть случаи успешного применения искусственного интеллекта при разработке нормативных актов. Так, 23 ноября 2023 г. вступило в силу постановление городского совета бразильского города Порту-Алегри, которое, как утверждает автор, было полностью написано чат-ботом «OpenAI ChatGPT». В ответ на запрос «создать муниципальный закон для города Порту-Алегри, исходящий от законодательной, а не исполнительной власти, который запрещает Муниципальному департаменту водоснабжения и канализации взимать плату с владельца имущества для оплаты нового счетчика воды в случае его кражи» ИИ предложил текст постановления, предусматривающего обязанность городских органов в 30-дневный срок заменить украденные счетчики воды и в случаях, когда этот срок не был соблюден, освободить владельцев недвижимости от оплаты счетов за воду. Проект постановления был единогласно принят членами городского совета, которые не знали о роли искусственного интеллекта в его создании¹.

Также мы решили самостоятельно проверить возможности искусственного интеллекта по составлению проектов нормативных актов. В соответствии со ст. 14 Налогового кодекса РФ от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ налог на имущество организаций является региональным налогом, согласно пп. 1 и 1.1 ст. 380 Кодекса налоговая ставка на данный налог устанавливается законом субъекта Российской Федерации и не может превышать 2,2 процента в отношении объектов недвижимого имущества, налоговая база в отношении которых определяется как кадастровая стоимость, за исключением некоторых объектов, налоговые ставки устанавливаются законами субъектов РФ и не могут превышать 2 процента. Мы обратились к одному из множества чат-ботов на основе искусственного интеллекта² и сделали следующий запрос: «Подготовь проект закона Свердловской области об установлении налоговой ставки налога на имущество организаций в размере 2 процентов в отношении объектов недвижимого имущества, налоговая база в отношении которых определяется как кадастровая стоимость».

Искусственный интеллект верно выбрал форму акта, устанавливающего размер процентной ставки, – Закон Свердловской области о внесении изменений в Закон Свердловской области «Об установлении на территории Свердловской области налога на имущество организаций»³, в целом верно определил субъекта принятия закона, оформил текст так, как это типично для законов о внесении изменений в другие законы, верно изложил саму норму («Налоговая ставка устанавливается в размере 2 процентов в отношении объектов недвижимого имущества, налоговая база по которым определяется как кадастровая стоимость в соответствии со статьей 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации»), сделал верную ссылку на статью Кодекса, посвященную видам объектов недвижимого имущества, налоговая база по которым определяется как кадастровая стоимость, оставил место для подписи Губернатора Свердловской области. Искусственный интеллект допустил некоторые незначительные промахи: неверно указал реквизиты акта, в который вносятся изменения, допустил ошибку в определении статьи акта, в которую требуется внести изменения, а также определил момент вступления закона в силу датой, которая прошла около года назад. Очевидно, ошибки, касающиеся содержания акта, связаны с тем, что ИИ не имел доступа

¹ Reddit files publicly for IPO, trumpeting AI deals as revenue source and listing OpenAI's Altman as major shareholder // URL: <https://www.scmp.com/tech/tech-trends> (дата обращения: 27.02.2024).

² Клава. Телеграм-бот // URL: <https://t.me/Claudellmbot> (дата обращения: 27.02.2024).

³ Закон Свердловской области от 27 ноября 2003 г. № 35-ОЗ «Об установлении на территории Свердловской области налога на имущество организаций».

к реальному закону, в который необходимо было внести изменения, но знал, что подобный закон существует, поэтому правильно назвал его, а ошибка со временем возникла из-за того, что ИИ не имеет связи с каким-либо онлайн-календарем и поэтому не может правильно определить время. Несмотря на ошибки, считаем, что результат можно назвать впечатляющим.

На этапе проведения экспертизы ИИ благодаря алгоритмам обработки естественного языка уже сейчас может проводить полноценную лингвистическую экспертизу: выявлять орфографические и пунктуационные ошибки, опечатки, неоднозначные формулировки, нарушения лексических, грамматических и стилистических норм, – а также антикоррупционную экспертизу: выявлять в текстах нормативных актов коррупциогенные факторы, закрепленные, например, в Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96¹. Э. В. Талапина приводит положительные моменты использования искусственного интеллекта при проведении антикоррупционной экспертизы, среди них – минимизация субъективизма, унификация подходов к толкованию коррупционных факторов, повышение общего качества НПА и соответствия юридико-техническим требованиям². Для успешного проведения антикоррупционной экспертизы достаточно ознакомить искусственный интеллект с коррупциогенными факторами, которые требуется искать в тексте нормативного акта. Для лингвистической экспертизы не требуется предварительно знакомить ИИ с правилами языка, поскольку в большинстве систем эти правила заложены изначально.

Стадии обсуждения и согласования проекта нормативного правового акта, а также принятия такого акта органами государственной власти предполагают непосредственное участие людей – разработчиков, экспертов, представителей различных социальных групп, депутатов и т. д. Поэтому использование ИИ на данном этапе сильно ограничено. Вместе с тем отдельные элементы технологии могут использоваться в качестве вспомогательного инструментария. К примеру, ИИ может применяться для автоматизированного сопоставления позиций различных групп по обсуждаемому законопроекту, выявления спорных моментов, по которым требуется доработка.

После принятия итогового варианта нормативного правового акта требуется его *опубликование* – обнародование текста акта для всеобщего сведения. Здесь применение технологий искусственного интеллекта может быть реализовано в контексте создания единых государственных баз данных нормативных правовых актов с возможностями интеллектуального поиска документов по запросу, отслеживания взаимосвязей между правовыми нормами и автоматического информирования заинтересованных пользователей об изменениях в законодательстве в определенных сферах правового регулирования.

Бесспорно, искусственный интеллект в нормотворческой деятельности обладает хорошими перспективами, однако существуют и риски.

1. Риски, связанные с ошибками в работе алгоритмов искусственного интеллекта (технические риски). У всех существующих систем искусственного интеллекта случаются сбои в работе, это может привести к искажениям или неправильной интерпретации данных, используемых в ходе нормотворческой деятельности с применением ИИ, и, как следствие, к неудовлетворительным результатам.

2. Риск предвзятости искусственного интеллекта. Алгоритмы формируются на основе данных, предоставленных людьми. Эти данные могут нести в себе скрытые допущения, стереотипы их создателей. В результате выводы ИИ могут быть необъективны. Особую опасность эта предвзятость представляет при использовании технологий ИИ для анализа социальных процессов, моделирования и прогнозирования эффектов правового регулирования. Искусственный интеллект может, к примеру, закрепить и масштабировать существующее неравенство в обществе. Для минимизации подобных рисков крайне важно обеспечивать контроль и постоянную проверку качества данных, используемых для обучения ИИ, а также результатов его работы со стороны независимых экспертов.

3. Риск недостаточной прозрачности и объяснимости результатов, получаемых с использованием технологий искусственного интеллекта, основанных на нейронных сетях и машинном обучении. Зачастую даже разработчики не могут до конца проследить, как именно ИИ пришел к тем или иным выводам или построил прогноз. Это осложняет оценку обоснованности решений, базирующихся на результатах работы

¹ Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

² Талапина Э. В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Право. 2021. № 4. С. 878.

ИИ в процессе нормотворчества. Для снижения данных рисков активно ведутся исследования в области интерпретируемости и объяснимости ИИ, разрабатываются методики «пошагового» анализа алгоритмов его работы. Внедрение таких методик способно повысить уровень доверия к ИИ со стороны всех участников нормотворческого процесса.

4. Наконец, важно отметить и долгосрочные риски широкого внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу нормотворчества. По мере роста роли ИИ в нормотворческой деятельности существует опасность постепенной утраты ценных практических навыков и компетенций специалистами-юристами, задействованными в нормотворческом процессе. Это может привести к чрезмерной зависимости от технологий при подготовке нормативных правовых актов и неспособности оперативно производить сложные юридико-технические операции в «ручном» режиме

при возможных сбоях ИИ. Чтобы избежать этого, применение искусственного интеллекта должно носить ограниченный вспомогательный характер. А обучение специалистов – ориентироваться на развитие «гибридных» компетенций, сочетающих практические навыки юридической работы и умение эффективно использовать интеллектуальные информационные системы на основе ИИ.

Риски применения технологий искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности, безусловно, имеют место. Вместе с тем при правильном и ответственном подходе к разработке и использованию интеллектуальных систем с соблюдением необходимых мер контроля и аудита описанные риски могут быть сведены к минимуму, а позитивный потенциал технологий искусственного интеллекта для автоматизации юридических процессов в ходе нормотворчества может быть успешно реализован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова А. А. Современные подходы и пути решения проблем нормотворческой деятельности // Аллея Науки. Науч.-практ. электрон. журн. – 2023. – № 9. – С. 1–11.
2. Молодцов Т. Р. Искусственный интеллект как способ оптимизации нормотворческого процесса // Пробелы в рос. законодательстве. – 2019. – Т. 12. – № 3. – С. 12–15.
3. Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: науч.-практ. пособие. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2014. – С. 448.
4. Талапина Э. В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Право. – 2021. – № 4. – С. 865–881.
5. Шафалович А. А. Внедрение искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность в контексте инновационного государства // Право. – 2023. – № 5. – С. 13–19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Эбергарт Семен Александрович

сотрудник Лаборатории цифрового права при кафедре предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: semen_nkz77@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0714-5400.

AUTHOR'S DETAILS

Semyon A. Ebergardt

Employee of the Laboratory of Digital Law at Business Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: semen_nkz77@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0714-5400.

УДК 346.2

Правовое положение аффилированных акционерных обществ, входящих в государственные компании

С. В. Запольский¹

Аннотация. Настоящая статья преследует цель осветить особенности формирования и совершенствования хозяйственного механизма в сфере особо значимых производственных комплексов, обеспечивающих межотраслевые интересы, функционирование системообразующих хозяйственных организаций и, прежде всего, предприятий оборонной промышленности. Практикой выработано несколько правовых форм обеспечения сочетания рыночных условий ведения хозяйственной деятельности с гарантиями выполнения стратегических задач экономического развития. Новые формы государственного управления экономикой – концерны, консорциумы, холдинги, финансово-промышленные группы, призванные предотвратить снижение управляемости, – продолжают испытывать недостаток правового регулирования их деятельности.

Ключевые слова: управление, экономическое развитие, концерны, госкорпорации, холдинги, гособоронзаказ, компетенция, юридическая ответственность, хозяйственные системы

Legal Status of Affiliated Joint-Stock Companies that are Part of State-Owned Companies

Sergey V. Zapolsky²

Abstract. The present article aims to highlight the peculiarities of formation and improvement of the economic mechanism in the sphere of especially important production complexes, providing inter-sectoral interests, functioning of system-forming economic organizations and primarily defense industry enterprises. Practice has developed several legal forms of ensuring the combination of market conditions of economic activity with guarantees of fulfilling strategic tasks of economic development. New forms of state management of the economy, i. e. concerns, consortiums, holdings, financial and industrial groups called to prevent the reduction of controllability, continue to face the lack of legal regulation of their activities.

Keywords: management; economic development; concerns; state corporations; holdings; state defense order; competence; legal responsibility; economic systems

А. Становление новой формы управления

Правовой механизм управления хозяйственными организациями в советский и постсоветский периоды претерпел многочисленные реформы и другие изменения. В подавляющем большинстве случаев это касалось изменения подчиненности (подведомственности) предприятий или переход к территориальному управлению полностью. В послевоенный период это происходило путем отнесения хозорганов к тому или иному союзному, союзно-республиканскому или

республиканскому наркомату (министерству), вхождения в территориальный совет народного хозяйства (1958–1965 гг.), отнесения предприятия к производственному или научно-производственному объединению, вхождения в хозрасчетный главк министерства и соответствующее промышленное объединение. Здесь мы не затрагиваем ряд экономических экспериментов, не имевших продолжения ввиду сомнительности их результатов. Основными инструментами генеральных реформ в этот период были три ведущих подхода:

¹ Для цитирования: Запольский С. В. Правовое положение аффилированных акционерных обществ, входящих в государственные компании // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 27–32.

² For reference: Zapolsky S. V. Legal Status of Affiliated Joint-Stock Companies that are Part of State-Owned Companies // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 27–32.

расширение или сужение прав предприятий, изменение их подчиненности (подведомственности), а также перевод органов управления экономикой на хозрасчетные основы работы.

Изменения социально-экономической политики, произошедшие в конце XX в. в нашей стране, выразившиеся в децентрализации управления общественной собственностью и ее приватизации, вызвали к жизни практически не применявшиеся (кроме сферы внешней торговли) формы хозяйствования – акционерные общества, ставшие ведущим способом производства.

На современном этапе развития экономики большая часть системообразующих предприятий в государственном секторе создаются и существуют в форме акционерных обществ

С первых шагов хозяйственного строительства в условиях социализма достаточно остро стоял вопрос о кооперации, взаимодействии однотипных или, напротив, различных предприятий по видам деятельности и видам выпускаемой продукции, выполняемых работ или оказываемых услуг. Приоритет при этом принадлежал, за исключением короткого «совнархозовского» периода, отраслевому подходу к созданию хозяйственных систем – разного рода объединений предприятий. В этом свете промышленные, строительные, транспортные министерства СССР были по существу не чем иным, как государственными корпорациями, решающими те или иные крупные экономические задачи, а их главные управления (главки) – отраслевыми холдингами. Очевидно, функционирование отраслей народного хозяйства в статусе министерств было вынужденным, но далеко не оптимальным решением. Показательно, что многие годы предпринимались попытки перевода управления советской экономикой с административно-распорядительных на хозрасчетные принципы. Вершиной этого процесса стала реформа, провозглашенная постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 695, принятым в 1979 г., по переводу на хозрасчет производственных министерств в целом в виде хозяйственной системы.

Несмотря на недореализованность этой реформы, она оставила после себя экономическую идеологию о функционировании в народном хозяйстве крупных, можно сказать, национальных объединений производителей товаров, работ и услуг, интегрированных прежде всего вертикальным иерархизированным способом. По этому поводу Н. И. Михайлов писал: «...Нельзя не отметить все отчетливее проявляющуюся в мировой политике закономерность формирования крупных корпоративных комплексов на принципах жесткого структурирования с объединением производственного капитала, инновационных и инвестиционных ресурсов для их максимально эффективного использования в конкретном рыночном секторе в определенный период времени»¹.

Б. Акционерные аффилированные общества

На современном этапе развития экономики большая часть системообразующих предприятий в государственном секторе создаются и существуют в форме акционерных обществ.

Акционерные общества при сравнении с иными организационно-правовыми формами помимо преобладания в удельном весе существующих предприятий имеют целый комплекс преимуществ, позволяющих реализовывать цели, поставленные государством и обществом.

Для наиболее полной реализации целей и задач АО, безусловно, необходим эффективный механизм корпоративного управления².

1. Акционерное общество имеет возможность привлекать финансовые средства акционеров в целях увеличения уставного капитала и расширения масштабов своей деятельности.

2. В акционерных обществах руководство общей деятельностью компании отделено от непосредственного управления, что дает преимущественную возможность нанимать наиболее подходящих управляющих директоров, выбирая лучших из лучших менеджеров, побуждает акционеров достаточно серьезно относиться к кадровой политике и подбору руководящего персонала.

3. В акционерных обществах имеется реальная возможность трансформации большей части трудового персонала компании в собственников с учетом вероятности приобретения работником акций предприятия.

4. В акционерном обществе возможно привлечение в состав акционеров некоторых лояльных контрагентов,

¹ Михайлов Н. И. Правовое моделирование корпоративных комплексов (интегрированных структур). М., 2016. С. 35.

² См., например: Дурдыева Д. А., Дзукаева А. Л. Проблемы и особенности управления акционерными обществами как фактор обеспечения конкурентоспособности корпораций // Вестн. экспертного совета. 2017. № 2.

что создает неподдельную общую финансовую заинтересованность в эффективных результатах деятельности компании.

Практически 100 % АО, входящих в госсектор, имеют трехзвенную систему управления: единоличный исполнительный орган, совет директоров и общее собрание акционеров.

Совет директоров общества согласно ст. 64 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» осуществляет общее руководство деятельностью общества, за исключением решения вопросов, отнесенных настоящим Федеральным законом к компетенции общего собрания акционеров. Законодателем в ст. 65 Закона № 208-ФЗ определена компетенция совета директоров. Первоначально в этой норме права описывается общая компетенция совета директоров: «В компетенцию совета директоров (наблюдательного совета) общества входит решение вопросов общего руководства деятельностью общества, за исключением вопросов, отнесенных настоящим Федеральным законом к компетенции общего собрания акционеров»¹. Исходя из приведенных положений понятно, что деятельность совета директоров имеет целью оказание помощи в управлении АО как общему собранию акционеров, так и его единоличному исполнительному органу по вопросам их неисключительной компетенции.

Структура любой функциональной группы, созданной для коллективного управления, представляет собой пирамиду, в которой один корневой элемент доминирует над остальными. В акционерных обществах с государственным участием это доминирование руководителя (работодателя над работниками) в первую очередь, во вторую – общепринятое одобрение государством действий управляющих лиц.

Законодательством заложен принцип создания совета директоров, согласно которому лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, не может одновременно возглавлять совет директоров (ст. 66 Закона № 208-ФЗ), что предопределяет участие руководителя общества в совете директоров. При этом на повестку дня встает банальный вопрос: сможет ли совет директоров сдерживать власть доминирующего лица – генерального директора (президента) на деле?

Особенностью практически всех государственных компаний является то, что они представляют собой *промышленные холдинги*, объединенные одним или несколькими связанными видами деятельности. Возглавляют такие холдинги акционерные общества – государственные корпорации со 100 %-м участием государства,

управляющие по нисходящей иерархии акционерными обществами, входящими в производственные кооперации (выпускающие конечный продукт или участвующие в его создании). Экономическая составляющая государственных холдингов вполне понятна, но вопрос об управлении такими образованиями, тем более об их внутренних корпоративных отношениях, требует тщательного анализа.

Как правило, госкомпании состоят из зависимых акционерных обществ, в которых контрольный пакет акций передается в вышестоящее – управляющее – общество, действующее как концерн.

Концерн – это одна из многочисленных форм объединения самостоятельных предприятий одной или разных отраслей экономики. Все субъекты концерна остаются отдельными юридическими лицами, однако теряют часть своей независимости («расщепляют» компетенцию), так как становятся вынужденными следовать общей стратегии и политике группы, подчиняться единому руководству.

Во главе концерна обычно стоит самая крупная компания, имеющая контрольные пакеты акций других организаций или договор о сотрудничестве. Такой вид концерна переключается с объединениями *холдингового типа*. Но концерн может состоять и из равноправных компаний, объединяющих свою экономическую деятельность на основе договора и общей рыночной стратегии. В любом случае в концерне создается единое руководство, способное контролировать все предприятия не только посредством права собственности (владения голосующими акциями), но и посредством использования административных полномочий.

Как в России, так и за границей концерн образуется вокруг производственных предприятий, которые имеют контроль над транспортными, торговыми и – что часто выделяют как характерную черту именно концернов – финансовыми компаниями. Например, немецкий концерн Volkswagen состоит не только из предприятий, производящих автомобили, но и из компаний электронной, судостроительной, финансовой и других отраслей.

Благодаря объединению в одну хозяйственную систему, субъекты конгломератов получают преимущества, помогающие увеличить конкурентоспособность каждого из них:

- в тяжелые времена они могут получить финансирование от других субъектов концерна;
- торговля между субъектами ведется по льготным тарифам, позволяя обеспечить одни компании постоянными покупателями, а другие – дешевыми поставками.

¹ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

Этот же плюс относится к вспомогательным видам деятельности концерна, например транспортным или страховым компаниям;

- любые ноу-хау и результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ могут использоваться каждым субъектом концерна;

- при возникновении взаимных претензий между компаниями они могут быть разрешены третьей стороной – компанией-«владельцем» концерна; благодаря этому конфликты не превращаются в затратные судебные разбирательства.

Недостатки концернов главным образом связаны с тем, что они склонны к монополизации. Чем ближе компания к монопольному положению, тем сильнее снижается конкуренция, что приводит к ряду негативных последствий, к которым можно отнести: замедляется научно-технический прогресс, поскольку если корпорации не с кем конкурировать, темпы развития ее технологий сильно снижаются; аппарат управления огромным объединением неизбежно вызывает многочисленные согласования и требует больших человеческих и временных затрат и др.

Правоотношения между АО, входящими в холдинг, разные по своему объему в сравнении с отношениями между основными и дочерними обществами, т. е. таковыми не являются, что служит важнейшим признаком холдинга.

На уровень зависимости принимаемых концерном решений в первую очередь влияет характер самих решений. Если говорить о мероприятиях, которые могут повлиять на судьбу общества, то это решения об исполнении целей и задач общества, в объеме, значительном до такого уровня, при котором неисполнение и (или) неправильное выполнение решения может предопределить судьбу общества.

Могут быть и решения, оказывающие незначительное влияние на само акционерное общество в целом, например принятие внутреннего локального акта, определяющего корпоративное поведение работников в тех или иных ситуациях. В ходе учреждения АО с участием государства значимая доля таких решений предопределена и (или) формируется органами публичной власти. Решения, принимаемые на федеральном уровне относительно целей и задач акционерного общества, оказывают большое влияние на общество и его органы управления.

Необходимо обратить внимание на существенное отличие АО со 100 %-м участием государства в уставном капитале, образованных в соответствии с Федеральным законом № 208-ФЗ, имеющих в названии термин

«корпорация», и собственно государственных корпораций, образованных в соответствии с законом № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона. Имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации.

Государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации, если законом, предусматривающим создание государственной корпорации, не предусмотрено иное.

Это положение закона несколько противоречит существующей фактической ситуации, так как госкорпорации в России входят в структуру федеральных органов исполнительной власти и управления. Тем самым нельзя однозначно отрицать отсутствие экономической ответственности, которая присутствует здесь в позитивной форме.

В случаях и порядке, которые установлены федеральным законом, предусматривающим создание государственной корпорации, за счет части ее имущества может быть сформирован уставный капитал, который определяет минимальный размер имущества государственной корпорации, гарантирующего интересы ее кредиторов.

В. Корпорации в оборонно-промышленном комплексе

Исходя из содержания ст. 71 Конституции РФ, относящей вопросы обороны, безопасности и оборонной промышленности к сфере государственного регулирования, законодатель с 90-х гг. стремился выделить предприятия ОПК среди других отраслей промышленности, подлежащих приватизации.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2014 г. № 1151 «Об утверждении Положения о коллегии Военно-промышленной комиссии Российской Федерации»¹ коллегия Военно-промышленной комиссии РФ является постоянно действующим органом при Правительстве РФ и для решения возложенных на нее задач рассматривает в том числе: а) вопросы кадровой политики в отношении руководителей

¹ СЗ РФ. 2014. № 46. Ст. 6352.

организаций оборонно-промышленного комплекса (в том числе в отношении кандидатур для избрания на должности руководителей исполнительных органов и представителей Российской Федерации в советы директоров (наблюдательные советы) и ревизионные комиссии акционерных обществ, включенных в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса); б) перечень стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ, утвержденный Президентом РФ; в) перечень стратегических организаций, а также федеральных органов исполнительной власти, обеспечивающих реализацию единой государственной политики в отраслях экономики, в которых осуществляют деятельность эти организации.

В свое время Государственному комитету РФ по управлению государственным имуществом в своей деятельности было поручено исходить из необходимости соблюдения установленных указами Президента РФ и постановлениями Совета Министров – Правительства РФ особенностей приватизации предприятий отдельных отраслей, разработки особых подходов к приватизации предприятий научно-технической сферы, оборонного комплекса и иных стратегических производств. Такие предприятия включались в перечни, утвержденные постановлениями Правительства РФ от 17 июля 1998 г. № 784 «О перечне акционерных обществ, производящих продукцию (товары, услуги), имеющую стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности государства, закрепленные в федеральной собственности акции которых не подлежат досрочной продаже»¹.

Дальнейшее развитие данная тенденция получила в Указе Президента РФ от 4 августа 2004 г. № 1009 «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ», содержащем указание Правительству РФ включать в прогнозный план (программу) приватизации федерального имущества после принятия Президентом РФ решений об исключении предприятий из числа стратегических или об уменьшении степени участия Российской Федерации в управлении стратегическими акционерными обществами (доли государства в уставном капитале акционерных обществ) федеральные государственные унитарные предприятия, названные в разделе 1 перечня, утвержденного настоящим Указом, для их преобразования в акционерные общества, 100 % акций которых находится в федеральной собственности. Таким образом,

наиболее соответствующей цели защиты интересов государства в оборонных отраслях промышленности была определена форма акционерных обществ с государственным участием.

Бытовавшие в 90-е гг. идеи продажи акций любых предприятий иностранным инвесторам были отвергнуты как не отвечающие интересам национальной безопасности. С принятием Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»² ограничение участия иностранного капитала в хозяйственных обществах, имеющих стратегическое значение, получило четкое законодательное регулирование, обеспечивающее недопущение бесконтрольного совершения сделок, в результате которых иностранный инвестор получит контроль над стратегическим предприятием, в том числе путем формирования его руководящих органов.

В ОПК большая часть правоотношений для АО, основным видом деятельности которых является выполнение ГОЗ, регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»³.

В силу Федерального закона № 275-ФЗ кооперация головного исполнителя (далее – кооперация) – совокупность взаимодействующих между собой лиц, участвующих в поставках продукции по государственному оборонному заказу в рамках сопровождаемых сделок. В кооперацию входят головной исполнитель, заключающий государственный контракт с государственным заказчиком, исполнители, заключающие контракты с головным исполнителем, и исполнители, заключающие контракт с исполнителями.

Головным исполнителем, в свою очередь, определяется состав исполнителей, обосновывается с их участием цена на продукцию по государственному оборонному заказу, сроки и условия финансирования, в том числе авансирования, поставок такой продукции (в целом и по отдельным этапам). Отказ или уклонение от заключения контракта юридических лиц не допускается.

Не является ли это административной и экономической зависимостью от государства для холдингов ОПК, деятельность которых на 100 % связана с выполнением ГОЗ? Ответ, по нашему мнению, должен быть отрицательным, поскольку в совет директоров АО входят

¹ СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3778. См. также: постановление Правительства РФ от 12 июля 1996 г. № 802 «О перечне предприятий и организаций оборонного комплекса, приватизация которых запрещена».

² СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

³ Там же. 2012. № 53. Ч. I. Ст. 7600.

руководители «вышестоящего» АО, являющиеся заместителями его единоличного исполнительного органа, независимые члены совета директоров – представители государственных структур и (или) руководители аналогичных АО с госучастием.

Даже вопросы выплачиваемых дивидендов сглаживаются целевой и социальной направленностью обществ, входящих в холдинг по причине 100 %-го государственного участия в нем

Даже вопросы выплачиваемых дивидендов сглаживаются целевой и социальной направленностью обществ, входящих в холдинг по причине 100 %-го государственного участия в нем.

В качестве итога этого далеко не исчерпывающего обзора организационных форм хозяйствования в государственном секторе экономики, отметим следующее.

Накопленный опыт показывает, что ориентация производства на получение прибыли без цели достижения социально-экономического эффекта существенно снижает действенность рыночных принципов хозяйствования, что особо неприемлемо ввиду осуществляемой специальной военной операции и других обстоятельств, требующих усиления обеспечения безопасности страны.

Новые рыночные принципы хозяйствования вполне совместимы с участием государства в производстве и потреблении в виде госзаказа и гособоронзаказа материальных и интеллектуальных результатов производства, если неуклонно соблюдаются научно обоснованные пропорции между плановым администрированием производства и экономико-стоимостными интересами аффилированных акционерных обществ с государственным участием в их капитале.

Законодательство, регулирующее отношения между органами власти и управления, хозяйственными организациями акционерного типа, аффилированными с государством в силу необходимости соответствия его общему гражданскому, финансовому и коммерческому законодательству, нуждается как в систематизации, так и в выделении в отдельную группу нормативных актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дурдыева Д. А., Дзукаева А. Л. Проблемы и особенности управления акционерными обществами как фактор обеспечения конкурентоспособности корпораций // Вестн. экспертного совета. – 2017. – № 2.
2. Михайлов Н. И. Правовое моделирование корпоративных комплексов (интегрированных структур). – М., 2016.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Запольский Сергей Васильевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Россия, Москва). E-mail: zpmoscow@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9420-4615.

AUTHOR'S DETAILS

Sergey V. Zapolsky

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow). E-mail: zpmoscow@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9420-4615.

УДК 34

К вопросу о целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц

И. О. Дорожкин¹

Аннотация. В российской науке достаточно давно обсуждается вопрос о необходимости внесения дополнений в уголовное законодательство в части установления уголовной ответственности юридических лиц. Автор подвергает сомнению целесообразность таких изменений законодательства, поскольку провозглашаемые сторонниками данной концепции цели могут быть достигнуты уже существующими правовыми средствами. В обоснование своей позиции он обращает внимание на источники появления идеи привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, а также отмечает стремление законодателя даже в сфере гражданского права установить конкретное лицо, виновное в принятии решений, реализуемых организацией. Кроме того, анализируются и соотносятся с российским законодательством санкции, предусмотренные в отношении юридических лиц иностранными уголовными кодексами. Обращается внимание на то, что идея увеличения размера штрафных санкций может разбиться о невозможность их взыскания.

Ключевые слова: юридические лица, уголовная ответственность, «прокалывание корпоративной вуали», санкции

On the Advisability of Criminalizing the Liability of Business Entities

Igor O. Dorozhkin²

Abstract. Russian science has long debated the question of the need to make additions to the criminal legislation in terms of establishing the criminal liability of legal entities. The author doubts the expediency of introducing the norms on criminal liability of legal entities, into Russian legislation since the goals proclaimed by the proponents of this concept can be achieved by existing legal means. In support of his position the author draws attention to the sources of the origin for the idea of bringing legal entities to criminal liability and also notes the desire of the legislator, even in the sphere of civil law, to determine a specific person guilty of making decisions carried out by the organization. In addition, the article examines sanctions provided for legal entities by foreign criminal codes and correlates them with the Russian legislation. The author draws attention to the fact that the idea of increasing the amount of penalties may be crushed by the impossibility of their collection.

Keywords: business entities; criminal liability; piercing of the corporate veil; sanctions

В российской науке достаточно давно обсуждается вопрос о необходимости внесения дополнений в уголовное законодательство в части установления уголовной ответственности юридических лиц. Сторонниками этой идеи, как правило, приводятся несколько аргументов. Прежде всего, с положительным решением данного вопроса связывается повышение эффективности

использования уголовно-правовых средств противодействия преступлениям, совершаемым в сферах экономики и экологии³, а в современных условиях – в сфере обеспечения кибербезопасности. При этом весьма распространенным аргументом является приверженность законодателей целого ряда государств представлениям о необходимости введения уголовной ответственности

¹ Для цитирования: Дорожкин И. О. К вопросу о целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 33–37.

² For referense: Dorozhkin I. O. On the Advisability of Criminalizing the Liability of Business Entities // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 33–37.

³ См.: Качалов В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // Lex Russica. 2016. № 12. С. 32–40; Сизова В. Н. Институт уголовной ответственности юридических лиц в системе российского уголовного законодательства: к вопросу определения субъекта // Академическая мысль. 2021. № 4. С. 36–38; Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика // Право и цифровая экономика. 2021. № 1. С. 5–12.

юридических лиц в условиях трансформации преступности и выхода ее за национальные границы государств¹, а также внедрение подобной практики в национальном законодательстве как в странах Западной Европы, так и на постсоветском пространстве².

Действительно, концепция корпоративной уголовной ответственности получила развитие и проникла в правовые режимы значительного числа государств либо вследствие выполнения обязательств в рамках Кон-

В качестве аргумента в пользу введения уголовной ответственности юридических лиц указывается на возможность установления существенно более высоких штрафных санкций

венции ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г.,³ либо в ответ на меры, принимаемые США для обеспечения соблюдения их Закона о коррупции за рубежом от 19 декабря 1977 г. (Foreign Corrupt Practices Act⁴), который с принятием в 1998 г. некоторых поправок фактически стал носить экстерриториальный характер и применяться к иностранным фирмам и лицам, которые прямо или через агентов способствуют осуществлению коррупционных платежей на территории США. Последнее, по-видимому, оказалось более значимым, учитывая, что ОЭСР не настаивает исключительно на механизме уголовной ответственности, указывая лишь на обязательство присоединившихся государств принимать необходимые меры, предусматривающие ответственность юридических лиц за подкуп иностранного должностного лица, в соответствии со своими правовыми принципами. И если в соответствии с правовой системой какой-либо Стороны уголовная ответственность к юридическим лицам неприменима, то государство должно обеспечить применение эффективного и соразмерного неуголовного наказания,

носящего сдерживающее воздействие, включая финансовые санкции (ст. 2, 3).

В качестве аргумента в пользу введения уголовной ответственности юридических лиц указывается на возможность установления существенно более высоких штрафных санкций с оглядкой на тот же опыт применения Foreign Corrupt Practices Act, давший основания для наложения санкций в размере 1,6 млрд долл. на корпорацию Siemens AG, ФРГ в 2008 г. (в том числе 800 млн долл. в пользу Министерства юстиции США и Комиссии по ценным бумагам и биржам США), а в 2017 г. – 2,6 млрд долл. на корпорацию Odebrecht, Бразилия (в том числе 93 млн долл. в пользу властей США)⁵. Делается акцент и на процессуальных последствиях введения данного института. В частности, высказывается мнение, что в рамках уголовного процесса юридическим лицам будет предоставлено больше процессуальных гарантий, вследствие чего это «в какой-то степени будет выгодно им самим». Создадутся и предпосылки для международного взаимодействия в рамках уже достигнутых соглашений о правовой помощи по уголовным делам, которые не распространяются на производство по делам об административных правонарушениях⁶.

Между тем целесообразность введения данного правового института вызывает сомнения. Ключевым моментом, безусловно, является вопрос о субъекте преступления. И дело даже не в том, что юридическое лицо нередко рассматривают как фикцию. Подобный аргумент, действительно, может быть опровергнут со ссылкой на возможность рассмотрения юридических лиц в качестве субъектов гражданско-правовой и административной ответственности, на что справедливо указывает В. В. Качалов⁷. Главное, что, как правило, не замечают специалисты в области уголовного права, – это кардинальное изменение подходов к механизму гражданско-правовой ответственности, которое произошло благодаря проникновению в российскую правовую систему доктрины «прокалывания кооперативной вуали», что сначала проявилось на уровне судебной практики, а затем, фактически получило законодательное закрепление.

¹ См.: Демин С. Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 3.

² См.: Бирюков П. Н. Уголовная ответственность юридических лиц в государствах-членах ЕС. Воронеж: ИД ВГУ, 2015. 319 с.; Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах. М.: Юрлитинформ, 2022. 248 с.

³ См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902343859?ysclid=lg9erwauny544268388>.

⁴ См.: URL: <https://www.congress.gov/95/statute/STATUTE-91/STATUTE-91-Pg1494.pdf>.

⁵ См.: Трофимов Е. В. Закон США о зарубежной коррупционной практике 1977 г. и международно-правовые инициативы по глобальному противодействию коррупции: проблемы криминализации и администрирования сомнительных операций транснациональных корпораций в 1970-х гг. // Право и политика. 2019. № 2. С. 30–48.

⁶ См.: Качалов В. В. Указ. соч. С. 35.

⁷ См.: Там же. С. 34–35.

Речь идет о стремлении выявить конкретное лицо, принимавшее решение, реализованное позднее от имени корпорации, с целью переложить на него обязательства и ответственность компании. Реализация данного подхода характерна для случаев совершения правонарушений контролирующими лиц как особой разновидности злоупотреблений корпоративной правосубъектностью, которые могут выражаться в использовании автономии юридического лица для нарушения действующего законодательства либо воспрепятствования его осуществлению¹. Выявление данного обстоятельства дает право суду игнорировать юридическую самостоятельность компании и отождествлять ее с участниками, осуществляющими контроль и управление ею.

Правовым основанием для этого в России являются положения главы III.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О несостоятельности (банкротстве)»², устанавливающие ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве. К числу последних, в частности, отнесены физические лица, имеющие либо имевшие не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Предполагается, что такая возможность может вытекать из разных обстоятельств, начиная с факта нахождения с руководителем или членами органов управления должника в отношениях родства или свойства, должностного положения, а также наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии, заканчивая должностным положением, включая замещение должности главного бухгалтера, финансового директора должника, а также иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника (ст. 61.10). При этом решения о привлечении указанных лиц к ответственности по долгам юридического лица в настоящее время исчисляются тысячами. Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического

лица, членов его коллегиальных органов и лиц, определяющих действия юридического лица, предусматривается также нормами ст. 53.1 ГК РФ. Все это свидетельствует о стремлении установить конкретного субъекта, который использовал конструкцию юридического лица в противоправных целях. Подобный подход, помимо прочего, позволяет игнорировать тот факт, что филиалы и представительства не являются юридическими лицами, что считается одной из проблем в реализации потенциального механизма привлечения юридического лица к уголовной ответственности.

Сомнительным представляется и утверждение о повышенной общественной опасности деяний юридического лица³. Масштабы его деятельности, с которыми нередко связываются повышенные риски причинения ущерба, обусловлены существованием правовых конструкций, позволяющих объединять капиталы и имущество значительного числа физических и иных юридических лиц, что влечет усложнение механизмов управления активами, но не означает принципиальной невозможности установить лиц, ответственных за принятие конкретного решения.

Вопрос о целесообразности введения рассматриваемого правового института непосредственно связан и с определением применимых к юридическому лицу санкций. Считается, что наиболее широкий их перечень представлен в Уголовном кодексе Франции 1992 г.⁴, где к их числу отнесены: штраф; возмещение ущерба; прекращение деятельности; окончательный или на срок до пяти лет запрет прямого или косвенного осуществления определенных видов деятельности; помещение на срок до пяти лет под судебный надзор; окончательное или на срок не более пяти лет закрытие всех или отдельных предприятий компании, которые использовались для совершения инкриминируемых деяний, исключение из государственных закупок на постоянной основе или на срок не более пяти лет; запрет размещения на постоянной основе или на срок до пяти лет среди населения финансовых ценных бумаг или допуска их ценных бумаг к торгам на регулируемом рынке; конфискация активов; запрет на срок до пяти лет на получение любой государственной помощи; публикация вынесенного решения или его распространение либо через печатные СМИ, либо с помощью любых средств

¹ См.: Воложбенская Д. И. Дело *Prest v. Petrodel* и концептуализация доктрины прокалывания корпоративной вуали в Великобритании // Рос. судья. 2021. № 7. С. 60–64.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

³ См.: Минин Р. В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 9.

⁴ См.: Code pénal: Section 2: Des peines applicables aux personnes morales // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719.

коммуникации с общественностью в электронном виде, что, как предполагается, должно отразиться на деловой репутации; конфискация животного, которое использовалось для совершения преступления или в отношении которого было совершено преступление; окончательный или на срок до пяти лет запрет на содержание животного (ст. 131-39 УК Франции).

Из этого перечня видно, что одна из санкций (возмещение вреда) характерна для реализации гражданско-правовой ответственности, остальные имеют соответствующие аналоги в российском административном законодательстве. Сам факт существования юридического лица является административным актом признания его создания, реорганизации или ликвидации, осуществляемым путем внесения соответствующих данных в ЕГРЮЛ (ст. 1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 14 апреля 2023 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). То же самое касается ограничений и запретов на осуществление отдельных видов деятельности, возможности внесения в реестр недобросовестных поставщиков, ограничения на получение бюджетных кредитов, эмиссию ценных бумаг и пр. При этом

нельзя не отметить, что во Франции нет аналога нашего Кодекса об административных правонарушениях.

Говоря о размере санкций, нельзя не отметить, что в современных условиях штрафы, особенно оборотные, могут быть весьма значительны. Главной проблемой, которую не решить переносом правовых норм из КоАП РФ в УК РФ, является возможность их фактического взыскания, учитывая многочисленные схемы вывода активов.

С учетом вышеизложенного представляется не вполне оправданным введение в российское законодательство норм об уголовной ответственности юридических лиц, поскольку провозглашаемые сторонниками данной концепции цели могут быть достигнуты уже существующими правовыми средствами. Более обоснованной видится трактовка юридического лица как средства совершения преступления¹. Именно в таком контексте УК РФ рассматривает его в ст. 193, связывая нарушение валютного законодательства с использованием юридического лица, созданного для совершения одного или нескольких преступлений, связанных с проведением финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бальжинимаева В. В. Юридическое лицо как средство, способ и орудие совершения преступления // Право. Журн. Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 154–163.
2. Бирюков П. Н. Уголовная ответственность юридических лиц в государствах-членах ЕС. – Воронеж: ИД ВГУ, 2015. – 319 с.
3. Воложбенская Д. И. Дело *Prest v. Petrodel* и концептуализация доктрины прокалывания корпоративной вуали в Великобритании // Рос. судья. – 2021. – № 7. – С. 60–64.
4. Демин С. Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014. – 25 с.
5. Качалов В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // *Lex Russica*. – 2016. – № 12. – С. 32–40.
6. Минин Р. В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – 21 с.
7. Сизова В. Н. Институт уголовной ответственности юридических лиц в системе российского уголовного законодательства: к вопросу определения субъекта // *Академическая мысль*. – 2021. – № 4. – С. 36–38.
8. Трофимов Е. В. Закон США о зарубежной коррупционной практике 1977 г. и международно-правовые инициативы по глобальному противодействию коррупции: проблемы криминализации и администрирования сомнительных операций транснациональных корпораций в 1970-х гг. // *Право и политика*. – 2019. – № 2. – С. 30–48.
9. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 248 с.
10. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика // *Право и цифровая экономика*. – 2021. – № 1. – С. 5–12.

¹ См.: Бальжинимаева В. В. Юридическое лицо как средство, способ и орудие совершения преступления // *Право. Журн. Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 1. С. 154.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Дорожкин Игорь Олегович**

военный прокурор отдела надзора военной прокуратуры
Восточного военного округа (Россия). E-mail: iv_dor@bk.ru,
ORCID: 0009-0002-8503-3612.

AUTHOR'S DETAILS**Igor O. Dorozhkin**

Military Prosecutor of the Military Prosecutor's Office of the
Eastern Military District (Russia). E-mail: iv_dor@bk.ru,
ORCID: 0009-0002-8503-3612.

УДК 34.096

Особенности административной ответственности собственников и арендаторов транспортных средств при заключении договора аренды транспортного средства

Ю. Б. Анিকেенко, Н. В. Новоселова¹

Аннотация. На основе действующего законодательства, судебной практики и современных точек зрения авторы размышляют о дальнейших перспективах развития института административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств и арендаторов при заключении договора аренды транспортного средства. Акцентируется внимание на проблемах привлечения к административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств и арендаторов. Подчеркивается необходимость дополнительного правового регулирования данного вопроса в ныне действующем Кодексе РФ об административных правонарушениях, новом проекте КоАП РФ и проекте Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях. Методологическая база исследования строится на системном подходе к исследуемым правовым отношениям. При формулировании выводов авторы опираются на формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Доказывается, что приравнение административного штрафа к убыткам является некорректным и непозволенным использованием гражданско-правовой нормы для регулирования административных отношений. Для дальнейшего совершенствования административного деликтного законодательства также представляется необходимым детализировать диспозиции и санкции статей Особенной части КоАП РФ, предусматривающих административную ответственность.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, субъект административного правонарушения, собственник (владелец) транспортного средства

Peculiarities of Administrative Liability of Owners and Lessees of Vehicles when Entering into a Vehicle Lease Agreement

Yulia B. Anikeenko, Natalia V. Novoselova²

Abstract. Based on the current legislation, judicial practice and modern points of view the authors reflect on further prospects of developing the institute of administrative responsibility of owners (proprietors) of vehicles and lessees when entering into a contract of lease of a transport vehicle. The authors emphasize the problems of bringing the owners of vehicles and lessees to administrative responsibility. The paper emphasizes the need for additional legal regulation of this issue in the current Code of the Russian Federation on Administrative Offences, the new draft Code of the Russian Federation on Administrative Offences and the draft Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offences. The methodological basis of the research is based on a systematic approach to the legal relations under study. In drawing conclusions, the authors rely on formal legal and comparative legal methods. The article proves that equating an administrative fine to losses is incorrect and inadmissible use of civil-law norms for regulating administrative relations. For further improvement of administrative tort legislation, it also seems necessary to specify the dispositions and sanctions of articles of the Special Part the Administrative Code of the Russian Federation providing for administrative liability.

Keywords: administrative responsibility; administrative offense; subject of administrative offense; owner of the vehicle

¹ Для цитирования: Анিকেенко Ю. Б., Новоселова Н. В. Особенности административной ответственности собственников и арендаторов транспортных средств при заключении договора аренды транспортного средства // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 38–43.

² For reference: Anikeenko Yu. B., Novoselova N. V. Peculiarities of Administrative Liability of Owners and Lessees of Vehicles when Entering into a Vehicle Lease Agreement // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 38–43.

Развитие аренды автомобилей (с экипажем или без) выявило ряд проблем несбалансированности гражданского и административного законодательства¹, наличие существенных пробелов в правовом регулировании², что приводит к многочисленным нарушениям прав собственников транспортных средств и арендаторов при привлечении их к административной и другим видам ответственности³, а также к невозможности уполномоченных органов вести производство по делу об административном правонарушении. Так, наиболее распространенной проблемой является привлечение собственника транспортного средства за совершенное арендатором (владельцем) транспортного средства административное правонарушение в области безопасности дорожного движения по главе 12 КоАП РФ, зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи (далее – зафиксированных с применением специальных технических средств) (ст. 28.6 КоАП РФ).

Рассмотрим на примере административных правонарушений, предусмотренных чч. 1, 2 ст. 12.21.3 КоАП РФ (несоблюдение требований законодательства РФ о внесении платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн).

В соответствии с чч. 1, 6, 8 и 9 ст. 31.1 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» движение транспортных средств, имеющих разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, по автомобильным дорогам общего пользования федерального значения допускается при условии внесения платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам такими транспортными средствами (далее – плата в счет возмещения вреда). Плата в счет возмещения вреда должна быть уплачена собственниками (владельцами) транспортных средств, а в отношении транспортных средств, принадлежащих иностранным перевозчикам, водителями, если она не внесена собственниками соответствующих транспортных средств, и зачисляется в федеральный бюджет. Размер платы в счет возмещения вреда и порядок ее взимания устанавливаются Правительством РФ. Так, согласно

п. 7 Правил взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 июня 2013 г. № 504 (далее – Прави-

После заключения договора аренды транспортного средства объективную сторону административных правонарушений, предусмотренных чч. 1, 2 ст. 12.21.3 КоАП РФ, исполняет арендатор транспортного средства

ла взимания платы в счет возмещения вреда), взимание платы в счет возмещения вреда должно осуществляться до начала движения транспортного средства, за которым закреплено бортовое устройство или стороннее бортовое устройство, по автомобильным дорогам общего пользования федерального значения. Собственник (владелец) такого транспортного средства обеспечивает установку и включение этих устройств на транспортном средстве, а также внесение платы оператору в размере, определенном исходя из протяженности планируемого маршрута движения транспортного средства. Таким образом, данная обязанность возлагается как на собственника, так и на иного владельца транспортного средства, в том числе арендатора.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» владельцем транспортного средства является как собственник транспортного средства, так и другое лицо, владеющее транспортным средством на праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (право аренды, доверенность на право управления транспортным средством, распоряжение соответствующего органа о передаче этому лицу транспортного средства и т. п.).

После заключения договора аренды транспортного средства объективную сторону административных правонарушений, предусмотренных чч. 1, 2 ст. 12.21.3 КоАП

¹ Игнатова Ю. Н. Понятие и значение договора аренды транспортных средств с экипажем // Вестн. Саратовской гос. юрид. академии. 2013. № 5. С. 125.

² Боярская Ю. Н. Виды договоров аренды транспортных средств // Вестн. Саратовской гос. юрид. академии. 2019. № 5. С. 111.

³ Макарова А. Ю., Осипова К. В. Ответственность сторон по договору аренды транспортных средств // Теория и практика современной науки. 2016. № 11. С. 543.

РФ, исполняет арендатор транспортного средства. При оспаривании вынесенного по упрощенной форме в порядке ст. 28.6 КоАП РФ постановления по делу об административном правонарушении собственник транспортного средства, ссылаясь на ст. 1.5, 2.6.1 КоАП РФ¹, при наличии доказательств, подтверждающих факт нахождения транспортного средства во владении (пользовании) другого лица, освобождается от административной ответственности². В п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса РФ об административных правонарушениях» говорится, что доказательствами, подтверждающими факт нахождения транспортного средства во владении (пользовании) другого лица, могут, в частности, являться как документы (полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в котором имеется запись о допуске к управлению данным транспортным средством другого лица, договор аренды или лизинга транспортного средства³), так и показания свидетелей и (или) лица, непосредственно управлявшего транспортным средством в момент фиксации административного правонарушения⁴. Таким образом, собственник транспортного средства предоставляет договор аренды транспортного средства в подтверждение того, что в момент совершения административного правонарушения транспортное средство находилось во владении арендатора⁵.

В соответствии со ст. 23.36 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.21.3 КоАП РФ, рассматривает федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный транспортный надзор.

В соответствии с п. 3 постановления Правительства РФ от 29 июня 2021 г. № 1043 «О федеральном государственном контроле (надзоре) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве» государственный транспортный надзор осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере транспорта (далее – Ространснадзор) и ее территориальными органами. Согласно ч. 1 ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях также составляются должностными лицами Ространснадзора.

Сотрудники полиции не наделены правом составлять протоколы об административных правонарушениях и возбуждать производство по делам об административных правонарушениях по данной категории дел, несмотря на то что данное правонарушение выявляется, как правило, с применением специальных технических средств, принадлежащих центрам автоматизированной фотовидеофиксации административных нарушений ГИБДД МВД РФ (ЦАФАП)⁶. И при этом следует учитывать, что срок давности привлечения к административной ответственности по чч. 1, 2 ст. 12.21.3 КоАП РФ в соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ составляет шестьдесят календарных дней с момента совершения административного правонарушения.

Исходя из всего вышеуказанного при отмене вынесенного по упрощенной форме постановления о назначении административного наказания в отношении собственника транспортного средства за пределами шестидесятидневного срока давности привлечения к административной ответственности не остается реальной возможности у должностных лиц Ространснадзора возбудить производство по делу об административном правонарушении в отношении арендатора транспортного средства, и правонарушитель остается безнаказанным,

¹ Частью 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ предусмотрено, что собственник (владелец) транспортного средства освобождается от административной ответственности, если в ходе рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное в соответствии с ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, будут подтверждены содержащиеся в ней данные о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц.

² См., например: решение № 12-33/2022 от 25 февраля 2022 г. по делу № 12-33/2022, Шарьинский районный суд (Костромская область); решение № 12-56/2022 от 21 февраля 2022 г. по делу № 12-56/2022, Шиловский районный суд (Рязанская область) и т. д. См. также: Молчанов П. В., Антонов С. Н., Дымберов А. Д. Обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях, зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств: классификация жалоб и практические проблемы // Современная наука. 2020. № 1. С. 36.

³ Белов В. А. Об отдельных вопросах практики применения договора аренды транспортного средства // Вестн. Московского финанс.-юрид. ун-та. 2013. № 4. С. 162.

⁴ Могилевский Г. А. Перечень обстоятельств отсутствия вины владельца транспортного средства при совершении дорожно-транспортного происшествия // Междунар. журн. гуманитарных и естественных наук. 2021. № 9-2. С. 155.

⁵ Шкеля О. В., Раздубудина А. А. Административно-правовые аспекты административных правоотношений в области безопасности дорожного движения, зафиксированных с применением технических средств фотовидеофиксации // Вестн. Краснодарского ун-та МВД России. 2015. № 4. С. 236.

⁶ Например, комплексы аппаратно-программные «АвтоУраган-ВСМ2-М2».

и административные штрафы не зачисляются в федеральный бюджет.

Представляется целесообразным внести изменения в соответствующие нормативные правовые акты путем возложения обязанности по уплате платы в счет возмещения вреда на фактического владельца транспортного средства, тем более что у Ространснадзора такие механизмы имеются. Так, в соответствии с п. 7 Правил взимания платы в счет возмещения вреда взимание платы осуществляется с использованием системы взимания платы.

До начала движения транспортного средства, за которым закреплено бортовое устройство или стороннее бортовое устройство, по автомобильным дорогам общего пользования федерального значения собственник (владелец) такого транспортного средства обеспечивает установку и включение этих устройств на транспортном средстве, а также внесение платы оператору в размере, определенном исходя из протяженности планируемого маршрута движения транспортного средства и размера платы, установленного Правительством РФ. Также в реестре системы взимания платы указывается фактический владелец транспортного средства на основании заявления на регистрацию транспортного средства и документа, подтверждающего право владения транспортным средством.

Предлагается внести изменения в чч. 1, 6, 8 и 9 ст. 31.1 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», п. 7 Правил взимания платы в счет возмещения вреда, ст. 12.21.3 КоАП РФ и заменить термин «собственник (владелец) транспортного средства» на «владелец транспортного средства».

Рассмотрим ситуацию, когда привлеченный к административной ответственности собственник транспортного средства не оспаривает вынесенное по упрощенной форме постановление о назначении административного наказания и оплачивает административный штраф, а потом взыскивает сумму административного штрафа в качестве убытков с арендатора транспортного средства. Так, широкую известность получило дело ООО «Яндекс.Драйв». ООО «Яндекс.Драйв» обратилось в суд с иском к Б. о взыскании денежных средств, указывая на то, что на основании договора аренды ему был предоставлен автомобиль, в период пользования которым ответчик совершил административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ст. 8.25 Закона г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях», а по п. 7.3 договора аренды ответчик несет

полную ответственность в отношении любых издержек, штрафов, жалоб, требований и претензий, возникших в течение всего срока аренды автомобиля. Собственник транспортного средства ООО «Мэйджор Профи» было привлечено к административной ответственности в виде штрафа в размере 300 000 руб., расходы по уплате которого были компенсированы ООО «Яндекс.Драйв». Истец посчитал, что в данном случае имеются основа-

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что факт уплаты истцом административного штрафа сам по себе не свидетельствует о виновности ответчика в причинении убытков истцу, который должен был действовать разумно и осмотрительно

ния для применения п. 7.3 договора аренды и взыскания с ответчика убытков, связанных с компенсацией истцом расходов ООО «Мэйджор Профи» по уплате административного штрафа.

В п. 7.3 договора аренды было предусмотрено, что арендатор несет полную ответственность в отношении любых издержек, штрафов, жалоб, требований и претензий, возникших в течение всего срока аренды транспортного средства, которые могут быть предъявлены любыми третьими лицами в течение и после окончания срока аренды по любому поводу, связанному с использованием транспортного средства, по поводу любых причиненных третьим лицам убытков. В период пользования Б. указанным транспортным средством он совершил административное правонарушение, но к административной ответственности в виде штрафа в размере 300 000 руб. был привлечен собственник автомобиля, который выплатил административный штраф в полном размере. Постановление по делу об административном правонарушении не было обжаловано истцом в связи с пропуском срока на обжалование.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что факт уплаты истцом административного штрафа сам по себе не свидетельствует о виновности ответчика в причинении убытков истцу, который должен был действовать разумно и осмотрительно как лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность в сфере аренды транспортных средств, обжаловать постановления по тем основаниям, что на момент совершения

административного правонарушения транспортное средство было передано в аренду физическому лицу, ответственность которого за размещение им транспортного средства на территории, занятой зелеными насаждениями, повлекла бы наложение административного штрафа в размере, не превышающем 5000 руб., а не 300 000 руб. Таким образом, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения ст. 15 Гражданского кодекса РФ, п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», пришел к выводу о том, что *«ответчик, управляя транспортным средством, предоставленным истцом в аренду, являлся потребителем услуг и взыскание с него штрафов, применяемых к юридическому лицу, учитывая, что истцом не были предприняты надлежащие меры по обжалованию постановления, нельзя признать правомерным. Условия договора присоединения о безусловной обязанности клиента уплатить арендодателю сумму административных штрафов (п. 7.3) нарушают права ответчика как потребителя»*¹.

При таком подходе, когда административный штраф признается в качестве убытков юридического лица, могут быть нарушены положения ч. 3 ст. 2 Гражданского кодекса РФ: к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Представляется, что приравнивание административного штрафа к убыткам является некорректным и непозволительным использованием гражданско-правовой нормы для регулирования административных отношений.

В Проекте КоАП РФ административная ответственность за несоблюдение обязательных требований законодательства Российской Федерации о внесении платы в счет возмещения вреда установлена в ст. 20.28 и по содержанию полностью совпадает с действующей нормой ст. 12.21.3 КоАП РФ, даже по виду и размеру административного наказания. Показательным отличием является лишь то, что рассматриваемый состав административного правонарушения сменил родовый объект с обеспечения безопасности дорожного движения на транспорт, что является более верным.

Для дальнейшего совершенствования административного деликтного законодательства также представляется необходимым детализировать диспозиции и санкции статей Особенной части КоАП РФ путем установления конкретного субъекта административного правонарушения. Для того чтобы наглядно объяснить сложившуюся ситуацию, проиллюстрируем на примере привлечения к административной ответственности юридических лиц, являющихся собственниками транспортных средств и совершивших административное правонарушение, предусмотренное ст. 12.9 КоАП РФ (превышение установленной скорости движения), выявленное специальными средствами. Юридических лиц в качестве субъектов административного правонарушения привлекают к административной ответственности по упрощенной форме (ст. 28.6 КоАП РФ), несмотря на признаки объективной стороны данного административного правонарушения: превышение установленной скорости движения. Деяние «превышение скорости движения» на транспортном средстве возможно совершить исключительно в процессе управления транспортным средством, т. е. осуществления функции водителя во время движения транспортного средства. Разумеется, если бы диспозиция ст. 12.9 КоАП РФ звучала как «управление транспортным средством с превышением установленной скорости движения», субъект административного правонарушения стал бы очевиден – физическое лицо.

При привлечении к административной ответственности за административные правонарушения в области безопасности дорожного движения по главе 12 КоАП РФ, зафиксированные с применением специальных технических средств, абсолютно игнорируется на практике положение ч. 1 ст. 2.10 КоАП РФ². Иными словами, в соответствии с ч. 1 ст. 2.10 КоАП РФ юридические лица подлежат административной ответственности только за те административные правонарушения, где они указаны в диспозиции или санкции статей Особенной части КоАП РФ или законов субъектов РФ об административных правонарушениях в качестве субъектов административного правонарушения. Представляется, что в случаях, когда субъект состава административного правонарушения неоднозначный исходя из конструкции статьи (например, ст. 20.25, 12.9 КоАП РФ и др.), юридические лица не должны нести административную ответственность³.

¹ URL: <https://demo.garant.ru>.

² Смоляков П. Н. Ответственность юридических лиц за правонарушения, фиксируемые специальными техническими средствами // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 12. С. 12.

³ Селезнев В. А. О спорадичности применения отдельных норм Особенной части КоАП РФ об административной ответственности юридических лиц // Журн. рос. права. 2019. № 6. С. 141.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В. А. Об отдельных вопросах практики применения договора аренды транспортного средства // Вестн. Московского финанс.-юр. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 160–176.
2. Боярская Ю. Н. Виды договоров аренды транспортных средств // Вестн. Саратовской гос. юрид. академии. – 2019. – № 5. – С. 110–112.
3. Игнатова Ю. Н. Понятие и значение договора аренды транспортных средств с экипажем // Вестн. Саратовской гос. юрид. академии. – 2013. – № 5. – С. 125–128.
4. Макарова А. Ю., Осипова К. В. Ответственность сторон по договору аренды транспортных средств // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 11. – С. 542–544.
5. Могилевский Г. А. Перечень обстоятельств отсутствия вины владельца транспортного средства при совершении дорожно-транспортного происшествия // Междунар. журн. гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 9-2. – С. 154–156.
6. Молчанов П. В., Антонов С. Н., Дымберов А. Д. Обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях, зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств: классификация жалоб и практические проблемы // Современная наука. – 2020. – № 1. – С. 35–39.
7. Селезнев В. А. О спорадичности применения отдельных норм Особенной части КоАП РФ об административной ответственности юридических лиц // Журн. рос. права. – 2019. – № 6. – С. 137–150.
8. Смоляков П. Н. Ответственность юридических лиц за правонарушения, фиксируемые специальными техническими средствами // Актуальные проблемы рос. права. – 2019. – № 12. – С. 11–16.
9. Шкеля О. В., Раздобудина А. А. Административно-правовые аспекты административных правоотношений в области безопасности дорожного движения, зафиксированных с применением технических средств фотовидеофиксации // Вестн. Краснодарского ун-та МВД России. – 2015. – № 4. – С. 235–238.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникеенко Юлия Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: avanik@e1.ru, ORCID: 0000-0002-8519-598X.

Новоселова Наталья Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: N.Novoselova@vpmail.ru, ORCID: 0000-0003-2354-0336.

AUTHOR'S DETAILS

Yulia B. Anikeenko

Candidate of Juridical Sciences, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: avanik@e1.ru, ORCID: 0000-0002-8519-598X.

Natalia V. Novoselova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: N.Novoselova@vpmail.ru, ORCID: 0000-0003-2354-0336.

УДК 347.4

Взыскание убытков в виде курсовой разницы: проблемы правоприменительной практики

Е. Р. Аминов¹

Аннотация. В статье рассматривается проблема взыскания убытков в виде курсовой разницы с должника, просрочившего исполнение денежного обязательства. Автор обращает внимание на противоречивую судебную практику по таким делам. Исследуя взыскание убытков как универсальный способ защиты гражданских прав, основные начала гражданского законодательства, в частности принцип добросовестности, автор сделал вывод о возможности в договорном правоотношении защиты кредитора посредством взыскания убытков в виде курсовой разницы с должника, допустившего просрочку исполнения денежного обязательства, выраженного в иностранной валюте.

Ключевые слова: убытки, обязательство, исполнение договора, кредитор, просрочка должника, курсовая разница, недобросовестное поведение, предпринимательский риск

Recovery of Losses in the Form of Exchange Rate Differences: Problems of Law Enforcement Practice

Evgenii R. Aminov²

Abstract. The article considers the problem of recovery of losses in the form of exchange rate difference from a debtor who has delayed the fulfillment of a monetary obligation. The author draws attention to the contradictory judicial practice in such cases. Examining the recovery of losses as a universal way of protecting civil rights, the basic principles of civil legislation, in particular, the principle of good faith, it is concluded that it is possible in a contractual legal relationship to protect the creditor by collecting losses in the form of exchange rate differences from the debtor who has delayed the fulfillment of a monetary obligation expressed in foreign currency.

Keywords: losses; obligation; performance of a contract; creditor; debtor's delay; exchange rate differences; unfair behavior; business risk

Гражданское право исходит из того, что при нарушении обязательства к виновной стороне может быть применена гражданско-правовая ответственность, а пострадавшей стороне причитается возмещение убытков в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 15 Гражданского кодекса РФ³. Этот способ защиты гражданских прав является универсальным способом защиты нарушенного права, в частности кредитора в договорном обязательстве.

Между тем, как показывает практика гражданского оборота, остается спорным вопрос о допустимости предъявления кредитором в договорном правоотношении требования о взыскании убытков в виде курсовой разницы с должника, допустившего просрочку исполнения денежного обязательства, выраженного в иностранной валюте, при условии, если стороны договора не согласовали иной курс или иную дату его определения согласно п. 2 ст. 317 ГК РФ.

¹ Для цитирования: Аминов Е. Р. Взыскание убытков в виде курсовой разницы: проблемы правоприменительной практики // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 44–49.

² For referense: Aminov E. R. Recovery of Losses in the Form of Exchange Rate Differences: Problems of Law Enforcement Practice // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 44–49.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

В современных экономических условиях эта проблема является актуальной для сторон любого договора, предусматривающего исполнение денежного обязательства в иностранной валюте, когда при совершении сделки они не предусмотрели правило о применении валютной оговорки. С этим может столкнуться поставщик по договору поставки при падении валютного курса, когда покупатель, находясь в просрочке, осуществляет платеж по курсу валюты ниже курса, зафиксированного в договоре, например, содержащего условие о том, что оплата товара осуществляется покупателем по курсу иностранной валюты на день платежа. Равным образом это относится и к покупателю, когда платеж в иностранной валюте обусловлен исполнением встречного обязательства продавца, намеренно его не исполняющего в период резкого повышения курса валюты. В первом случае поставщик не получает ту денежную сумму, на которую он рассчитывал при заключении договора, во втором – покупатель платит сумму в большем размере, не предусмотренную договором поставки.

Общее правило о возмещении убытков и механизм определения их размера содержатся в ст. 15 ГК РФ. В силу п. 2 ст. 393 ГК РФ возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Согласно п. 1 ст. 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой.

Однако анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что, в отличие от внешнеторговой практики применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушение сроков исполнения денежного обязательства по внешнеэкономическим сделкам, в настоящее время существует два подхода к применению этих норм относительно правовой квалификации курсовой разницы при колебании курса валют как убытка кредитора и возложения на него соответствующего риска при осуществлении предпринимательской деятельности.

Согласно первому подходу такое требование не подлежит удовлетворению, так как возможность колебания

курсов валют не зависит от воли сторон и является одним из рисков осуществляемой участниками гражданских правоотношений предпринимательской деятельности и не может рассматриваться как основание для вывода о причинении убытков.

Так, по одному из дел суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что суды, отказывая в удовлетворении иска о взыскании убытков в виде курсовой разницы, исходили из отсутствия доказательств наличия всей совокупности условий, необходимых для взыскания убытков, ввиду непредставления истцом (поставщиком) доказательств вины ответчика (покупателя) и наличия безусловной причинно-следственной связи между действиями покупателя (просрочкой исполнения обязательства) и возникшими убытками в виде курсовой разницы, отметив при этом, что по договору поставки стороны согласовали оплату в российских рублях по курсу, установленному ЦБ РФ на дату оплаты, а возможность колебания курсов валют не зависела от воли покупателя и является одним из рисков осуществляемой сторонами предпринимательской деятельности. Суд указал, что курсовая разница валют является одним из рисков осуществляемой сторонами предпринимательской деятельности и не может рассматриваться как основание для вывода о причинении убытков¹.

Представляется, что приведенная позиция основана на консервативном подходе судов к применению такого универсального способа защиты нарушенных гражданских прав, как взыскание убытков. Как справедливо писал В. В. Витрянский, «такое положение вещей во многом является следствием негативного отношения к возмещению убытков, сформировавшегося в советские годы»².

В соответствии со вторым подходом, выработанным Верховным Судом РФ еще в 2017 г. применительно к отношениям с участием граждан-потребителей, убытки, вызванные просрочкой исполнения обязательств, в том числе обусловленные изменением в этот период курса валют, должны быть отнесены на сторону, допустившую такую просрочку. Нельзя возлагать последствия изменения курса валют и риск осуществления предпринимательской деятельности на добросовестную сторону

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 9 ноября 2023 г. № Ф08-10117/2023 по делу № А53-767/2023 // СПС «КонсультантПлюс». Также в определении Верховного Суда РФ от 28 мая 2021 г. № 305-ЭС21-6620 по делу о взыскании убытков в виде курсовой разницы указано, что в договоре аренды не зафиксирован курс доллара к рублю, а возможность колебания курсов валют не зависела от воли арендатора и является одним из рисков осуществляемой сторонами предпринимательской деятельности. По этим причинам истцу было отказано в удовлетворении иска, так как отсутствует вина ответчика и причинно-следственная связь между действиями последнего (просрочкой исполнения обязательства) и возникшими убытками в виде курсовой разницы (СПС «КонсультантПлюс»).

² Витрянский В. В. Общие положения об обязательствах // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Голвина, Б. М. Гонгало и др.; под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019. Цит. по: СПС «КонсультантПлюс».

договора и освободить от таких последствий лицо, нарушившее обязательства¹.

В развитие такого подхода по одному из дел Арбитражный суд Московского округа сослался на то, что нижестоящие суды пришли к законному выводу об удовлетворении иска о взыскании убытков в виде курсовой разницы, поскольку в связи с ненадлежащим исполнением ответчиком принятых на себя обязательств по договорам – непоставкой буксиров в определенный договорами срок, а также неудовлетворением

убытков с должника, допустившего просрочку исполнения денежного обязательства, выраженного в иностранной валюте.

Данное утверждение можно проверить на примере, когда покупатель намеренно затягивает срок оплаты товара, нарушая условия договора купли-продажи, при падении курса иностранной валюты по отношению к рублю, в результате чего продавец не получает размер того встречного предоставления, на который он рассчитывал при заключении договора.

Так, согласно п. 1 ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается на признании обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ). В силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Это принципы гражданского права, на которых основан Гражданский кодекс и которых должен придерживаться правоприменитель⁴.

Несомненно, первый подход, изложенный выше, ведет к нарушению принципа добросовестности в гражданском праве и принципа недопустимости извлечения выгоды из недобросовестного поведения, закрепленного в п. 4 ст. 10 ГК РФ, к лишению добросовестной стороны в обязательстве права на защиту своих нарушенных имущественных прав (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

Взыскание убытков в виде курсовой разницы как способ защиты гражданских прав позволяет избежать ущемления прав кредитора по денежному обязательству, выраженному в иностранной валюте: он предусматривает полное возмещение имущественных потерь, вызванных поведением неисправного должника, который ожидает выгодный для себя курс иностранной валюты при его падении или роста на «день платежа». Как справедливо писал Б. М. Гонгало, «...существует общее правило, в соответствии с которым нарушенное право должно быть восстановлено (потери компенсированы

Согласно п. 1 ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается на признании обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты

требований по возврату авансовых платежей истец понес убытки в виде недополученных денежных средств из-за отрицательных курсовых разниц валюты². Как указано в определении Верховного Суда РФ, вынесенном по этому делу, разрешая спор и удовлетворяя иск, суды обоснованно руководствовались ст. 10, 15, 309, 393 ГК РФ и пришли к выводу о том, что у предприятия (истца) возникли убытки в виде курсовой разницы евро/рубль, которые подлежат возмещению компанией, не исполнившей надлежащим образом свои обязательства по договорам³.

Между тем анализ и толкование применяемых судами при рассмотрении таких дел норм гражданского законодательства в совокупности с основными началами (принципами) гражданского права, закрепленными в ст. 1 ГК РФ, позволяют сделать вывод о верности второго подхода, как подхода, обеспечивающего наиболее полное восстановление имущественных прав кредитора в договорном обязательстве при колебании курса валют и о возможности для кредитора применения такого способа защиты гражданских прав, как возмещение

¹ Пункт 10 Обзора судебной практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 14 ноября 2018 г. № 3 (2018) (СПС «КонсультантПлюс»).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 июня 2023 г. № Ф05-13116/2023 по делу № А40-204470/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 18 декабря 2023 г. № 305-ЭС23-17572 // СПС «КонсультантПлюс». Обращает на себя внимание то, что в мотивировочной части судебного акта содержится ссылка на применение ст. 1102 ГК РФ, т. е. на нормы о неосновательном обогащении.

⁴ Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Как указано в постановлении Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П, «в свете конституционных требований и корреспондирующих им основных начал (по сути, принципов) гражданского законодательства должны интерпретироваться и применяться нормы, регламентирующие осуществление участниками гражданских правоотношений принадлежащих им прав и исполнение ими обязанностей» (Рос. газ. 2023. 17 дек.).

и т. д.). Применительно к убыткам отмечается существование принципа полного их возмещения»¹.

Возложение последствий изменения курса валют и риска осуществления предпринимательской деятельности на добросовестную сторону договора и освобождение от таких последствий лица, нарушившего обязательства, противоречит принципам гражданского права.

В силу п. 1 ст. 405 ГК РФ убытки, вызванные просрочкой исполнения обязательств, в том числе обусловленные изменением в этот период курса валют, должны быть отнесены на сторону, допустившую такую просрочку, а день платежа должен определяться исходя из условий договора при надлежащем исполнении его стороной, являющейся кредитором в таком денежном обязательстве. Поэтому с момента нарушения обязанности по оплате товара, в примере с договором купли-продажи, до момента фактической оплаты денежных средств на сторону, допустившую такое нарушение, возлагаются риски, связанные с изменением курса валюты долга и валюты платежа. Другая сторона в таком случае вправе требовать возмещения убытков в размере не меньшем, чем доход нарушившей стороны от изменения курса.

Продавец не должен быть поставлен в худшее положение, а допустивший просрочку покупатель – в лучшее по сравнению с тем, как если бы покупатель исполнил обязательство добросовестно и в срок. Как писал В. С. Белых, именно таким образом и должен быть защищен, используя терминологию английского права, «ожидаемый интерес», основанный на том, что кредиторы должны быть возмещены потери от обещанного исполнения по договору, т. е. при взыскании убытков защите подлежит «положительный договорный интерес», чтобы в результате возмещения потерпевший как сторона договора должен быть поставлен в такое же положение, в каком он находился бы, если бы договор был исполнен².

На возможность взыскания убытков в виде курсовой разницы, причиненных недобросовестным поведением должника, указывается и в литературе. «Если должник попадает в просрочку и после этого курс иностранной валюты, в которой выражен долг, падает, должнику не может быть позволено получить выгоду от снижения рублевого эквивалента его долга в период просрочки,

так как иначе право позволяло бы должнику извлекать выгоду в результате своего неправомерного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ)... Право не должно допускать ситуацию, когда сторона, допускающая просрочку (должник, впавший в просрочку должника, или кредитор, допускающий просрочку кредитора или просрочку в осуществлении предшествующего предоставления), выиграет от изменения курса валюты долга... вариантом обосно-

В правоприменительной практике встречается мотивировка о том, что риск предпринимательской деятельности кредитора, право которого нарушено, не предполагает учет неправомерных действий контрагентов

вания защиты кредитора или должника в указанных сценариях следует признать его право требовать взыскания со стороны, допустившей просрочку, разницы, образовавшейся не в пользу пострадавшей стороны из-за изменения курса в период просрочки контрагента, на основании ст. 15 ГК РФ в качестве меры убытков»³.

Исходя из принципа полного возмещения убытков, «курсовая разница в составе убытков должна быть определена так, чтобы кредитор, получив эту компенсацию, оказался в положении, ближайшем к тому, в каком он находился бы, если бы прежний договор не был нарушен и исполнялся надлежащим образом»⁴.

Позицию некоторых судов, ссылающихся на то, что убытки в виде курсовой разницы не подлежат взысканию, так как изменение курса иностранной валюты к рублю является одним из рисков осуществления сторонами предпринимательской деятельности, а риск увеличения курса валют лежит на плательщике, риск падения – на получателе, следует признать несовершенной. В частности, в правоприменительной практике встречается мотивировка о том, что риск предпринимательской деятельности кредитора, право которого нарушено, не предполагает учет неправомерных действий контрагентов. Убытки в таком случае причинены

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий: в 3 т. Т. 1. Комментарий к части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. Цит. по: Гонгалло Б. М. Избранное: в 5 т. М.: Статут, 2021. Т. 2. Гражданское право. 2003–2014. С. 320–321.

² См.: Белых В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: моногр. М.: Проспект, 2017. С. 183.

³ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022 // СПС «КонсультантПлюс» (автор комментария – А. Г. Карапетов).

⁴ Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022 // СПС «КонсультантПлюс».

кредитору по не зависящим от него обстоятельствам и не в связи с риском увеличения или падения курса евро к рублю, а в связи с нарушением должником, например, обязательства по оплате поставленного товара в предусмотренный договором срок.

Если в заключенном между сторонами договоре содержится условие о том, что курс иностранной валюты должен определяться на «день оплаты», то он должен пониматься применительно к надлежащему исполнению должником принятых на себя обязательств по оплате, а не трактоваться как день оплаты в период просрочки должника, который может дожидаться такого падения курса валют, который несопоставим с ценой договора. Это не соответствует принципу гражданского права – *Pacta sunt servanda*, – закрепленному в ст. 309 ГК РФ, согласно которой обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Противоположный подход судов противоречит и международной практике торгового оборота. Так, согласно п. 4 ст. 6.1.9 («Валюта платежа») Принципов международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА), «если должник не совершил платеж в срок, когда платеж должен быть совершен, кредитор может потребовать совершить платеж в соответствии с применимым курсом обмена валюты, превалирующим либо в момент наступления срока платежа, либо в момент фактического платежа»¹.

В соответствии с п. III.-2:109 (Валюта платежа) Модельных правил европейского частного права, «если в случае, предусмотренном в предыдущем пункте, должник не произвел оплаты в установленный срок, кредитор вправе потребовать оплаты в валюте места платежа по курсу обмена, преобладающему в этом месте в момент наступления срока платежа либо в момент фактической оплаты»².

Аналогичная правовая позиция нашла свое отражение и в некоторых публикациях. «Если должник не совершил платеж в срок, когда платеж должен быть совершен, кредитор может потребовать совершить платеж в соответствии с применимым курсом обмена валюты, превалирующим либо в момент наступления срока платежа, либо в момент фактического платежа»³. Именно такой практики придерживались и третейские суды при Торгово-промышленной палате РФ⁴.

Таким образом, следует признать допустимым для кредитора в договорном правоотношении возможность взыскания убытков в виде курсовой разницы с должника, просрочившего исполнение денежного обязательства, выраженного в иностранной валюте. Иной подход противоречит основным началам гражданского законодательства, в частности принципу недопустимости извлечения выгоды из недобросовестного поведения. Противоположную правоприменительную практику следует признать несовершенной и требующей корректировки со стороны Верховного Суда РФ путем принятия соответствующих разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белых В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: моногр. – М.: Проспект, 2017. – 208 с.
2. Витрянский В. В. Общие положения об обязательствах // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало и др.; под ред. Д. А. Медведева. – М.: Статут, 2019. – 492 с.
3. Гонгало Б. М. Избранное: в 5 т. – М.: Статут, 2021. – Т. 2. Гражданское право. 2003–2014. – 720 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий: в 3 т. – Т. 1. Комментарий к части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2014. – 336 с.
5. Ершов В. А. Правовые основы внешнеэкономической деятельности. – М.: ГроссМедиа; РОСБУХ, 2008. – 184 с.

¹ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. М.: Статут, 2013. С. 450–552.

² Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ершов В. А. Правовые основы внешнеэкономической деятельности. М.: ГроссМедиа; РОСБУХ, 2008 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Решение МАК от 9 апреля 1992 г. по иску Первого Дунайского пароходного общества, Вена, Австрия, к ВО «Совфрахт», Москва, Россия, ВО «Союзпромэкспорт», Москва, Россия, ВО «Промсырьемпорт», Москва, Россия, и ВО «Экспортхлеб», Москва, Россия (дело № 45/1990) // Из практики Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. 1987–2005 годы / И. И. Барина, О. В. Кулистикова, С. Н. Лебедев и др.; под ред. С. Н. Лебедева, А. И. Лободы, Д. Б. Филимонова. М.: Статут, 2009; решение МКАС при ТПП от 26 января 1995 г. по делу № 460/1993 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Из практики Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. 1987–2005 годы / И. И. Барина, О. В. Кулистикова, С. Н. Лебедев и др.; под ред. С. Н. Лебедева, А. И. Лободы, Д. Б. Филимонова. – М.: Статут, 2009. – 520 с.

7. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2022. – 1492 с.

8. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации» / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2022. – 1582 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аминов Евгений Раульевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доцент кафедры обязательственного права Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ (Россия, Екатеринбург). E-mail: aminov@rgp-law.ru, ORCID: 0009-0009-3557-0189.

AUTHOR'S DETAILS

Evgenii R. Aminov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Civil Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Associate Professor of the Department of Law of Obligations at the Ural Branch of the Research Center for Private Law named after S. S. Alekseev under the President of the Russian Federation (Russia, Yekaterinburg). E-mail: aminov@rgp-law.ru, ORCID: 0009-0009-3557-0189.

УДК 346/347

Об условности границ субъектов имущественных отношений (окончание статьи) *

А. Н. Латыев¹

Аннотация. Статья посвящена вопросу определения границ имущественной сферы участников гражданских отношений – юридических и физических лиц, способам изменения этих границ и дополнительным возможностям, которые такое изменение открывает для гражданского оборота. Пятидесятилетию создания кафедры хозяйственного права в Свердловском юридическом институте (ныне – кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева) посвящается.

Ключевые слова: имущественные отношения, юридические лица, физические лица, гражданский оборот, имущественные комплексы

On the Conventionality of Boundaries of Subjects of Property Relations (end of article)

Aleksandr N. Latyev²

Abstract. The article is devoted to the issue of determining the boundaries of the property sphere of participants in civil relations, both legal entities and individuals, ways to change these boundaries and additional opportunities that such a change opens up for civil circulation. Dedicated to the fiftieth anniversary of the establishment of the Department of Economic Law at the Sverdlovsk Law Institute (now the Business Law Chair of Ural State Law University named after V. F. Yakovlev).

Keywords: property relations; legal entities; individuals; civil circulation; property complexes

2.2. Множественность имущественных масс одного физического лица

Если мы находим множество примеров, в которых границы имущественной массы оказываются намного шире физических границ отдельного физического лица, которому эта масса принадлежит, то, быть может, мы хотя бы не сможем найти ситуаций, в которых одному человеку принадлежит несколько имущественных масс? Сможем, и с легкостью.

Примеры деления имущества одного лица на несколько относительно независимых имущественных масс мы можем вспомнить в том же римском праве, правда, наоборот, не архаическом, а позднем. Так, известно, что собственник имущества – полноправный римский гражданин, т. е. *pater familias*, мог выделить отдельную часть своего имущества (пекулий) для управления своему подвластному (сыну)³ либо же и вовсе неспособному человеку (рабу)⁴. Пекулий оставался в собственности его хозяина, он мог всегда забрать

* Предыдущие части опубликованы в № 3 и 4 за 2023 г.

¹ Для цитирования: Латыев А. Н. Об условности границ субъектов имущественных отношений (окончание статьи) // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 50–54.

² For referense: Latyev A. N. On the Conventionality of Boundaries of Subjects of Property Relations (end of article) // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 50–54.

³ См.: Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 кн. / предисл. канд. юрид. наук В. В. Байбака. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 865–866.

⁴ См.: Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов / под ред. чл.-корр. РАН, проф. В. С. Нерсесянца. М.: Изд. группа ИНФРА М–НОРМА, 1997. С. 233.

из него имущество, но в то же время для него же возникали и права, и обязанности по сделкам, совершенным управляющим пекулием в отношении составляющего его имущества. По сути дела, мы видим здесь этакий «филиал» физического лица, если пользоваться современными аналогиями.

В наше же время актуальной остается проблема отделения предпринимательской деятельности гражданина от его бытовых отношений и, соответственно, его имущества, используемого в той и в другой области. Несмотря на то что вопрос о предпринимательском или непредпринимательском характере в основном встает в отношении не имущества, а сделок гражданина, его имущество, используемое в предпринимательской деятельности, также могло бы быть отделено от того, что не используется этих целях, например, для того, чтобы заранее определить, какое имущество один предприниматель может подарить другому, а какое – в силу расширительно толкуемого подп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ – нет.

В начале 1990-х гг. законодатель предлагал для этой цели разделить имущество предпринимателя, выделив его коммерческую часть в самостоятельное юридическое лицо – индивидуальное частное предприятие (ст. 8 Закона РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»). Это достаточно странное юридическое лицо, «принадлежащее гражданину на праве собственности» (п. 1 названной статьи), но при этом предполагавшее ограничение ответственности его учредителя (п. 3 той же статьи). Неудивительно, что часть первая ГК РФ отказала ИЧП в праве на существование, а вводный закон к ней предписал относиться к таким предприятиям – до их преобразования или ликвидации – как к унитарным предприятиям, основанным на праве оперативного управления (абз. 2 п. 5 ст. 6 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Тем не менее за те четыре года, что они существовали, успела сформироваться даже некоторая судебная практика, в которой, в частности, обсуждались вопросы прав супруга предпринимателя на имущество его ИЧП. Так, СК по гражданским делам Верховного Суда РФ в своем определении от 15 июня 2001 г. № 69-В00-18 пришла к выводу, что для распоряжения имуществом, переданным одним из супругов в ИЧП, не требовалось

согласие второго супруга, поскольку тот членом ИЧП не являлся¹.

Стоит заметить, что идея подобного разделения личности предпринимателя на его бытовую и коммерческую составляющие, оставленная российским законо-

В наше же время актуальной остается проблема отделения предпринимательской деятельности гражданина от его бытовых отношений и, соответственно, его имущества, используемого в той и в другой области

дателем, постоянно возрождается в различных уголках мира: так, новейший ГК КНР также выделяет индивидуальные частные предприятия, однако не признает их юридическими лицами, включая в число организаций без образования юридического лица. «Ключевое отличие данных субъектов от юридических лиц, – пишет А. П. Алексеенко, – заключается в том, что они не имеют структуры органов управления, а от своего имени могут только заключать сделки»².

Если попытка разделения имущественной массы индивидуального предпринимателя на две относительно самостоятельные части – предпринимательскую и бытовую – осталась в прошлом нашего права, то новые реалии экономики преподносят нам и новые казусы, в которых можно увидеть разделение имущества одного физического лица на несколько частей. Так, известно, что за последние два десятка лет значительной частью экономики стала внутренняя экономика компьютерных игр. Игроки платят немалые и зачастую вовсе не игровые деньги за внутриигровые объекты, которые в виртуальном мире игры ассоциированы не с самими игроками, а с их внутриигровыми персонажами. Так что передача актива, подчас имеющего значительную стоимость, может происходить путем передачи контроля над персонажем – со всеми его игровыми «активами» и «пассивами». Такая передача по своим механизмам, по степени отдаленности предмета передачи (например, пароля доступа к определенному персонажу) от реальной

¹ Примечательно, что спустя полтора десятка лет с подобной же коллизией, вызванной столкновением норм об общей собственности супругов и о правах учредителя унитарного юридического лица (на этот раз – частного учреждения), снова довелось столкнуться Верховному Суду РФ. Подробнее см. наш комментарий к делу: Латыев А. Н. Универсальное правопреемство vs общее имущество супругов: побеждает регистрация. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.06.2016 № 309-ЭС16-1899 // Вестн. эконом. правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 9–15.

² Алексеенко А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы рос. права. 2021. Т. 16. № 12. С. 204.

ценности (ассоциированных с этим персонажем внутриигровых объектов) начинает очень сильно походить на передачу единственным участником корпорации своих корпоративных прав в ней, там ведь тоже приобретателя интересует не столько непосредственный предмет правопреемства – корпоративные права, – сколько стоящие за ними активы самой организации, контроль над которой приобретается. Если же мы вспомним, что таких персонажей у игрока может быть несколько, даже в рамках одной игры, то вполне возможными окажутся и внутриигровые «сделки» между несколькими такими персонажами, способные повлиять на имущественные отношения за пределами игрового пространства.

2.3. Возможности, открываемые изменчивостью границ имущественных масс физических лиц

Итак, имущественные массы даже физических лиц, реально существующих в мире и, в отличие от лиц юридических, уж точно не являющихся фикциями, как видим, тоже могут иметь изменчивые границы. Как же это может сказаться на гражданском обороте?

Для архаического римского права, например, реконструируется такая юридическая конструкция манципации (и даже всякой сделки *per aes et libram*), в которой имеет место не столько переход манципируемой вещи из имущественной сферы одного лица в сферу другого, сколько проникновение приобретателя внутрь патриархальной семьи отчуждателя с тем, чтобы он мог захватить предмет передачи и затем – с этим предметом в руках – вновь выйти из нее. «Акт *manu capere* позволяет постороннему вторгнуться в интимный мир семейства, представленного в обороте отдельными вещами, слитыми в массовом сознании с личностью их распорядителя. Взяв такую вещь рукой, лицо, чуждое этому семейству, ставит себя в зависимость от распорядителя вещи, рискуя утратить собственную субъектность. Хозяин вещи, допуская этот жест, тем самым заставляет социум рассматривать вторжение как конституирование нового личного отношения по поводу вещи, нового субъекта – распорядителя вещи»¹.

Если обратиться к нашему времени, то мы увидим, как формирование физическим лицом некоего относительно самостоятельного имущественного комплекса может позволить такому лицу легко передать всю

совокупность ассоциированных с таким комплексом прав и обязанностей. Пока что по нашему праву формирование таких комплексов производится путем выделения гражданином своего имущества в юридическое лицо с последующей передачей приобретателю корпоративных прав в отношении такого лица, однако пример игрового имущества показывает, что современные технологии позволяют обойтись и без хлопотной и привлекающей много внимания процедуры создания юридического лица, всего лишь ассоциировав активы и пассивы с неким виртуальным посредником². И игры здесь только наиболее показательный пример: так, в мире цифровых и криптоактивов давно уже говорят о псевдонимности, которая заменяет собой анонимность участников транзакций: транзакции в блокчейне, например, видны всем машинам, обслуживающим этот блокчейн, но никто не знает, между кем они совершаются, поскольку видит лишь обезличенные номера цифровых кошельков, но не реальных субъектов. У одного человека может быть множество таких кошельков, и он может совершать операции, как пополняя или опустошая их, так и путем передачи другим лицам доступа к самим кошелькам.

Заключение

По итогам размышления, порожденного давним телефонным разговором, мы видим, как наряду с хорошо знакомой всем системой гражданского оборота даже не возникает, а существует параллельно совершенно другая система, точно так же позволяющая перемещать имущественные блага от одного лица к другому. Вернее, перемещение благ тут можно увидеть только с точки зрения экономической, для юриста здесь будет иметь место скорее изменение границ имущественных сфер субъектов – их объединение и разделение с изменением конкретного наполнения этих сфер в результате таких процессов. Принципиальное отличие юридических конструкций этих систем затеняет общие проблемы и сложности, возникающие в ходе их применения. Так, то обстоятельство, что при приобретении корпоративного контроля в юридическом лице формальным предметом приобретения являются корпоративные права, а реальный интерес заключается в приобретении контроля над активами этого юридического лица, не позволил при несоответствии состояния этих

¹ Дождев Д. В. Основание защиты владения в римском праве. М.: Ин-т государства и права РАН, 1996. С. 108.

² Впрочем, можно сказать и иначе: что современные технологии всего лишь облегчили это и сделали доступным практически любому без приложения экстраординарных усилий. Если же их приложить, чего-то подобного можно бы было добиться и более полувека назад. Во всяком случае не выглядит совсем фантастичной история создания персонажем повести Стивена Кинга «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка» (более известной по экранизации «Побег из Шоушенка» 1994 г.) Энди Дюфрейном виртуальной личности, никогда не существовавшей в реальности, однако же обладающей водительскими правами и карточкой социального страхования, а что еще более важно – вполне реальным банковским счетом и значительными сбережениями на нем.

активов обсуждавшемуся при совершении сделки напрямую применять нормы об ответственности продавца за качество товара и потребовал выработки норм о гарантиях и заверениях.

Есть в нашем размышлении и еще один аспект, быть может, не ставший еще актуальным, но вот-вот грозящий стать таковым. Мы рассматривали границы имущественных сфер разных субъектов – юридических и физических лиц. Уже при этом рассмотрении было видно, что порой границы между ними начинают стираться: семья – объединение людей – предстает уже в образе практически лица юридического, а создание юридического лица вполне может быть заменено выделением гражданином части своего имущества в обособленный комплекс. Однако наше время все активнее заставляет искать ответ об отношении права к новому субъекту – искусственному интеллекту. Роботы той или иной степени автономности уже заполнили гражданские отношения: они совершают сделки (наверное, большинство сделок на биржах совершаются сегодня биржевыми программами), могут причинять вред и т. д. Степень их автономности такова, что контроль их хозяев над ними может оказаться совсем эфемерным. В конечном счете, кто знает, быть может, они – уже безо всякого контроля

со стороны человека – участвуют в обороте. Достаточно представить себе торгового робота, когда-то запущенного на цифровой бирже, создатель которого скоропостижно скончался, не успев никому передать пароль для управления роботом. Этот робот продолжит торговать и, если будет делать это успешно – приобретать имущество, а если не очень успешно – создавать долги. Чьими мы должны признать эти активы и пассивы? В современной парадигме – наследников создателя этого робота, но они могут не только не знать о нем, но и не иметь никакой возможности его контролировать за отсутствием пароля от программы. Как бы ни разрешил эту проблему правопорядок – признанием ли правоспособности искусственного интеллекта, возрождением ли в новых условиях рабовладельческих институтов – «робовладения» или как-то иначе – это породит новые вопросы, среди которых будет в том числе вопрос об отделении имущественных сфер, причем не только искусственного интеллекта и его создателя, но и различных искусственных интеллектов. Кто знает, быть может, мы увидим еще и возрождение отмеченной 60 лет назад В. В. Лаптевым тенденции к укрупнению экономических субъектов: для роботов реализация этой тенденции будет вполне естественна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы рос. права. – 2021. – Т. 16. – № 12. – С. 199–211.
2. Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 кн. / предисл. канд. юрид. наук В. В. Байбака. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 1102 с.
3. Белов В. А. Имущественные комплексы: Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР®», 2004. – 240 с.
4. Белых В. С. Категория «имущество» в российской доктрине, законодательстве и судебной практике // Правовой режим имущества субъектов предпринимательской деятельности: сб. науч. тр.; отв. ред., сост. В. С. Белых. – М.: ТК Велби; Проспект, 2006. – С. 27–62.
5. Белых В. С. Предприятие как имущественный комплекс и субъект предпринимательской деятельности // Правовое положение субъектов предпринимательской деятельности / отв. ред., сост. проф. В. С. Белых. – Екатеринбург: У-Фактория, 2002. – С. 288–296.
6. Венедиктов А. В. О государственных юридических лицах в СССР // Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – Т. II. – М.: Статут, 2004. (Классика российской цивилистики.) – С. 517–550.
7. Горбашев И. В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2022. – 200 с.
8. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
9. Дождев Д. В. Основание защиты владения в римском праве. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1996. – 239 с.
10. Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право. – М.: Наука, 1993. – 191 с.
11. Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов / под ред. чл.-корр. РАН, проф. В. С. Нерсесянца. – М.: Изд. группа ИНФРА М–НОРМА, 1997. – 704 с.
12. Коуз Р. Природа фирмы // Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 36–57.

13. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.
14. Лаптев В. В. Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР // Лаптев В. В. Предпринимательское (хозяйственное) право. Избранные труды. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. (Классика хозяйственно-правовой мысли.) – С. 353–421.
15. Латыев А. Н. Универсальное правопреемство vs общее имущество супругов: побеждает регистрация. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.06.2016 № 309-ЭС16-1899 // Вестн. эконом. правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 9. – С. 9–15.
16. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. – М.: Статут, 2003. (Классика российской цивилистики.) – 685 с.
17. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.) – 656 с.
18. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – М.: Статут, 2002. (Классика российской цивилистики.) – 800 с.
19. Степанов С. А. Имущественные комплексы в российском гражданском праве. – М.: НОРМА, 2002. – 176 с.
20. Черепахин Б. Б. Приобретение права собственности по давности владения // Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. (Классика российской цивилистики.) – С. 151–170.
21. Якушев В. С. Правовое регулирование внутривозрастных отношений // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. – М.: Статут, 2001. – С. 414–430.
22. Якушев В. С. Юридическая личность государственного производственного предприятия // Якушев В. С. Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву / В. С. Якушев; предисл. и сост. В. С. Белых. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2007. – С. 11–231.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Латыев Александр Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, партнер юридической фирмы INTELLECT (Россия, Екатеринбург). E-mail: a.latyev@intellect.law, ORCID: 0009-0005-1895-6224, SPIN-код: 3834-3810.

AUTHOR'S DETAILS

Aleksandr N. Latyev

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Business Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, partner of INTELLECT Law Firm (Russia, Yekaterinburg). E-mail: a.latyev@intellect.law, ORCID: 0009-0005-1895-6224. SPIN-код: 3834-3810.

УДК 346.1

Особенности актов автономного правового регулирования предпринимательской деятельности

Н. В. Рубцова¹

Аннотация. Анализируются особенности актов автономного регулирования с учетом современного этапа развития предпринимательской деятельности. Подчеркивается нетождественность автономных и индивидуальных правовых актов, поскольку именно автономные правовые акты обладают регулирующим воздействием на участников предпринимательских отношений. Особое значение имеют такие автономные акты, как договоры и корпоративные правовые акты. Доказано, что программирующая функция автономных корпоративных актов заключается в их возможности регулятивного воздействия на участников корпоративных отношений. В свою очередь, именно договор как автономный акт опосредует предпринимательские отношения и обеспечивает начала частноправового регулирования предпринимательской деятельности. Поэтому он выступает основным программирующим, «движущим» правовым средством регулирования предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: автономный акт, механизм правового регулирования, корпоративный правовой акт, договор, предпринимательская деятельность

Peculiarities of Acts of Autonomous Legal Regulation of Entrepreneurial Activity

Natalya V. Rubtsova²

Abstract. The features of acts of autonomous regulation are analyzed taking into account the current stage of development of entrepreneurial activity. The non-identity of autonomous and individual legal acts is emphasized, since it is autonomous legal acts that have a regulatory impact on participants in business relations. Of particular importance are such autonomous acts as contracts and corporate legal acts. It has been proven that the programming function of autonomous corporate acts lies in their ability to have a regulatory impact on participants in corporate relations. In turn, it is the contract, as an autonomous act, that mediates entrepreneurial relations and ensures the beginning of private law regulation of entrepreneurial activity. Therefore, it acts as the main programming, “driving” legal means of regulating entrepreneurial activity.

Keywords: autonomous act; mechanism of legal regulation; corporate legal act; agreement; entrepreneurial activity

Как известно, эффективное правовое регулирование предпринимательской деятельности способствует экономическому развитию. В свою очередь, именно автономное регулирование позволяет в наибольшей степени учесть основные начала гражданского законодательства, основанные на автономии воли и свободе участников правоотношений.

Автономное регулирование изучается представителями юридической науки на протяжении длительного времени. Еще до революции отечественные исследователи обращались к вопросам частной автономии³. Однако в основе современного анализа лежит теория автономного (поднормативного) регулирования, которую использовали в своих работах С. С. Алексеев и В. М. Горшенев. Если С. С. Алексеев связывал

¹ Для цитирования: Рубцова Н. В. Особенности актов автономного правового регулирования предпринимательской деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 55–60.

² For referense: Rubtsova N. V. Peculiarities of Acts of Autonomous Legal Regulation of Entrepreneurial Activity // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 55–60.

³ См., например: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.

автономное регулирование с процессом реализации норм права¹, то В. М. Горшенев называл такое регулирование поднормативным², отводя автономным актам роль самостоятельного регулятора общественных отношений.

В современный период наряду с общими вопросами исследуются отдельные аспекты автономного регулирования. При этом вопрос о понятии и месте автономного регулирования в системе правового регулирова-

судебными и административными органами⁵, и предлагает вслед за С. С. Алексеевым использовать термин «автономное регулирование», которое «отличается осуществлением регулирования самими участниками отношений и равенством участников»⁶.

И. А. Минникес противопоставляет автономное и договорное (координационное) индивидуальное правовое регулирование. При этом договором И. А. Минникес считает «юридический инструмент, посредством которого осуществляется регулирование общественных отношений»⁷, относя тем самым договор к самостоятельным элементам правового регулирования.

В рамках формирования модели автономного правового регулирования предпринимательской деятельности особое значение имеет выделение именно *автономных правовых актов*, которые, в отличие от индивидуальных, осуществляют регулирующее воздействие, поскольку формируются самими участниками общественных отношений и оказывают влияние на определенных участников. Еще в работе 1966 г. С. С. Алексеев отмечал, что «нормы общественных организаций в ряде случаев не только вплотную примыкают к юридическим нормам, но и подключаются к *действию нормативной основы* механизма правового регулирования»⁸.

Автономная модель правового регулирования предпринимательской деятельности предусматривает использование автономных актов в качестве программирующего, движущего элемента. Соответственно можно выделить две основные разновидности автономных актов, которые выступают в роли программирующего элемента.

Первая разновидность – корпоративный правовой акт. Среди таких автономных средств особое место занимают решения гражданско-правового сообщества.

Решения собраний в современной литературе рассматриваются как сделки⁹, юридические факты, не являющиеся сделками¹⁰, акты реализации принадлежащих участникам сообщества общих гражданских прав

При анализе соотношения терминов «автономное» и «индивидуальное» правовое регулирование за основу возьмем договор как основной автономный акт

ния остается дискуссионным. Так, В. В. Ершов противопоставляет правовое и индивидуальное регулирование как парные категории³. Представляется, что такое разделение не отражает их взаимосвязь: индивидуальное регулирование нельзя противопоставлять правовому, поскольку индивидуальное регулирование является частью правового. В свою очередь, разновидностями правового регулирования выступают парные категории: нормативное и автономное (индивидуальное) правовое регулирование.

При анализе соотношения терминов «автономное» и «индивидуальное» правовое регулирование за основу возьмем договор как основной автономный акт. В юридической литературе вопрос о соотношении решается неоднозначно: еще с советского периода преобладающей является позиция отнесения договора к средствам индивидуального правового регулирования⁴. Однако не все ученые солидарны с таким выводом. Так, Б. И. Пугинский критикует возможность причисления договора к актам индивидуального правового регулирования, относя к таким актам применение норм права только

¹ См.: Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ справоч. том]. Т. 2. Специальные вопросы правопедения. М.: Статут, 2010. 471 с. С. 199–200.

² См.: Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 172–173.

³ Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. С. 389.

⁴ См., например: Илларионова Т. И. Начала диспозитивности и императивности в гражданско-правовом договоре // Гражданско-правовой договор и его функции: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1980. С. 45.

⁵ См.: Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. С. 44–45.

⁶ См.: Там же. С. 46.

⁷ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 84.

⁸ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 43.

⁹ См., например: Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. Решение собрания: юридический факт гражданского права? (Комментарий изменений, внесенных в ст. 8 и 12 ГК РФ) // Законодательство. 2013. № 6. С. 28.

¹⁰ См., например: Новак Д. В. Решение собрания как вид сделки // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: Сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2021 // СПС «ГарантПрофверсия».

и обязанностей¹ или даже как юридическая процедура коллективного формирования воли гражданско-правового сообщества путем совмещения воли большинства участников такого сообщества при игнорировании воли меньшинства участников². Также сохраняет свою актуальность известная с советских времен нормативная теория, которая позволяет отнести решения собраний к локальным нормативным актам³.

Следует отметить, что решения собраний неоднородны. А. В. Габов подразделяет управленческие решения на индивидуальные акты и акты, устанавливающие правила поведения (локальные нормативные акты органов управления)⁴. Соответственно, те решения собраний, которые устанавливают правила поведения, выполняют программирующую функцию и относятся к локальным нормативным актам.

Локальные нормативные акты названы в ст. 8 Трудового кодекса РФ и противопоставляются нормативным правовым актам. Законодатель четко определил правовую природу локальных актов: они носят нормативный характер в пределах деятельности определенной организации. В свою очередь, индивидуальные акты не имеют нормативного характера и не содержат общеобязательного правила поведения.

При этом локальные акты, как и индивидуальные, могут носить автономный характер, поскольку посредством таких актов регулирование осуществляется самими участниками общественных отношений. И локальные, и индивидуальные решения собраний объединяет порядок выражения общей воли. И. С. Шиткина объясняет такую особенность тем, что «внутренние документы обязательны для всех участников (акционеров), членов органов корпорации не в силу публичного принуждения, а исходя из самой сущности корпоративной формы организации предпринимательской деятельности, заключающейся в том, что участники корпорации при вступлении в нее добровольно приняли на себя бремя подчинения воле большинства, которая, в частности, выражается в принятии внутренних документов»⁵.

В механизме правового регулирования предпринимательской деятельности локальные и индивидуальные

акты используются на разных стадиях (этапах) правового регулирования. Локальные акты, обладая программирующей функцией, составляют начальный этап, образуя первый базовый элемент в автономной модели правового регулирования предпринимательской деятельности. Тогда как индивидуальные акты используются на этапе реализации норм права в рамках в том числе нормативной и смешанной моделей механизма правового регулирования. В таком случае автономные правовые средства могут выполнять правореализационную функцию, выступая актами реализации субъективных гражданских прав и обязанностей. В цепочке элементов механизма правового регулирования предпринимательской деятельности они выступают на заключительном этапе реализации правовых норм.

Применительно к правовому регулированию предпринимательских отношений автономные акты в рамках предложенной классификации выполняют в первую очередь программирующую функцию, которая служит начальным, движущим элементом в автономной модели правового регулирования предпринимательской деятельности: автономные акты устанавливают правила поведения для самих участников предпринимательских отношений. В частности, такие акты определяют правовое положение юридического лица, структуру органов управления, порядок вступления и прекращения членства в корпоративной организации, ответственность членов и другие вопросы.

Автономные корпоративные акты относятся к основным элементам механизма правового регулирования предпринимательской деятельности, распространяются на всех субъектов, участвующих в соответствующих отношениях: членов органов управления и контроля, участников корпорации, саму корпорацию. В частности, на основании ст. 50.1 ГК РФ решение об учреждении юридического лица формирует гражданско-правовые связи по установлению корпоративных отношений. При этом решение о создании юридического лица влечет за собой не только возникновение отношений между учредителями по поводу создания юридического лица, но и отношения между учредителями и уполномоченным органом государственной власти в рамках

¹ Груздев В. В. Решения гражданско-правового сообщества как акты автономного регулирования // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. С. Д. Могилевский. М.: Проспект, 2020. С. 247.

² Филиппова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 207.

³ Подробный анализ нормативной теории рассматривается в работе: Новак Д. В. Указ. соч.

⁴ Габов А. В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. С. 158.

⁵ Корпоративное право: учеб. / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2018. С. 54–55 (автор главы – И. С. Шиткина).

процедуры государственной регистрации юридического лица¹.

Следовательно, программирующая функция автономных корпоративных актов заключается в их возможности регулятивного воздействия на участников корпоративных отношений. В рамках механизма пра-

Именно предпринимательский договор может рассматриваться в качестве самостоятельного элемента механизма правового регулирования предпринимательской деятельности, так как характеризуется особым правовым режимом

вового регулирования системообразующее значение, формирующее самостоятельную модель правового регулирования предпринимательской деятельности, имеют именно программирующие акты автономного регулирования.

Как было указано выше, основными автономными правовыми актами, которые выполняют роль программирующего элемента в автономной модели правового регулирования предпринимательской деятельности, выступают решения собраний гражданско-правового сообщества и договоры. Несмотря на их общую регулируемую функцию, в названных автономных актах воля участников может формироваться по-разному. Если договор всегда подразумевает соглашение, согласование воли всех его участников, то решение собрания может быть принято не обязательно всеми его участниками, а если за него проголосовало большинство участников собрания и при этом в заседании участвовало не менее пятидесяти процентов от общего числа участников соответствующего гражданско-правового сообщества (ст. 181.2 ГК РФ). В таком случае решение собрания может рассматриваться как акт выражения коллективной воли², а волеизъявление (выражение воли вовне) участников оформляется протоколом общего

собрания. Однако если решение принимается единственным участником хозяйственного общества, то актом коллективной воли оно не может являться в силу своей сущности, а выражает волю данного конкретного единственного участника.

Также различаются и правовые последствия автономных актов. В отношении решений собраний в соответствии с п. 2 ст. 181.1 ГК РФ предусматривается возможность порождения правовых последствий, на которые решение собрания направлено, для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании (участников юридического лица и других участников гражданско-правового сообщества), а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений. А договор порождает правовые последствия только для его участников. При этом, как справедливо указывает В. В. Кулаков, решение единогласное, по сути, не отличается от договора: «И при заключении договора, и при принятии решения собрания имеет место процесс согласования воли, сопряженный с определенной процедурой: проведения собрания или заключения договора»³.

Наряду с корпоративными актами договор играет определяющую роль в автономной модели правового регулирования предпринимательской деятельности. Подчеркивая регулятивную функцию договора, Т. Я. Хабриева указывает на его особое значение в правовом регулировании предпринимательской деятельности, поскольку «в условиях рынка все больше расширяется поле самостоятельности субъектов права, особенно в экономической сфере»⁴.

В свою очередь, именно предпринимательский договор может рассматриваться в качестве самостоятельного элемента механизма правового регулирования предпринимательской деятельности, так как характеризуется особым правовым режимом, включающим определенные условия и правовые средства, способствующие достижению цели такой деятельности.

Именно предпринимательский договор позволяет согласовать воли субъектов предпринимательской деятельности. Договор, в первую очередь, опосредует предпринимательские отношения и обеспечивает начала частноправового регулирования предпринимательской деятельности. Поэтому он выступает сегодня основным

¹ Юридические лица в российском гражданском праве. Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц: моногр.: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. А. В. Габов. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2015 // СПС «ГарантПрофверсия».

² Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем. М.: Проспект, 2019. 384 с.

³ Кулаков В. В. Оформление договора как особый вид юридической процедуры: особенности правового и индивидуального регулирования // Рос. правосудие. 2022. Специальный выпуск: К X Всероссийскому съезду судей. С. 94.

⁴ См.: Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журн. рос. права. 2010. № 12. С. 6.

программирующим, «движущим» правовым средством регулирования предпринимательской деятельности.

Заметим, что среди автономных актов договор в процессе регулирования предпринимательской деятельности занимает основное место, поскольку в предпринимательском договоре ярко воплощаются и регулирующая (через свободу договора), и охранительная (через ограничения свободы, государственный контроль) функции¹. Поэтому договор наряду с выражением частной, индивидуальной воли может выражать и общую волю, поскольку часто посредством договора реализуются публичные интересы. Особенно ярко это воплощается в рамках договоров в сфере государственно-частного партнерства, таких как соглашение о государственно-частном партнерстве, концессионное соглашение.

При этом договор как автономный акт противопоставляется властному воздействию на общественные отношения с помощью норм права и заключается в программировании поведения определенных субъектов

предпринимательской деятельности в конкретной ситуации. Как регулятор предпринимательских отношений договор не только позволяет урегулировать уже сложившиеся общественные отношения, но также выполняет функции инициатора, поскольку фактически «запускает» механизм договорного регулирования. Только после того, как стороны договора заключают договор, в процесс правового регулирования вступают и другие элементы механизма: нормативные правовые, административные, судебные акты.

Итак, модель автономного правового регулирования предпринимательской деятельности преследует в качестве основной цели защиту частноправовых интересов, тем самым посредством этой модели в полной мере реализуется принцип свободы предпринимательской деятельности. Соответственно, основными программирующими элементами в данном типе правового регулирования выступают автономные правовые акты, среди которых особое значение имеют договоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ справоч. том]. – Т. 2. Специальные вопросы правоповедения. – М.: Статут, 2010. – 471 с.
2. Белых В. С. Понятие и признаки предпринимательского договора // Предпринимательское право: современный взгляд: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. – М.: Юстицинформ, 2019. – С. 352–363.
3. Габов А. В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. – М.: Статут, 2005. – 410 с.
4. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юрид. лит., 1972. – 258 с.
5. Груздев В. В. Решения гражданско-правового сообщества как акты автономного регулирования // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: в 4 т. – Т. 1 / отв. ред. С. Д. Могилевский. – М.: Проспект, 2020. – С. 241–248.
6. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: РГУП, 2018. – 627 с.
7. Илларионова Т. И. Начала диспозитивности и императивности в гражданско-правовом договоре // Гражданско-правовой договор и его функции: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1980. – С. 45–52.
8. Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. Решение собрания: юридический факт гражданского права? (Комментарий изменений, внесенных в ст. 8 и 12 ГК РФ) // Законодательство. – 2013. – № 6. – С. 20–29.
9. Корпоративное право: учеб. / отв. ред. И. С. Шиткина. – М.: Статут, 2018. – 735 с.
10. Кулаков В. В. Оформление договора как особый вид юридической процедуры: особенности правового и индивидуального регулирования // Рос. правосудие. – 2022. – Специальный выпуск: К X Всероссийскому съезду судей. – С. 89–106.
11. Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем. – М.: Проспект, 2019. – 384 с.
12. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 312 с.
13. Новак Д. В. Решение собрания как вид сделки // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: Сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского / отв. ред. Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2021.

¹ См.: Белых В. С. Понятие и признаки предпринимательского договора // Предпринимательское право: современный взгляд: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019. С. 352–353.

14. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – 353 с.
15. Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. – 224 с.
16. Филиппова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2021. – 559 с.
17. Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журн. рос. права. – 2010. – № 12. – С. 5–26.
18. Юридические лица в российском гражданском праве. Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц: моногр.: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. А. В. Габов. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2015. – 280 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рубцова Наталья Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления (Россия, Новосибирск). E-mail: rubtsova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1621-8499.

AUTHOR'S DETAILS

Natalya V. Rubtsova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Civil and Business Law Department, Novosibirsk State University of Economics and Management (Russia, Novosibirsk). E-mail: rubtsova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1621-8499.

УДК 347.19

Субъекты строительной деятельности

О. А. Григорьева¹

Аннотация. В статье подчеркивается значимость строительства как отрасли российской экономики. Подчеркивается, насколько важно понимать роль и значение задействованных при возведении объектов лиц. Автор называет участников, которые могут быть субъектами строительной деятельности. Анализируется их правовой статус, обращается внимание на то, что для некоторых участников, например специализированных застройщиков, закон предполагает специальный статус. Некоторые субъекты, в частности службы заказчиков, известны отечественному правопорядку с советских времен. На современном этапе в сфере строительства предусмотрено саморегулирование, поэтому значение саморегулируемых организаций (СРО) велико. Стороной отношений может быть и объединение лиц. В качестве одной из проблем называется отсутствие легального определения применимых понятий. Законодательные пробелы не способствуют развитию строительной отрасли. Вопросом, который требует внимания законодателя, является разрозненность сведений об участниках строительной деятельности. Сегодня такую информацию нужно получать через разные цифровые ресурсы. Подобная ситуация существенно затрудняет деятельность заинтересованных лиц. Особое внимание в статье уделено необходимости обеспечения информационной открытости и доступности сведений о субъектах строительной деятельности путем ведения соответствующих единых реестров на цифровых платформах в Интернете.

Ключевые слова: субъекты строительной деятельности, девелоперы, инвесторы, застройщики, заказчики, подрядчики, пользователи объектов

Subjects of Construction Activity

Olga A. Grigorieva²

Abstract. The article emphasizes the importance of construction as a branch of the Russian economy. It stresses the importance of understanding the role and significance of the persons involved in the construction of objects. The author names the participants who can be subjects of construction activity. The author analyzes their legal status, drawing attention to the fact that for some participants, e. g. specialized developers, the law provides a special status. Some subjects, e. g. customer services, have been known to the domestic legal order since the Soviet times. At the present stage of the construction industry there is self-regulation, so the importance of self-regulatory organizations (SRO) is great. An association of persons can also be a party to the relationship. One of the problems is the lack of legal definition of applicable concepts. Legislative gaps do not contribute to the development of the construction industry. The issue that requires the attention of the legislator is the disparate information about the participants of construction activity. Today such information must be obtained through different digital resources. This situation significantly complicates the activities of interested parties. Special attention in the article is paid to the need to ensure information openness and accessibility of information about the subjects of construction activities by maintaining appropriate unified registers on digital platforms on the Internet.

Keywords: subjects of construction activity; developers; investors; builders; customers; contractors; users of objects

Строительная отрасль является флагманской отраслью российской экономики. Доля отрасли строительства в ВВП страны в разные периоды составляла от 4 до 8 %. Объем строительных работ в России в 2023 г. составил 15,1 трлн руб., что на 7,9 % больше, чем годом

ранее. Об этом свидетельствуют данные Росстата, опубликованные в феврале 2024 г.³

По данным Единого ресурса застройщиков РФ⁴, в общей сложности топ-10 крупнейших девелоперов на 1 января 2024 г. возводит 21,46 млн кв. м жилья (19,09 %

¹ Для цитирования: Григорьева О. А. Субъекты строительной деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 61–66.

² For reference: Grigorieva O. A. Subjects of Construction Activity // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 61–66.

³ URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Строительство_в_России.

⁴ URL: <https://erzrf.ru/?region=moskva®ionKey=143443001&costType=1>.

от объема текущего строительства всех застройщиков России). Месяцем ранее эти же компании имели в текущем строительстве 21,80 млн кв. м жилья (19,04 %). На тройку лидеров приходится 12,13 млн кв. м, или 10,79 % строящегося жилья в стране.

Строительная деятельность (строительство) – деятельность по возведению, реконструкции, ремонту, реставрации, благоустройству объекта, сносу, консервации не завершенного строительством объекта, включающая выполнение организационно-технических мероприятий, в том числе оказание инженерных услуг в строительстве, подготовку разрешительной и проектной документации, выполнение строительно-монтажных, пусконаладочных работ.

Участники строительной деятельности, покупатели недвижимости, пользователи результата работ сталкиваются с понятиями, которые в обыденных ситуациях часто смешиваются, но имеют разное теоретическое и практическое значения, такими как девелоперы, инвесторы, застройщики, заказчики, технические заказчики, генеральные подрядчики, субподрядчики, пользователи объектов и др. Разобраться в содержании этих понятий не так-то просто. Каждый из субъектов строительной деятельности имеет свои права и обязанности.

Начнем с того, что современные бизнес-процессы в строительстве, как правило, не обходятся без девелоперов. В настоящее время отсутствует легальное определение понятия «девелопер». Упоминание девелопера как синонима спонсора содержится в Положении Банка России от 6 августа 2015 г. № 483-П¹.

В современном понимании *девелопер* – тот, кто занимается созданием и реконструкцией объектов недвижимости, а также развитием земельных активов. Его основная цель – увеличить прибыль от реализации проекта.

Девелопер отвечает за полный цикл работ, связанных с созданием объекта строительства и дальнейшей реализацией недвижимости кроме непосредственно строительных работ. Девелопер выбирает земельный участок для возведения проекта, выкупает его, с нуля разрабатывает концепцию будущего объекта: технико-экономические показатели, принципиальные дизайнерские решения, архитектурный стиль, квартирографию, инженерные решения, оформление входных групп и благоустройство территории. Девелопер также

занимается подготовкой документов вплоть до получения разрешения на строительство.

Затем он либо организует строительные работы, либо привлекает застройщика, заказчика на свой проект. Для реализации объектов девелопер также обращается к брокерам, к агентствам недвижимости или создает свой отдел продаж².

Согласно п. 3 ст. 2 Закона РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 *инвесторы* – субъекты инвестиционной деятельности, осуществляющие вложение собственных, заемных или привлеченных средств в форме инвестиций и обеспечивающие их целевое использование³.

Инвестор ведет свою деятельность посредством собственных или привлеченных средств, вкладывает их в строительство объектов недвижимости. Инвестор делает это с учетом предоставленных ему юридических прав на результаты финансирования.

Инвестором могут быть любые субъекты: физические лица, юридические лица, объединения лиц, государственные органы, органы местного самоуправления.

Инвестиционная деятельность – это вложение инвестиций, или инвестирование, и совокупность практических действий по реализации инвестиций. Положения о деятельности инвесторов содержатся в ФЗ от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» и ФЗ от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ».

Отметим, что в качестве инвестора часто выступает не просто юридическое лицо или предприниматель, а *объединение лиц*, имеющих одну предпринимательскую цель и заключивших для этого договор. Например, договор простого товарищества (договор о совместной деятельности), который урегулирован главой 55 ГК РФ. Отсутствие в гражданском законодательстве инвестиционного договора как отдельного вида договора, предусмотренного ГК РФ, представляет собой существенный законодательный пробел и требует решения.

Строительная деятельность невозможна без участия застройщика. Наиболее широкое понятие застройщика дается в Градостроительном кодексе, а наиболее узкое, с указанием специфических черт и требований, – в ФЗ об участии в долевом строительстве⁴.

По п. 16 ст. 1 ГК РФ *застройщик* – это физическое или юридическое лицо, обеспечивающее на

¹ Положение Банка России от 6 августа 2015 г. № 483-П (ред. от 7 июня 2023 г.), зарегистрировано в Минюсте России 25 сентября 2015 г. № 38996 (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2024 г.).

² URL: <https://realty.rbc.ru/news/617ec8319a79471df39d581c?from=copy>.

³ Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 (ред. от 26 июля 2017 г.) «Об инвестиционной деятельности в РСФСР».

⁴ Гурьянова Н. В. Особенности правового положения застройщиков // СПС «КонсультантПлюс».

принадлежащем ему земельном участке или на земельном участке иного правообладателя строительство, реконструкцию, капитальный ремонт, снос объектов капитального строительства, а также выполнение инженерных изысканий, подготовку проектной документации для их строительства, реконструкции, капитального ремонта.

Согласно ч. 1 ст. 3 ФЗ от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в РФ» заказчик (застройщик) – гражданин или юридическое лицо, имеющие намерение осуществить строительство, реконструкцию архитектурного объекта, для строительства которого требуется разрешение на строительство, – обязан иметь архитектурный проект, выполненный в соответствии с архитектурно-планировочным заданием.

Для целей применения Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» вводится понятие *специализированный застройщик*.

Специализированным застройщиком может быть только хозяйственное общество, «которое или основное общество которого... имеет опыт (не менее трех лет) участия в строительстве (создании) многоквартирных домов общей площадью не менее пяти тысяч квадратных метров в совокупности, при наличии... разрешений на ввод в эксплуатацию таких многоквартирных домов в качестве застройщика, и (или) технического заказчика, и (или) генерального подрядчика в соответствии с договором строительного подряда;

которое имеет в собственности или на праве аренды, на праве субаренды либо... на праве безвозмездного пользования земельный участок и привлекает денежные средства участников долевого строительства в соответствии с настоящим ФЗ для строительства (создания) на этом земельном участке многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, за исключением объектов производственного назначения, на основании полученного разрешения на строительство; наименование которого содержит слова „специализированный застройщик“».

Под застройщиком также понимается некоммерческая организация, созданная в соответствии с Законом РФ от 15 апреля 1993 г. № 4802-1 «О статусе столицы РФ», или Фонд, а также указанный в п. 3 ч. 4 ст. 1 настоящего ФЗ Фонд субъекта РФ, юридическое лицо, созданное РФ или субъектом РФ и обеспечивающее

в соответствии с ГрК РФ реализацию решения о комплексном развитии территории.

Для уяснения роли застройщика как участника строительного процесса нужно знать, что застройщик – это юридическое или физическое лицо, которому принадлежат вещные или обязательственные права на земельный участок, предназначенный для застройки.

Для целей применения Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» вводится понятие специализированный застройщик

Довольно часто в деловом обороте встречается упоминание такой фигуры, как *заказчик-застройщик*. Нормативного определения данного понятия в настоящее время нет. Положением о заказчике-застройщике (единице заказчика, дирекции строящегося предприятия) и техническом надзоре, утвержденном постановлением Госстроя СССР от 2 февраля 1988 г. № 16¹, предусматривалось, что заказчиком-застройщиком являются единые заказчики в городах, на территории областей по строительству жилых домов, объектов социально-культурной сферы и коммунального хозяйства в лице управлений (отделов) капитального строительства Совмина автономных республик, исполкомов Советов народных депутатов, предприятий или организаций. Заказчик-застройщик распоряжается денежными средствами, выделяемыми на финансирование капитальных вложений, и всеми материальными ценностями, учитываемыми на балансе капитального строительства.

К задачам заказчика-застройщика Положением были отнесены: обеспечение совместно с другими участниками инвестиционного процесса выполнения заданий по вводу в действие производственных мощностей и объектов в установленные сроки в соответствии с нормами продолжительности проектирования и строительства; обеспечение эффективности проектных решений, а также соблюдение современных требований

¹ Документ утратил силу в связи с изданием постановления Правительства РФ от 13 июня 2020 г. № 857 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.06.2020).

к качественному уровню архитектуры и градостроительства; повышение эффективности капитальных вложений, а также сокращение продолжительности инвестиционного цикла.

Следующим субъектом является *заказчик* строительства. Это лицо, которое организует, управляет строительством объекта. Понятие заказчика строительства можно рассмотреть в двух контекстах. Первый отражен в нормах гражданского законодательства, второй – в Законе об инвестиционной деятельности.

По п. 1 ст. 702 ГК РФ заказчик – это лицо, которое выдает подрядчику задание на определенную работу, обязано принять и оплатить ее результат. В случае привлечения для реализации проекта субподрядчиков генеральный подрядчик сам по отношению к ним выступает в роли заказчика (ст. 706 ГК РФ).

Согласно п. 3 ст. 4 Закона № 39-ФЗ заказчики – уполномоченные на то инвесторами физические и юридические лица, которые осуществляют реализацию инвестиционных проектов. При этом они не вмешиваются в предпринимательскую и (или) иную деятельность других субъектов инвестиционной деятельности, если иное не предусмотрено договором между ними. Заказчиками могут быть инвесторы.

Заказчик, не являющийся инвестором, наделяется правами владения, пользования и распоряжения капитальными вложениями на период и в пределах полномочий, которые установлены договором и (или) государственным контрактом в соответствии с законодательством РФ.

По вопросу о правовой природе договора на выполнение функций заказчика-застройщика в судебной практике существует две позиции: договор на выполнение функций заказчика (заказчика-застройщика) может признаваться договором возмездного оказания услуг¹ либо смешанным, содержащим в себе элементы агентского договора и договора возмездного оказания услуг². Во избежание спорных ситуаций необходимо стараться не допускать совмещения функций заказчика, застройщика и генподрядчика в одном лице³.

Пунктом 22 ст. 1 ГрК РФ вводится понятие *технический заказчик*, под которым понимается юридическое лицо, которое уполномочено застройщиком на организацию всего строительного процесса.

Закон перечисляет возможные функции технического заказчика: заключает договоры о выполнении инженерных изысканий, о подготовке проектной документации, о строительстве, реконструкции, капитальном ремонте, сносе объектов капитального строительства, подготавливает задания на выполнение работ, предоставляет необходимые документы для выполнения указанных видов работ, утверждает проектную документацию, подписывает документы, необходимые для получения разрешения на ввод объекта капитального строительства в эксплуатацию, осуществляет иные функции, предусмотренные законодательством о градостроительной деятельности. Функции технического заказчика могут выполняться только членом соответственно саморегулируемой организации (СРО) в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства.

Отметим, что, по мнению надзорных органов, лицо, выполняющее функции технического заказчика, не может совмещать их с функциями подрядчика. Если договор на выполнение функций технического заказчика и договор строительного подряда будут заключены застройщиком с одним и тем же лицом, то в дальнейшем не могут быть исполнены существенные условия и обязанности сторон, предусмотренные главой 37 ГК РФ.

Лицо, осуществляющее строительный контроль от имени заказчика, и подрядчик также не могут быть одним и тем же лицом⁴.

Непосредственно строительство объекта, т. е. его возведение осуществляют *подрядчики*. Градостроительное законодательство понятия «подрядчик» не содержит. Из ст. 702 ГК РФ понятно, что подрядчик – это лицо, которое обязуется выполнить по заданию заказчика определенную работу и сдать ее результат заказчику. Перечень видов и объемы работ определяются договором подряда. В качестве подрядчика могут выступать как физические, так и юридические лица. В случае множества подрядчиков на объекте актуальным становится привлечение *генерального подрядчика*. Справедливо, что заказчик как главный инициатор строительства заинтересован в переложении всех

¹ Постановление ФАС УО от 24 сентября 2009 г. № Ф09-7180/09-С5 по делу № А50-2911/2009; постановление ФАС УО от 16 сентября 2010 г. № Ф09-6739/10-С5 по делу № А60-43994/2009-С12; постановление АС УО от 8 октября 2015 г. № Ф09-5563/15 по делу № А07-2363/2015; постановление ФАС МО от 4 февраля 2010 г. № КГ-А41/15527-09-П по делу № А41-26402/08.

² Постановление ФАС УО от 13 октября 2011 г. № Ф09-5523/11 по делу № А60-71/11; постановление АС Волго-Вятского округа от 21 июля 2015 г. № Ф01-2616/2015 по делу № А43-18252/2014.

³ Митюкова Э. С. Строительство: бухгалтерский и налоговый учет. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2021. 272 с.

⁴ Письмо Минстроя России от 17 декабря 2018 г. № 50234-ТБ/02 «О функциях технического заказчика».

рисков, связанных с необходимостью взаимодействия с разными субподрядчиками и иными субъектами строительства, на генерального подрядчика¹.

Для выполнения некоторых работ подрядчик должен иметь *специальный статус*. До 1 июля 2007 г. строительство зданий и сооружений требовало специального разрешения (лицензии).

В настоящее время, например, работы по пожарной безопасности зданий и сооружений, экспертизе промышленной безопасности, сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ по-прежнему требуют наличия у подрядчика лицензии (ч. 1 ст. 12 Закона о лицензировании)².

С 2010 г. в сфере строительства введена система саморегулирования.

Подрядчику требуется членство в СРО в случаях:

- строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства на основании договора с застройщиком, техническим заказчиком, лицом, ответственным за эксплуатацию здания, сооружения, региональным оператором (ч. 2 ст. 52 ГрК РФ);

- если стоимость работ по договору составляет более 10 000 000 руб. (ч. 2.1 ст. 52 ГрК РФ);

- выполнения работ, предусмотренных приказом Минрегиона РФ от 30 декабря 2009 г. № 624³.

Деятельность СРО регламентирована ФЗ от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» и главой 6.1 ГрК РФ. СРО является членом соответствующего Национального объединения СРО со дня внесения сведений о такой организации в государственный реестр СРО.

В настоящее время осуществляют деятельность национальные объединения СРО: Национальное

объединение изыскателей и проектировщиков (НОПРИЗ) и Национальное объединение строителей (НОСТРОЙ).

Помимо членства подрядчика в СРО закон устанавливает требование о том, что работники подрядной организации должны быть включены в Нацреестр специалистов (ч. 7 ст. 55.5-1 ГрК РФ⁴).

При выполнении работ на особо опасных объектах к специалистам предъявляют дополнительные требования (ч. 8 ст. 55.5 ГрК РФ⁵).

Информация о статусе подрядной организации, ее членстве в соответствующей СРО, квалификации работников подрядной организации, возможность свободного получения таких сведений имеют большое значение и необходимы для нормального делового оборота.

Одна из проблем регулирования деятельности субъектов строительства заключается в том, что в сфере реестровой деятельности СРО и ее членов предоставление информации является децентрализованным и не отвечает формирующемуся «цифровому законодательству»⁶. Реестры СРО, членов СРО и специалистов ведутся разрозненно.

Согласимся с мнением Ю. Г. Лесковой, что необходимо упростить поиск информации о субъектах строительной деятельности и разместить все необходимые реестры в сфере саморегулирования в строительной отрасли на единой электронной платформе – площадке Ностроя⁷.

Поддерживаем призыв легализовать до конца сложившуюся сегодня практику ведения всех трех информационных реестров на единой платформе Ностроя, что позволило бы в системном ключе знакомиться с информацией о членстве СРО и специалистах-членах СРО, а также самих СРО⁸. Постановлением Правительства

¹ Проблемы строительного права: сб. ст. / И. Р. Абдуллин, Л. Октай-кызы Аласкарова, Г. А. Александров и др.; сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. М.: Статут, 2022. Вып. 1. 330 с.

² ФЗ от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности».

³ Приказ Минрегиона РФ от 30 декабря 2009 г. № 624 (ред. от 14 ноября 2011 г.) «Об утверждении Перечня видов работ... которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства», зарегистрировано в Минюсте РФ 15 апреля 2010 г. № 16902.

⁴ Приказ Минстроя России от 6 ноября 2020 г. № 672/пр «Об утверждении перечня направлений подготовки, специальностей в области строительства, получение высшего образования по которым необходимо для специалистов...», зарегистрировано в Минюсте России 1 декабря 2020 г. № 61178; приказ Минстроя России от 15 апреля 2022 г. № 286/пр «Об утверждении перечня документов, подтверждающих соответствие физического лица минимальным требованиям, установленным ч. 10 ст. 55.5-1 ГрК РФ...», зарегистрировано в Минюсте России 23 мая 2022 г. № 68557.

⁵ Постановление Правительства РФ от 11 мая 2017 г. № 559 «Об утверждении минимальных требований к членам саморегулируемой организации...».

⁶ Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства в строительной сфере: моногр. / отв. ред. Ю. Г. Лескова. М.: Проспект, 2021. С. 176 (автор главы 4 – О. В. Сушкова).

⁷ Лескова Ю. Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования // Гражданское право. 2018. № 5. С. 9–11.

⁸ LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: моногр. / Р. Н. Адельшин, Е. И. Андреева, Л. В. Андреева и др.; отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. М.: Проспект, 2023. 200 с.

РФ от 25 мая 2022 г. № 945¹ предусмотрено, что единый реестр членов СРО в сфере строительства ведется Ностроем и самой СРО (в части сведений о ее членах) на электронной платформе Ностроя².

Пользователи объектов – это лица, для которых создаются объекты. Ими могут быть граждане, организации, публичные субъекты.

Перечень субъектов строительной деятельности в каждом конкретном случае определяется в зависимости от параметров и масштаба реализуемого строительного

проекта. Все субъекты взаимодействуют между собой. Допускается совмещение функций двух и более субъектов в одном лице. Например, застройщик может быть и заказчиком. А при наличии достаточного финансового ресурса он выступает и в роли инвестора.

С одной стороны, субъекты строительного процесса преследуют сугубо свои коммерческие цели – извлечение максимальной прибыли на соответствующем бизнес-этапе, с другой стороны, их общая цель – воплотить в жизнь проект, возвести задуманный объект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: моногр. / Р. Н. Адельшин, Е. И. Андреева, Л. В. Андреева и др.; отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. – М.: Проспект, 2023. – 200 с.
2. Гурьянова Н. В. Особенности правового положения застройщиков // СПС «КонсультантПлюс».
3. Лескова Ю. Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования // Гражданское право. – 2018. – № 5. – С. 9–11.
4. Митюкова Э. С. Строительство: бухгалтерский и налоговый учет. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: АйСи Групп, 2021. – 272 с.
5. Проблемы строительного права: сб. ст. / И. Р. Абдуллин, Л. Октай-кызы Аласкарова, Г. А. Александров и др.; сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. – М.: Статут, 2022. – Вып. 1. – 330 с.
6. Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства в строительной сфере: моногр. / отв. ред. Ю. Г. Лескова. – М.: Проспект, 2021. – 207 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьева Ольга Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: olgagr@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-7140-2291.

AUTHOR'S DETAILS

Olga A. Grigorieva

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Business Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: olgagr@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-7140-2291.

¹ Постановление Правительства РФ от 25 мая 2022 г. № 945 «Об утверждении состава сведений, содержащихся в едином реестре о членах саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции...».

² URL: <http://reestr.nostroy.ru>.

УДК 346.1

Соотношение общих и специальных оснований оспаривания сделок должника в правоотношениях, связанных с несостоятельностью (банкротством)

М. Н. Семякин¹

Аннотация. В статье проанализированы высказанные в юридической литературе позиции по поводу оснований – общие, специальные – для признания сделок должника недействительными в сфере несостоятельности (банкротства). Автором дана их оценка и высказано соображение о том, что по общему правилу в указанной сфере должны применяться специальные основания, за исключением случаев, когда те или иные составные элементы сделки выходят за пределы специальных оснований. Рассмотрена нормативная основа регулирования отношений, касающихся оспаривания сделок должника при его несостоятельности (банкротстве), а также связанные с этим положения, сформулированные арбитражной практикой. Высказаны соображения относительно возможности применения при оспаривании действий, не являющихся сделками, должника по исполнению обязательств положений о недействительности сделок. Произведена оценка мнений авторов, касающихся того, что в случае неисправности должника его воля может быть полностью игнорирована при применении оснований недействительности для квалификации действий по исполнению сделки. В связи с этим выражено мнение о том, что здесь необходим дифференцированный подход: в отношении сделок, соответствующих требованиям законодательства в сфере несостоятельности (банкротства), и когда действия должника по исполнению обязательства носят недобросовестный характер, нарушают права и законные интересы кредиторов, третьих лиц в деле о несостоятельности (банкротстве). В порядке заключения сделаны выводы, касающиеся соотношения общих и специальных оснований недействительности сделок в процедуре банкротства должника, а также оценки воли неисправного должника, выраженной в акте (действии) по исполнению обязательства.

Ключевые слова: сделки, основания, оспаривание, должник, специальные нормы, общие нормы, соотношение, действия по исполнению, недействительность, ничтожные сделки, оспоримые сделки, воля, недобросовестность, злоупотребление правом, несостоятельность (банкротство), законодательство

Correlation of General and Special Grounds for Challenging Debtor's Transactions in Legal Relationships Related to Insolvency (Bankruptcy)

Mikhail. N. Semyakin²

Abstract. The article analyzes the positions expressed in the legal literature concerning the general and special grounds for invalidation of debtor's transactions in the field of insolvency (bankruptcy). The author evaluates them and argues that, as a general rule, special grounds should be applied in this sphere, except for cases when certain constituent elements of the transaction are beyond the special grounds. The article considers the normative basis of regulation of relations concerning contestation of debtor's transactions in case of his/her insolvency (bankruptcy), as well as related provisions formulated by the arbitration practice, and makes considerations concerning the possibility of applying the provisions on invalidity of transactions when contesting actions, which are not transactions, of the debtor on fulfillment of obligations. The author examines other authors' opinions concerning the fact that in case of debtor's non-legality, his/her will can be completely ignored when applying the grounds of invalidity for qualification of actions on implementation of the transaction. In this connection, the article expresses the author's opinion that a differentiated approach is required here – with respect to transactions that comply with the requirements of the legislation in the field of insolvency (bankruptcy), and when the debtor's actions to fulfill the obligation are of bad faith nature, and violate the rights and legitimate interests of creditors and third parties in the insolvency (bankruptcy) case. In conclusion the author considers the correlation between general and special grounds of invalidity of transactions in the debtor's bankruptcy procedure, as well as the assessment of the will of the defective debtor expressed in the act (action) on fulfillment of the obligation.

¹ Для цитирования: Семякин М. Н. Соотношение общих и специальных оснований оспаривания сделок должника в правоотношениях, связанных с несостоятельностью (банкротством) // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 67–72.

² For referense: Semyakin M. N. Correlation of General and Special Grounds for Challenging Debtor's Transactions in Legal Relationships Related to Insolvency (Bankruptcy) // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 67–72.

Keywords: transactions; grounds; contestation; debtor; special norms; general; correlation; actions on fulfillment; invalidity; void; voidable; contestable; will; bad faith; abuse of right; insolvency (bankruptcy); legislation

В юридической литературе вопросы, касающиеся обсуждения соотношения «общих» и «специальных» оснований для оспаривания сделок, в том числе в сфере несостоятельности (банкротства), носят достаточно актуальный характер¹, и авторами высказываются различные соображения.

Так, А. Г. Карапетов достаточно скептически относится к применению общих норм, регламентирующих основания недействительности сделок, когда идет речь об оспаривании сделок должника в процедуре банкротства, исходя из общего принципа о преимущественном значении специальных норм над общими². По мысли названного автора, применение ст. 10, 168 ГК РФ должно носить вспомогательный, резервный характер – как исключительная мера для пресечения проявления крайней недобросовестности ответчика и при недостаточности специальных или императивных норм³.

Несколько иную позицию по этому вопросу занимает К. Э. Гагуа, полагая, что отказ от применения общих оснований недействительности сделок (ст. 10, 168 ГК РФ) при оспаривании подозрительных сделок является излишним, в частности, при блокировании доступа в реестр требований кредиторов очевидно недобросовестным кредиторам⁴.

Нормативную основу регулирования отношений, связанных с оспариванием сделок должника при его несостоятельности (банкротстве), составляют положения главы III.1 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵.

Большое значение для интерпретации положений главы III.1 Федерального закона № 127-ФЗ и практики его применения имеет постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (ред. от 30 июля 2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“»⁶.

Анализ норм, содержащихся в главе III.1 Федерального закона № 127-ФЗ, а также положений указанного постановления Пленума ВАС РФ № 63 свидетельствует о том, что в них предусмотрен достаточно широкий круг действий, которые могут быть оспорены в правоотношениях, связанных с несостоятельностью (банкротством) должника: платежи по денежным гражданско-правовым обязательствам; действия, направленные на прекращение обязательств (новация, зачет взаимных требований и др.); банковские операции; уплата налогов и т. д.

Примечательно, что в соответствии с установлениями главы III.1 Федерального закона № 127-ФЗ и положениями постановления Пленума ВАС РФ № 63 по основаниям для оспаривания сделок при несостоятельности (банкротстве) должника может быть также оспорен ряд действий, которые, строго говоря, сделками (ст. 153 ГК РФ) не являются: уплата налогов, действия судебных приставов-исполнителей, определение суда по утверждению мирового соглашения и др.

В связи с этим представляется целесообразным в актах правоприменительной практики обращать внимание на то, что оспаривание в суде таких действий, в сущности, не являющихся сделками, по основаниям недействительности сделок может осуществляться, в частности, для целей Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

В гражданском законодательстве основания недействительности сделок подразделяются на две категории: «общие», установленные в ст. 10 «Пределы осуществления гражданских прав» и 168 «Недействительность сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта» Гражданского кодекса РФ, и «специальные», в соответствии с которыми выделяются конкретные виды оспоримых и ничтожных сделок.

¹ См., например: Бирклей В. Е. Граница между специальными и общими основаниями оспаривания сделок в банкротстве: вопросы теории // Вопросы рос. юстиции. 2022. № 17. С. 223–234; Коростелёва Ю. А., Марухно А. М. Некоторые проблемы оспаривания сделок должника в процедуре банкротства // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: юрид. сетевой электрон. научн. журн. 2022. № 1. С. 48–56.

² См.: Карапетов А. Г. Применение ст. 10 и ст. 168 ГК РФ как основание недействительности сделки: резервный вариант защиты от злоупотребления правом или фактор дестабилизации оборота // URL: <https://zakon.ru>.

³ Там же.

⁴ Гагуа К. Э. Конкуренция общегражданских и специальных оснований признания сделок недействительными // Матрица научного познания. 2020. № 11. С. 127.

⁵ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁶ Вестн. ВАС РФ. 2011. № 3.

Однако для целей несостоятельности (банкротства) в Федеральном законе № 127-ФЗ в качестве «специальных» обозначены такие основания, как:

- а) оспаривание сделок должника как неравноценных (ст. 61.2);
- б) оспаривание сделок должника, направленных на причинение вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.2);
- в) оспаривание сделок должника, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов (ст. 61.3).

Однако в положении абз. 4 п. 4 постановления Пленума ВАС РФ № 63 содержится указание, что наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных ст. 61.2 и 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (ст. 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке.

Судебная практика по этому поводу занимает разные позиции, в том числе противоположные. Иногда суды при квалификации сделки должника в процедуре банкротства основываются на применении положений ст. 10 Гражданского кодекса РФ.

Так, по одному из дел о банкротстве должника конкурсный управляющий должника обратился в арбитражный суд с требованием признать действия должника по перечислению денежных средств недействительными на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, а также ст. 10 и 168 Гражданского кодекса РФ, поскольку перечисление денежных средств было произведено в пользу заинтересованного лица при наличии у должника неисполненных перед кредиторами обязательств, что привело к уменьшению активов, за счет которых формируется конкурсная масса, и причинившего вред имущественным правам кредиторов.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили заявленные требования, согласившись с доводами конкурсного управляющего.

Суд кассационной инстанции, оставляя в силе вынесенные по делу судебные акты, указал, что суды обоснованно пришли к выводу о наличии оснований для признания сделок недействительными в соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса РФ. Мотивируя это положение, суд кассационной инстанции обратил внимание в том числе на то, что оспариваемые сделки подпадают под период «подозрительности», предусмотренный п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве; суды установили выход сделок за пределы дефектов «подозрительных» сделок, при том что презумпции, закрепленные в ст. 10

Гражданского кодекса РФ и ст. 61.2 Закона о банкротстве, схожи¹.

Однако чаще всего суды придерживаются позиции, что оспаривание сделок как по «специальным», так и по «общим» основаниям не допускается.

Чаще всего суды придерживаются позиции, что оспаривание сделок как по «специальным», так и по «общим» основаниям не допускается

В связи с данным делом представляется необходимым обратить внимание, в частности, на следующее.

Во-первых, арбитражный управляющий должника обратился в суд с требованием признать недействительными действия должника по перечислению денежных средств на основании положений ст. 61.2 (п. 2) Закона о банкротстве, а также ст. 10 и 168 Гражданского кодекса РФ, однако судебные инстанции ограничились применением в данном случае положений лишь ст. 10 Гражданского кодекса РФ для обоснования недействительности сделок.

Во-вторых, в актах судебных инстанций не проводится должного различия между такими понятиями, как заключенные сделки и действия должника по перечислению денежных средств третьему лицу. Сами по себе действия должника по перечислению денежных средств сделками не являются, поскольку такие действия направлены исключительно на исполнение ранее заключенных сделок.

В-третьих, вряд ли можно полностью согласиться с позицией, выраженной кассационной инстанцией, что неразумное и недобросовестное поведение также приравнивается к злоупотреблению правом. Что касается «неразумного» поведения, то оно далеко не всегда является злоупотреблением правом. В частности, «неразумное» с экономической точки зрения поведение может быть результатом всего лишь добросовестного заблуждения лица.

Отмеченная выше позиция постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 63 (абз. 4 п. 4), как представляется, по меньшей мере является достаточно дискуссионной. В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее.

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 марта 2021 г. по делу № А41-36167/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

1. Из вышеприведенного положения постановления Пленума ВАС РФ № 63 следует, что при банкротстве должника возможна квалификация сделки как недействительной одновременно и по «специальным» основаниям оспаривания сделок (ст. 61.2 и 61.3 ФЗ № 127-ФЗ), и по «общим», предусмотренным в ст. 10 и 168 Гражданского кодекса РФ. Однако сугубо с практической точки зрения такую ситуацию вряд ли можно назвать корректной. Дело в том, что сделки, о которых идет речь в ст. 61.2 и 61.3 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», относятся к числу оспариваемых, в то время как сделки, совершенные с нарушением требований, установленных в ст. 10, п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса РФ, являются ничтожными. Однако сделка в одно и то же время, между одними и теми же лицами и т. д. не может быть одновременно и оспариваемой, и ничтожной. Да и юридические последствия совершения таких сделок разные.

Здесь, как представляется, при наличии «специальных» оснований для оспаривания сделок именно эти основания и должны применяться при квалификации, а при отсутствии последних либо когда сделка выходит за пределы дефектов, указанных в специальных основаниях, подлежат применению «общие» основания недействительности сделок.

При этом необходимо обратить внимание на то, что в соответствии с положениями ст. 168 Гражданского кодекса РФ недействительной является любая сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов. Роль такой общей нормы проявляется в ситуациях, когда сделка по своему содержанию в целом и общей волевой направленности противоречит закону, иному нормативному правовому акту и в то же время не имеет дефектов (пороков) отдельных образующих ее элементов: требования к правоспособности, дееспособности субъектов сделки, свободному выражению воли субъектов, содержанию, форме сделки и др.

Однако при наличии специальной нормы, устанавливающей недействительность сделки в зависимости от дефектности отдельных ее элементов, применению подлежит специальная норма¹.

2. В законодательстве, регулирующем отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством), существуют механизмы, позволяющие отдельно оспаривать действия по исполнению (чаще – по прекращению)

обязательств должника перед кредиторами (кредитором). Хотя, конечно, приравнивание актов (действий) по исполнению обязательств – далеко не все такие акты (действия) являются гражданско-правовыми сделками – к сделкам и допущение возможности их (актов) юридического аннулирования обусловлено здесь целями Закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также, видимо, и тем, что как гражданско-правовая сделка, так и сознательное действие по исполнению обязательства носят волевой характер.

Вместе с тем, как замечает К. И. Скловский, действия должника по исполнению обязательств в процедуре банкротства нельзя считать столь же жестко предопределенными ранее выраженной волей, как это присуще обязательству исправного должника². «Не трудно убедиться, – ниже отмечает названный автор, – в существовании *общего правила игнорирования воли не исправного должника*»³. Далее К. И. Скловский делает радикальный вывод: «Это позволяет говорить о том, что в случае неисправности воля должника утрачивает свое действие и более не имеет права на уважение»⁴.

Этот же по сути вывод обосновывает С. Сарбаш в рамках теории «совпадения», где исполнение лишается возвратного действия ввиду волевых пороков, если фактически исполнение закончено (завершено). Волевой характер, по мысли С. Сарбаша, не имеет первостепенного значения для юридического характера исполнения⁵.

Как полагает К. И. Скловский, последующие действия такого (неисправного. – М. С.) должника в той или иной мере освобождаются от связанности этой волей и приобретают самостоятельное значение. Поэтому возникает юридическая возможность отдельной оценки и отдельного оспаривания этих действий, не затрагивая предшествующую им сделку, просто отбрасывая ее и отвлекаясь тем самым от фундаментального принципа «обязательства должны быть исполнены»⁶.

Думается, такой вывод является излишне категоричным и недостаточно релевантным. Здесь, как представляется, необходим дифференцированный подход к правовой оценке действий должника по исполнению обязательств в процессе его банкротства.

При совершении сделки должником в процессе банкротства, если в результате этого не нарушается действующее законодательство, права и законные интересы

¹ См. об этом также: Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. 7-е изд., перераб. и доп. / под ред. Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 2011. С. 300.

² Скловский К. И. Сделка и ее действие. М.: Статут, 2012. С. 24.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Сарбаш С. Исполнение договорного обязательства. М., 2005. С. 10–11.

⁶ Скловский К. И. Указ. соч. С. 24.

кредиторов, иных участников в деле о банкротстве, то при таких обстоятельствах нельзя противопоставлять и «разрывать» волю должника, выраженную в такой сделке, и его волю, связанную с актом (действием) по ее исполнению, ибо указанные явления здесь тесным образом взаимосвязаны и, следовательно, нет оснований для вывода о том, что в данной ситуации может быть игнорирована последующая (при исполнении обязательства) воля неисправного должника.

Иначе обстоит дело в случаях, когда воля должника, выраженная в сделке при его банкротстве, может действительно «расходиться» (не совпадать) с его волей в акте (действии) по ее исполнению. Например, неисправным должником в процедуре банкротства заключена сделка по отчуждению имущества, которая сама по себе как таковая по своему содержанию и общей волевой направленности не противоречит действующему законодательству и в связи с этим не нарушаются права и законные интересы кредиторов, а также третьих лиц. Однако при исполнении такой сделки была умышленно существенно занижена стоимость предмета сделки, в результате чего последняя стала являться «неравноценной».

В такой ситуации акт (действие) по исполнению указанной сделки может быть оспорен отдельно (обособленно) от предшествующей сделки (не противоречащей по своему общему содержанию закону) по «специальному» основанию, закрепленному в положении абз. 1 п. 1 ст. 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Однако, как представляется, и здесь нельзя «абстрагироваться» и полностью игнорировать предшествующую такому «исполнению» сделку, ее общее содержание и в целом волевою направленность (как это полагает К. И. Скловский), ибо акт (действие) по исполнению любой сделки не является неким абсолютно самостоятельным элементом, который свободно «вращается» в юридическом пространстве, не взаимодействуя ни с какими иными элементами; он в той или

иной мере все равно имеет юридическую связь с предшествующей сделкой, хотя, конечно, последняя, воля, выраженная в ней, не носит здесь предопределяющего (детерминирующего) характера по отношению к акту (действию) по исполнению сделки.

С учетом этого нельзя полностью «отбрасывать» сделку, совершенную несостоятельным должником в процедуре банкротства, предшествующую акту (действию) по ее исполнению, ибо она имеет определенное юридическое значение, в частности, общее содержание такой сделки, ее волевая направленность и т. д. помогают более адекватно оценить юридический характер, уточнить волю лиц, участвующих в акте исполнения сделки, насколько они действовали добросовестно и т. д.

Таким образом, в порядке краткого резюме можно сделать следующие выводы.

Во-первых, сделка несостоятельного должника в процедуре банкротства, если ее отдельные составляющие элементы противоречат «специальным» нормативным установлениям, может быть оспорена в соответствии с положениями «специальных» оснований недействительности сделок, предусмотренных законом (ст. 61.2, 61.3 ФЗ № 127-ФЗ), в том числе по требованиям, связанным с такими сделками. И только в случае, когда отсутствуют «специальные» нормативные установления, регламентирующие недействительность тех или иных составляющих элементов сделки, либо когда сделка выходит за пределы дефектов, указанных «специальных» оснований, такая сделка может быть оспорена в соответствии с «общими» основаниями недействительности сделок (ст. 10, 168 ГК РФ).

Во-вторых, воля, выраженная в сделке в процедуре банкротства несостоятельного должника, может в известном смысле противопоставляться воле, воплощенной в акте (действии) по исполнению данной сделки, однако лишь в том случае, когда в результате такого исполнения нарушаются требования законодательства, ущемляются права и законные интересы кредиторов по обязательствам должника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирклей В. Е. Граница между специальными и общими основаниями оспаривания сделок в банкротстве: вопросы теории // Вопросы рос. юстиции. – 2022. – № 17. – С. 223–234.
2. Гагуа К. Э. Конкуренция общегражданских и специальных оснований признания сделок недействительными // Матрица научного познания. – 2020. – № 11. – С. 125–129.
3. Гражданское право: учеб.: в 3 т. – Т. 1. – 7-е изд., перераб. и доп. / под ред. Ю. К. Толстого. – М.: Проспект, 2011. – 784 с.
4. Карапетов А. Г. Применение ст. 10 и ст. 168 ГК РФ как основание недействительности сделки: резервный вариант защиты от злоупотребления правом или фактор дестабилизации оборота // URL: <https://zakon.ru>.

5. Коростелёва Ю. А., Марухно А. М. Некоторые проблемы оспаривания сделок должника в процедуре банкротства // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: юрид. сетевой электрон. науч. журн. – 2022. – № 1. – С. 48–56.
6. Сарбаш С. Исполнение договорного обязательства. – М., 2005. – 634 с.
7. Склоковский К. И. Сделка и ее действие. – М.: Статут, 2012. – 78 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семякин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник управления научных исследований Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: 9193705538@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4013-0726.

AUTHOR'S DETAILS

Mikhail N. Semyakin

Doctor of Juridical Sciences, Chief Researcher of Scientific Research Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: 9193705538@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4013-0726.

УДК 347.736.6

К вопросу о праве арбитражного управляющего истребовать сведения и документы у контрагентов должника

А. В. Кириченко¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией арбитражным управляющим полномочий по истребованию сведений о должнике у юридических и физических лиц, являющихся его контрагентами. На примерах судебной практики автором анализируются правовые подходы по обозначенной проблематике, в том числе об основаниях для удовлетворения соответствующих заявлений управляющих, процессуальных аспектах их рассмотрения, способах понуждения к исполнению судебных актов, а также о формах реализации контрагентом обозначенной обязанности.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), арбитражный управляющий, истребование документов

On the Issue of the Right of the Arbitration Manager to Demand Information and Documents from the Debtor's Counterparties

Andrey V. Kirichenko²

Abstract. The article deals with the issues relating to the exercise of powers by a bankruptcy trustee to request information about the debtor from legal entities and individuals who are his counterparties. Using examples of court practice, the author analyzes legal approaches to this problem, including the grounds for approval of the respective applications of trustees, procedural aspects of their consideration, methods of compulsion to execute judicial acts, as well as the forms of implementation by the counterparty of the corresponding obligation.

Keywords: insolvency (bankruptcy); arbitration manager; request for documents

Эффективность любой процедуры банкротства напрямую зависит от того, насколько полной информацией о хозяйственной деятельности должника располагает арбитражный управляющий. Основным источником должны служить документы бухгалтерского учета, которые подлежат передаче управляющему бывшим руководителем. Однако последние, как правило, не очень спешат передавать документы, и справочно-правовые системы содержат огромное количество судебных актов, свидетельствующих о неисполнении менеджментом организаций-должников вышеназванной обязанности.

Несложно представить, какие правовые последствия для бывшего руководителя компании повлечет за собой уклонение от передачи документов. Однако иногда,

вероятно, злоумышленникам выгоднее свести процедуру банкротства к субсидиарной ответственности контролирующего лица, нежели позволить арбитражному управляющему выявить причины банкротства, установить конкретные действия, которые к нему привели, а также всех лиц, получивших выгоду в результате таковых, попытаться сформировать реальную конкурсную массу для погашения требований кредиторов.

Пока арбитражный управляющий по крупицам собирает сведения о должнике, направляя всевозможные запросы в различные структуры, текут сроки взыскания задолженности, растёт моральный и физический износ активов должника, да и просто уменьшается вероятность их возврата вследствие возможных перепродаж,

¹ Для цитирования: Кириченко А. В. К вопросу о праве арбитражного управляющего истребовать сведения и документы у контрагентов должника // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 73–78.

² For referense: Kirichenko A. V. On the Issue of the Right of the Arbitration Manager to Demand Information and Documents from the Debtor's Counterparties // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 73–78.

увеличиваются текущие расходы в процедуре банкротства. Как говорится, картина маслом!

Зарубежные правовые порядки по-своему пытаются решать проблему получения управляющим сведений о деятельности должника. Так, Закон о банкротстве Германии (ст. 98, 101 Insolvenzordnung)¹ предусматривает, что руководитель должника, а также члены коллегиальных

Следует признать, вопрос о правовой природе статуса управляющих является довольно дискуссионным, в юридической литературе представлен широкий спектр взглядов по данной теме

органов, уклоняющиеся от предоставления информации и сотрудничества, могут быть принудительно доставлены в суд и при наличии к тому серьезных оснований даже заключены под стражу.

Аналогичные по своей сути положения содержатся и в английском праве². В Англии действует Закон о несостоятельности 1986 г. (Insolvency Act).

В современной юридической литературе также высказывается предложение о целесообразности закрепления в российском законодательстве норм об обязанности руководителя должника явиться по вызову арбитражного управляющего и дать необходимые пояснения, при уклонении от исполнения которой суд может обязать руководителя явиться в судебное заседание и подвергнуть его принудительному приводу³. Пока подобное предложение своего законодательного закрепления не нашло. Тем не менее в 2008 г. в Законе о банкротстве появилась ст. 20.3, которая наделила управляющих полномочиями запрашивать сведения о должнике, контролируемых лицах, контрагентах и т. д. у органов государственной власти, местного самоуправления, а также у физических и юридических лиц.

Следует признать, что закрепление норм о возложении на третьих лиц обязанности предоставлять сведения о должнике не является чем-то новым и уникальным

для банкротного права. Например, ст. 198 Закона о несостоятельности Соединенного Королевства Великобритании (Insolvency Act) предусмотрено, что суд в Шотландии может назначить проверку в отношении любого лица, находящегося в настоящее время в Шотландии (независимо от того, является ли оно вкладчиком компании или нет), в отношении торговли, сделок, делопроизводства или имущества любой компании, находящейся в процессе ликвидации⁴.

Однако российское банкротное законодательство до внесения изменений подобной нормы не знало, а столь широкими полномочиями обладали разве что должностные лица налоговых органов, которых ст. 93.1 НК РФ наделила правом истребования документов и информации о проверяемом налогоплательщике у его контрагентов и иных лиц.

Следует признать, вопрос о правовой природе статуса управляющих является довольно дискуссионным, в юридической литературе представлен широкий спектр взглядов по данной теме⁵. Тем не менее, как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 19 декабря 2005 г. № 12-П, процедуры банкротства носят публично-правовой характер, для проведения этих процедур арбитражный управляющий наделяется полномочиями, которые в значительной степени носят публично-правовой характер.

Несмотря на очевидную, казалось бы, пользу от новых полномочий, невольно возникает вопрос о том, почему же добросовестные юридические и физические лица, когда-то вступившие в правоотношения с должником и не совершившие в отношении него никакого правонарушения, должны претерпевать неудобства, связанные с необходимостью отвечать на запросы управляющего и предоставлять ему сведения. Не приведет ли реализация этой нормы к тому, что проблема по восстановлению документации, отражающей хозяйственную деятельность должника, в большинстве случаев будет переложена с руководителя на плечи добросовестных контрагентов?

В связи с этим нельзя обойти вниманием постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 января 2013 г. № 11524/12, в котором высшая

¹ Insolvenzordnung // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/inso> (дата обращения: 29.01.2024).

² См.: Белых В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: моногр. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. С. 150–156.

³ Шевченко И. М. К вопросу о правовой природе производства об истребовании арбитражным управляющим документов и имущества у руководителя (бывшего руководителя) организации // Закон. 2019. № 6.

⁴ Insolvency act // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/section/198> (дата обращения: 29.01.2024).

⁵ Подробнее с различными взглядами ученых-правоведов по данной теме см.: Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии: моногр. М.: Статут, 2015; Шафранов А. К вопросу о правовом статусе арбитражного управляющего // URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/3/k_voprosu_o_pravovom_status_e_arbitrazhnogo_upravlyayuschego (дата обращения: 29.01.2024).

судебная инстанция отрицательно ответила на вопрос о возможности взыскания неосновательного обогащения на основании одного лишь факта перечисления денежных средств и при отсутствии первичных документов, подтверждающих встречное исполнение.

В настоящее время обозначенный выше подход широко применим в судебной практике при рассмотрении заявлений об оспаривании платежей должника, когда арбитражный управляющий обосновывает свои требования исключительно отсутствием у него документов первичного бухгалтерского учета – договоров, товарных накладных, актов выполненных работ и др.¹

Таким образом, правоприменитель в определенной степени защитил участников хозяйственного оборота, избавив их, с одной стороны, от участия в значительном количестве бесперспективных и предсказуемых судебных процессов, а с другой – от рисков взыскания спорных сумм в результате, например, некорректной доставки почтовой корреспонденции.

Итак, при обычных обстоятельствах непредставление контрагентом должника первичных документов не влечет для него негативных последствий в виде взыскания полученной суммы как неосновательно-го обогащения.

В таком случае, должны ли неблагоприятные последствия возникнуть в случае непредставления тех же самых документов, но только не в рамках заявления об оспаривании платежа, а по запросу арбитражного управляющего? Казалось бы, оба вышеназванных требования имеют одно общее фактическое основание – отсутствие у заявителя бухгалтерских документов должника.

Важность решения этого вопроса обусловлена также тем, что ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и ч. 3 ст. 195 УК РФ в зависимости от размера ущерба предусматривают как административную, так и уголовную ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего².

Судебная практика содержит примеры как положительных, так и отказных решений по рассмотрению заявлений управляющих об истребовании сведений и документов. Так, в одном из дел суд апелляционной

инстанции истребовал у тринадцати лизинговых компаний сведения о заключенных с должником договорах и платежах по ним с приложением первичных документов, а также всю имеющуюся переписку³. В другом деле суд обязал контрагента должника передать временному управляющему всю исполнительскую документацию по указанным в постановлении договорам подряда⁴.

В ряде случаев суды оставляют заявления управляющих без удовлетворения, ссылаясь на недостаточную конкретизацию требований, непринятие мер по истребованию документов у бывшего руководителя, а также на то, что положения Закона о банкротстве не предполагают произвольное обращение конкурсного управляющего к неограниченному кругу лиц с требованиями о представлении документов об их правоотношениях с должником⁵.

Согласимся с тем, что рассматриваемые полномочия должны использоваться не произвольно, а лишь в исключительных случаях, при невозможности получения документов иным способом.

Однако допустим, что управляющий принял возможные меры, направленные на получение документов от бывшего руководителя (направил ему запрос, обратился в суд с заявлением об истребовании, затем предъявил исполнительный лист), однако желаемого результата не достиг.

Может ли в этом случае контрагент уклониться от исполнения требований управляющего, полагая, что удовлетворение судом заявления будет противоречить правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума ВАС РФ от 29 января 2013 г. № 11524/12, а также в многочисленных судебных актах, когда пассивная позиция ответчиков не препятствует вынесению отказных определений по заявлениям управляющих об оспаривании платежей?

Конечно, если такой контрагент окажется аффилированным лицом или управляющий сумеет убедить суд в том, что правовые отношения с ответчиком являются подозрительными и явно выходят за пределы обычной хозяйственной деятельности, ответ лежит на поверхности. Однако с высокой долей вероятности можно предположить, что управляющий в этом случае обратится

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 октября 2023 г. № 09АП-55592/2023; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 сентября 2022 г. № Ф07-12396/2022; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 мая 2022 г. № Ф09-6213/20; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 мая 2021 г. № Ф07-4499/2021 и др.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2019 г. № 09АП-70203/2018; постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2019 г. № 10АП-416/2019.

³ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2020 г. № 18АП-4788/2020.

⁴ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2022 г. № 18АП-3057/2022.

⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 декабря 2019 г. № Ф09-9029/19; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 декабря 2020 г. № Ф06-68144/2020; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13 августа 2018 г. № Ф09-4712/17.

не с ходатайством об истребовании документов, а потребует возврата уплаченных должником денежных средств.

А если таких условий нет, и вся «подозрительность» сводится к отсутствию в распоряжении управляющего первичных документов?

При ответе на этот вопрос следует учитывать, что перед управляющим в ходе любой процедуры поставлены задачи, значительно выходящие за рамки оспаривания сделок с конкретным контрагентом. Он должен анализировать финансовое состояние должника, выявлять признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, проводить инвентаризацию, принимать меры, направленные на поиск, выявление и возврат имущества, и многое другое.

Отказ суда истребовать сведения по причине предполагаемой добросовестности ответчика заметно ограничит возможности управляющего осуществлять иные обязанности.

Декларируя право арбитражного управляющего запрашивать и получать необходимые сведения о должнике у физических и юридических лиц, нормы закона не содержат каких-либо материальных и процессуальных правил его реализации

Полагаем, что вышеназванный подход не соответствует смыслу, вкладываемому законодателем в положения абз. 7 и 10 п. 1 ст. 20.3 Закона о банкротстве. Поэтому для достижения целей, не связанных с оспариванием сделки с конкретным контрагентом, не должно быть подобных препятствий. В то же время оговоримся, что непредставление первичных документов не должно означать гражданско-правовых последствий в виде признания сделки (например, платежа) недействительной. Обратное позволит обойти правила распределения бремени доказывания, сформулированные в постановлении Президиума ВАС РФ от 29 января 2013 г. № 11524/12, а также в правоприменительной практике, что недопустимо.

Данные выводы влекут необходимость обсудить последствия неисполнения обязанности по предоставлению арбитражному управляющему запрошенных сведений.

Декларируя право арбитражного управляющего запрашивать и получать необходимые сведения о должнике у физических и юридических лиц, нормы закона не содержат каких-либо материальных и процессуальных правил его реализации.

В связи с этим не выглядит однозначной и правовая природа соответствующих правоотношений.

С одной стороны, можно было бы рассматривать подобные обращения управляющих в качестве ходатайств об истребовании доказательств.

Так, по мнению профессора Е. А. Борисовой, в данном случае мы имеем дело с процессуальным правоотношением, которое возникло в результате обращения управляющего в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, с ходатайством об истребовании доказательств у третьих лиц (в связи с неисполнением должником обязанности представить управляющему документы). В связи с этим исполнение процессуальной обязанности должно обеспечиваться ст. 66 АПК РФ¹.

В подтверждение вышеуказанной точки зрения можно сослаться на п. 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 45².

С другой стороны, в буквальном понимании доказательствами по делу являются сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела (ч. 1 ст. 64 АПК РФ).

В нашем случае суд на основании истребуемых документов пока ничего не устанавливает, и будет ли когда-нибудь устанавливать – неизвестно. В материалы дела указанные документы также могут не приобщаться ввиду отсутствия признака их относимости.

Как указал Верховный Суд РФ в определении от 18 сентября 2015 г. № 302-ЭС14-7980, документация и ценности должника не являются доказательствами по делу. При этом допускается возможность применения мер принудительного исполнения соответствующих судебных определений об их передаче посредством выдачи исполнительных листов и последующего обращения в службу судебных приставов.

¹ Борисова Е. А. Взыскание судебной неустойки (астрента) за неисполнение определения суда об истребовании доказательств в деле о банкротстве // Вестн. эконом. правосудия Российской Федерации. 2023. № 11. С. 66.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

Справедливости ради отметим, что речь в вышеназванном определении все-таки шла об истребовании документов у бывшего руководителя должника. Однако вряд ли смена обязанного субъекта (с руководителя на иное лицо) сама по себе изменяет характер и статус таковых, превращая их в доказательства по делу.

В пользу второго подхода говорит и сама формулировка нормы закона, которая связывает необходимость предоставить сведения о должнике не в связи с вынесением судебного акта, а на основании запроса арбитражного управляющего.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии предусмотренной законом обязанности, условием для возникновения которой является получение соответствующего запроса уполномоченного лица. Только в отличие от обязанности бывшего руководителя по передаче документации должника, являющейся гражданско-правовой¹, обязанность иных физических и юридических лиц по предоставлению сведений арбитражному управляющему вытекает из элементов публично-правового статуса последнего.

Рассуждая о способах понуждения процессуальных ответчиков к исполнению судебного акта, следует отметить появление ч. 4 ст. 174 АПК РФ, устанавливающей право суда по требованию истца присудить в его пользу денежную сумму, подлежащую взысканию с ответчика на случай неисполнения судебного акта.

Комментируя вышеуказанную норму, Р. С. Бевзенко обращает внимание на то, что по существу это тот же самый астрент, только теперь его сфера не ограничивается, его можно применять в любых делах, в которых суд обязывает ответчика совершить определенное действие либо воздержаться от действия (в том числе из публично-правовых отношений)².

Тем не менее вопрос о возможности применения судебной неустойки в отношении рассматриваемой категории споров является дискуссионным, судебная практика пока находится на стадии формирования, и мы можем встретить судебные акты как о применении астрента в качестве меры к лицам, не являющимся руководителями организаций-должников³, так и об отказе в применении такового⁴.

Рассмотрев отдельные процессуальные аспекты, скажем несколько слов о содержательной части, а именно о формах и способах исполнения обязанности, предусмотренной абз. 7 и 10 п. 1 ст. 20.3 Закона о банкротстве.

Как показывает анализ судебной практики, в подавляющем большинстве случаев управляющие просят обязать контрагентов должника предоставить им не просто сведения, а копии первичных бухгалтерских документов.

Всегда ли обладатель истребуемых документов должен за свой счет изготавливать по запросу арбитражного управляющего их копии, тем более что речь может идти о весьма длительном периоде хозяйственных отношений и значительном объеме документов?

Непосредственно исследуемая норма ответ на указанный вопрос не дает. Между тем мы можем обратиться к практике применения схожих норм закона. Например, п. 3.2 ст. 64 Закона о банкротстве возлагает на руководителя должника обязанность предоставить временному управляющему перечень имущества должника, в том числе имущественных прав, а также бухгалтерские и иные документы, отражающие экономическую деятельность должника. При этом п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53⁵ прямо предусматривает альтернативные способы исполнения обязанности – предоставить арбитражному управляющему для ознакомления или передать ему.

В одном из дел при рассмотрении спора о признании незаконным бездействия судебных приставов конкурсный управляющий указывал на то, что службой ему не были представлены заверенные копии исполнительных листов и постановлений о возбуждении исполнительного производства.

Отказывая в удовлетворении требований в этой части, апелляционный суд указал, что нормы Закона об исполнительном производстве не предусматривают право взыскателя на получение от судебного пристава-исполнителя копий материалов исполнительного производства, исполнительных листов, а такой способ ознакомления с материалами исполнительного

¹ Как указал Верховный Суд РФ в определении от 11 июля 2017 г. № 307-ЭС16-21419, спорные отношения являются неотъемлемой частью процедуры передачи полномочий органа юридического лица от одного субъекта другому. Эта процедура выступает предметом гражданско-правового регулирования, в ее рамках бывший директор продолжает нести обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно.

² Бевзенко Р. С. Он улетел, не обещал вернуться. Но вернулся! // Об астренте по публично-правовым спорам. URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/26/on_uletel_ne_obeschal_vernutsya_no_vernulsya_ob_astrente_po_publichno-pravovym_sporam (дата обращения: 29.01.2024).

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 февраля 2023 г. № 09АП-85078/2022.

⁴ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 18 ноября 2020 г. № 01АП-11224/2019; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 июля 2021 г. № 09АП-40054/2021.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве».

производства, как направление копий постановлений о возбуждении исполнительных производств, законодательством об исполнительном производстве не предусмотрено¹.

С учетом изложенного при запросе управляющим значительного количества документов представляется вполне справедливым, если вместо изготовления копий на ответчика будет возложена обязанность обеспечить доступ арбитражного управляющего к истребуемым документам (конечно, при наличии соответствующей процессуальной позиции ответчика).

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что многогранность и сложность задач арбитражного управления, конфликтность и социальный характер отношений в сфере банкротства требуют наличия в законе действенных и справедливых механизмов, обеспечивающих получение управляющим необходимой для ведения процедуры информации.

Именно вышеизложенные обстоятельства во взаимосвязи с элементами публичного характера деятельности в сфере арбитражного управления определяют возможность возложения на добросовестных участников оборота, по существу, публично-правовой обязанности предоставить запрашиваемые сведения о должнике. При этом закон не ограничивает лиц, обладающих интересующими сведениями, в выборе разумного способа предоставления таковых.

Каждое дело, безусловно, по-своему уникально и характеризуется набором присущих именно ему фактических обстоятельств. Тем не менее по общему правилу неисполнение указанной обязанности должно влечь исключительно публично-правовые последствия, будь то судебный штраф или неустойка за неисполнение судебного акта, и не влияет на распределение процессуальных презумпций по искам между хозяйствующими субъектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бевзенко Р. С. Он улетел, не обещал вернуться. Но вернулся! // Об астренте по публично-правовым спорам. URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/26/on_uletel_ne_obeschal_vernutsya_no_vernulsya__ob_astrente_po_publichno-pravovym_sporam (дата обращения: 29.01.2024).
2. Белых В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: моногр. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023.
3. Борисова Е. А. Взыскание судебной неустойки (астрента) за неисполнение определения суда об истребовании доказательств в деле о банкротстве // Вестн. эконом. правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 11.
4. Шафранов А. К вопросу о правовом статусе арбитражного управляющего // URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/3/k_voprosu_o_pravovom_status_e_arbitrazhnogo_upravlyayuschego (дата обращения: 29.01.2024).
5. Шевченко И. М. К вопросу о правовой природе производства об истребовании арбитражным управляющим документов и имущества у руководителя (бывшего руководителя) организации // Закон. – 2019. – № 6.
6. Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. – М.: Статут, 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириченко Андрей Владимирович

судья Арбитражного суда Свердловской области (Россия, Екатеринбург). E-mail: kirichenkoan2017@gmail.com.

AUTHOR'S DETAILS

Andrey V. Kirichenko

Judge of the Sverdlovsk Regional Commercial Court (Russia, Yekaterinburg). E-mail: kirichenkoan2017@gmail.com.

¹ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2017 г. № 02АП-1665/2017. К аналогичным выводам Второй арбитражный апелляционный суд пришел также в постановлении от 6 июня 2017 г. № 02АП-435/2017.

УДК 347.736

Замена застройщика как передача договоров в силу закона: какие риски следует учитывать приобретателю

М. А. Славич¹

Аннотация. Такой способ удовлетворения требований участников строительства, как передача прав и обязанностей застройщика иному лицу (замена застройщика), урегулирован в Законе о банкротстве. Несмотря на, казалось бы, довольно подробное и последовательное описание процедуры его реализации, порядок оформления замены застройщика урегулирован самым общим образом. Законодатель ограничился указанием на то, что между конкурсным (внешним) управляющим и приобретателем должен быть подписан договор передачи приобретателю земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями и обязательств застройщика и передаточный акт к нему. Вопросы содержания данного договора никак не урегулированы в Законе о банкротстве. Также за пределами внимания законодателя остался вопрос об объеме обязательств должника, подлежащих передаче (наряду с обязательствами из не исполненных должником договоров с участниками строительства) новому застройщику. Вместе с тем подобный подход несет значительные, неочевидные риски для инвестора. С учетом занимаемой правовой позиции о том, что передача прав и обязанностей застройщика приобретателю является передачей в силу закона новому застройщику (приобретателю) договоров должника (передачей договора), выявляются дополнительные финансовые риски для частных инвесторов в случае принятия ими на себя прав и обязанностей застройщика-банкрота, даются рекомендации по их минимизации.

Ключевые слова: банкротство, застройщик, передача договора, замена застройщика, удовлетворение требования

Replacement of Developer as Transfer of Contracts by virtue of Law: What Risks Should be Considered by the Acquirer

Maria A. Slavich²

Abstract. Such method of satisfying claims of construction participants as transfer of rights and obligations of the developer to another person (replacement of the developer) is regulated in the Bankruptcy Law. Despite the apparently quite detailed and consistent description of the procedure for its implementation, the procedure for the replacement of the developer is regulated in the most general way. The legislator limited himself to the indication that the bankruptcy (external) manager and the acquirer shall sign an agreement on the transfer to the acquirer of the land plot with the inseparable improvements and obligations of the developer located thereon (hereinafter – the transfer agreement) and a transfer deed to it. The issues of the content of this agreement are not regulated in the Bankruptcy Law. In addition, the legislator did not pay attention to the issue of the scope of the debtor's obligations to be transferred (along with obligations from the debtor's unfulfilled contracts with construction participants) to the new developer. At the same time, such an approach carries significant, non-obvious risks for the investor. Taking into account the legal position that the transfer of rights and obligations of the developer to the acquirer is the transfer by virtue of law to a new developer (acquirer) of the debtor's contracts (transfer of the contract), there are additional financial risks for private investors in case of their assumption of rights and obligations of the developer-bankrupt. The authors give recommendations on their minimization.

Keywords: bankruptcy; developer; transfer of the contract; replacement of the developer; satisfaction of the claim

¹ Для цитирования: Славич М. А. Замена застройщика как передача договоров в силу закона: какие риски следует учитывать приобретателю // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 79–82.

² For reference: Slavich M. A. Replacement of Developer as Transfer of Contracts by virtue of Law: What Risks Should be Considered by the Acquirer // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 79–82.

Несмотря на существенные изменения, внесенные в Закон № 214ФЗ¹, по результатам которых привлечение денежных средств граждан на строительство многоквартирных домов стало возможно только с размещением таких средств на счетах эскроу, проблема «обманутых дольщиков» до настоящего времени остается частью российской действительности. Бесспорным доказательством тому является недавнее внесение Законодательным собранием Ленинградской области в Госдуму законопроекта, легализующего предоставление органами власти преференций застройщикам, достраивающим «проблемные» объекты².

Применительно к переводу долга в доктрине и судебной практике выделяют случаи привативного перевода долга (первоначальный должник выбывает из обязательства) и кумулятивного перевода долга (первоначальный и новый должники отвечают перед кредитором солидарно)

Принимая предложение о достройке объекта, инвестор в первую очередь оценивает объем затрат на окончание строительства объекта и ввод его в эксплуатацию, стоимость передаваемого имущества (прав на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями) и размер принимаемых обязательств перед участниками долевого строительства. При этом объективная оценка последних может вызвать существенные затруднения. Вместе с тем названный вопрос в рамках данной статьи нами рассматриваться не будет.

Свое внимание мы предлагаем сконцентрировать на иных, возможно, менее очевидных обязательствах банкрота, которые также переходят к новому застройщику.

В соответствии с положениями Закона для «замены застройщика» стоимость передаваемого имущества

(прав на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями) соотносится с совокупным размером требований участников строительства, включенных в реестр требований участников строительства, которые принимает на себя приобретатель.

Вместе с тем урегулирование обязательств застройщика перед участниками строительства является передачей в силу закона не только договоров должника (застройщика-банкрота) с участниками строительства, но и договоров с проектными организациями, техническим заказчиком, генеральным подрядчиком, иных договоров, заключенных в ходе конкурсного производства для целей окончания строительства объектов незавершенного строительства конкурсным управляющим, включая договоры о подключении (технологическом присоединении) и пр.

В соответствии со ст. 392.3 ГК РФ при передаче договора осуществляется одновременная передача стороной всех прав и обязанностей по договору другому лицу. К сделке по передаче соответственно применяются правила об уступке требования и о переводе долга.

Применительно к переводу долга в доктрине и судебной практике выделяют случаи привативного перевода долга (первоначальный должник выбывает из обязательства) и кумулятивного перевода долга (первоначальный и новый должники отвечают перед кредитором солидарно)³.

По общему правилу положения о том, на каком из названных условий осуществляется замена должника в обязательстве, оговариваются в заключаемом сторонами (кредитором, должником и новым должником) трехстороннем соглашении⁴. При отсутствии в таком соглашении положений, которые могли бы быть однозначно истолкованы в пользу того, на кумулятивных или привативных условиях осуществляется перевод долга, судебная практика исходит из презумпции привативного перевода долга⁵.

Наиболее остро стоит вопрос в отношении так называемых созревших обязательств, т. е. обязательств, срок исполнения которых наступил, но они не были исполнены предыдущим должником. Никаких особых оговорок о переводе обязательств по созревшим обязательствам

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Здесь и далее нормативные правовые акты и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

² Законопроект № 550589-8: Система обеспечения законодательной деятельности (URL: <https://duma.gov.ru>).

³ Пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» (далее – Постановление Пленума № 54).

⁴ Дополнительно отметим, что в нем стороны вправе согласовать и субсидиарную ответственность старого должника перед кредитором.

⁵ Пункт 27 Постановления Пленума № 54.

закон не содержит. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что по общему правилу в отношении таких обязательств перевод долга предполагается также на привативных условиях¹.

Иначе разрешается вопрос об условиях перевода долга (передачи договора) в силу закона. Следует согласиться с мнением исследователей, которые отмечают, что при передаче договора в силу закона, которая осуществляется без согласия кредитора, в отношении накопившихся ранее долгов предполагается кумулятивный формат перехода долга, если иное не согласовано с кредитором². Такой вывод, в частности, следует из п. 29 Постановления Пленума № 54.

Вместе с тем в случаях как кумулятивного, так и привативного перехода обязательств новый должник отвечает перед кредитором в полном объеме с той лишь разницей, что при кумулятивном переводе долга кредитор вправе предъявить свои требования и к новому, и к предыдущему должнику. При этом в случае банкротства предыдущего должника кредитор будет заинтересован в получении исполнения в первую очередь с нового платежеспособного должника.

Анализ немногочисленной судебной практики по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что при передаче договора в силу закона к новому должнику в полном объеме переходят все, в том числе созревшие, обязательства предыдущего должника. Случаи банкротства должника не являются исключением³.

Нормы § 7 главы IX Закона о банкротстве также не содержат особых положений об объеме обязательств перед третьими лицами, которые переходят к новому застройщику. Соответствующая оговорка предусмотрена исключительно в отношении требований участников строительства.

Так, из совокупного толкования абз. 3 п. 1 ст. 201.15-1 и п. 5 ст. 201.15-2 Закона о банкротстве следует, что к обязательствам застройщика, которые могут быть переданы приобретателю, относятся обязательства перед участниками строительства по передаче им в собственность соответствующих помещений. Обязательства по оплате неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций к приобретателю не переходят.

Объем переводимых на нового застройщика обязательств перед иными кредиторами должника (проектными и (или) сетевыми организациями, техническим заказчиком, генеральным подрядчиком и др.) никак

Законом о банкротстве не урегулирован. Значит, такие обязательства переходят к приобретателю в том объеме, в котором они существуют на дату принятия арбитражным судом определения о передаче приобретателю имущества и обязательств застройщика.

При таких обстоятельствах инвестору при определении своей финансовой нагрузки по исполнению обязательств застройщика-банкрота следует также учитывать неисполненные должником на дату замены застройщика обязательства по передаваемым ему договорам.

Вместе с тем данный риск неочевиден и, полагаем, является следствием упущения законодателя. С одной стороны, закон не содержит исключений о невозможности предъявления к новому застройщику требований по обязательствам по переданным договорам, срок исполнения которых наступил до замены застройщика. С другой стороны, их размер не учитывается в составе передаваемых новому застройщику обязательств и не уменьшает стоимость передаваемых ему прав на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями.

Из положений пп. 9 и 10 ст. 201.15-2 Закона о банкротстве следует, что помимо определения арбитражного суда о передаче приобретателю имущества и обязательств застройщика замена застройщика оформляется подписанием между конкурсным (внешним) управляющим и приобретателем договора передачи приобретателю земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями и обязательств застройщика и передаточного акта к нему.

Положения Закона о банкротстве не регулируют содержание договора передачи, в нем лишь указано, что договор подлежит заключению в письменной форме и не должен противоречит данному Закону. И хотя передача договоров застройщика-банкрота при замене застройщика происходит в силу закона, соответствующее определение арбитражного суда может не содержать (и зачастую не содержит) сведения о конкретных договорах, права и обязанности по которым переходят к новому застройщику (приобретателю). Это может создать неопределенность в отношениях нового застройщика с третьими лицами – проектными организациями, техническим заказчиком, генеральным подрядчиком, иными контрагентами должника по договорам, заключенным конкурсным управляющим для целей окончания строительства объектов незавершенного строительства.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11 августа 2020 г. № 309-ЭС20-1152.

² Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24 декабря 2020 г. № 305-ЭС20-14025.

В связи с этим представляется, что договор передачи должен в обязательном порядке содержать сведения обо всех договорах должника, которые передаются новому застройщику.

В цивилистической науке договоры, которые заключаются с целью создания предпосылок для успешного осуществления взаимосвязанной деятельности контрагентов либо с целью стабилизации существующих отношений, их оптимизации или повышения эффективности сотрудничества субъектов обязательства, квалифицируются как организационные¹.

Следовательно, договор передачи является организационным договором и отличается следующими особенностями:

1) заключается при наличии обязательственных отношений (договоров долевого участия, договоров генподряда и пр.), а не с целью их будущего возникновения;

2) стороны договора передачи не совпадают со сторонами основных договоров, относительно которых он выполняет организационно-координирующую функцию.

Сам по себе договор передачи не создает и не изменяет существа и содержания обязательственных отношений (объема прав и обязанностей сторон) по основным договорам, которые передаются новому

застройщику. Поэтому в отсутствие в законе ограниченного объема переводимых на нового застройщика обязательств ограничить их условиями договора передачи невозможно.

В качестве возможной стратегии защиты приобретателя от требований кредиторов должника по переданным договорам может быть заявлен довод о том, что последние уже выбрали способ защиты своих прав путем предъявления требований в реестр кредиторов должника. Вместе с тем подобная правовая позиция применима только в отношении реестровых требований (опять же в случае, если такие требования заявлялись кредитором для включения в реестр). Кроме того, ей может быть противопоставлен аргумент о праве кредитора в отсутствие реального исполнения от банкрота получить удовлетворение своих требований от его правопреемника по соответствующему обязательству с последующим исключением (по факту получения исполнения) исполненных сумм из реестра применительно к правилам п. 6 ст. 16 Закона о банкротстве.

Таким образом, при оценке обязательств, которые предстоит исполнить в случае замены застройщика, инвестору следует учитывать не только обязательства по передаче помещений участникам строительства, но и обязательства по иным договорам, подлежащим в силу закона передаче новому застройщику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громова Е. А. Соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности в особых экономических зонах: моногр. – М.: Юстицинформ, 2015. – 216 с.
2. Егорова М. А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 5. – С. 10–21.
3. Ефимова Л. Г. Рамочные (организационные) договоры. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 104 с.
4. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2022. – 1582 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Славич Мария Анатольевна

соискатель кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, старший юрист Адвокатского бюро Качкин и Партнеры (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: mslavich@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7172-7248.

AUTHOR'S DETAILS

Maria A. Slavich

External Post-Graduate Student of Business Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Senior Associate of Kachkin and Partners Law Firm (Russia, Saint-Petersburg). E-mail: mslavich@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7172-7248.

¹ Громова Е. А. Соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности в особых экономических зонах: моногр. М., 2015; Ефимова Л. Г. Рамочные (организационные) договоры. М., 2006. С. 3; Егорова М. А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 10–21.

УДК 349.4

Правовые проблемы, связанные с обременением сервитутом земельного участка, на котором расположен многоквартирный жилой дом, для целей прохода и проезда

О. В. Вагина, Т. В. Ширяева¹

Аннотация. В статье рассматриваются правовые проблемы, которые связаны с объективной необходимостью использования земельного участка, на котором расположен многоквартирный жилой дом, для целей прохода и проезда по нему. Анализируя нормы права и судебную практику, принимая во внимание, что в законодательстве сегодня закреплены положения о четырех видах сервитутов (сервитут; публичный сервитут; сервитут на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности; публичный сервитут в отдельных целях), авторы приходят к выводу, что вышеуказанный земельный участок может быть обременен, при определенных обстоятельствах, сервитутом, публичным сервитутом и сервитутом на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности. Решающим при выборе сервитута определенного вида будет тот факт, в чьей собственности находится земельный участок: продолжает оставаться в одной из публичных форм либо было произведено установление границ на местности, участок поставлен на кадастровый учет и, следовательно, перешел в общую долевую собственность собственников помещений многоквартирного дома, что предусмотрено жилищным законодательством Российской Федерации, публичная собственность трансформировалась в частную.

Ключевые слова: многоквартирный жилой дом, сервитут, публичный сервитут, сервитут на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности

Legal Problems Related to Encumbrance by Easement of a Land Plot on which an Apartment Building is Located for Passage and Driveway Purposes

Olga V. Vagina, Tatjana V. Shiryaeva²

Abstract. The article deals with legal problems related to the objective necessity of using the land plot on which an apartment building is located for passage and driveway purposes. Analyzing the norms of law and judicial practice and considering that the legislation currently enshrines provisions on four types of easements (easement; public easement; easement on land plots owned by the state and municipalities; public easement for certain purposes), the authors conclude that under certain circumstances the above-mentioned land plot may be encumbered by easement, public easement, and easement on land plots owned by the state and municipalities. The decisive value in choosing the appropriate type of servitude will be the type of ownership of the land plot: whether the land plot continues to be in one of the public forms or whether the boundaries have been established on the ground, the plot has been put on the cadastral register and, consequently, it has been transferred to the common shared ownership of the owners of the apartment building premises, which is provided for by the housing legislation of the Russian Federation, and the public ownership has been transformed into private ownership.

Keywords: multi-apartment residential building; easement; public easement; easement on land plots owned by state and municipal property

¹ Для цитирования: Вагина О. В., Ширяева Т. В. Правовые проблемы, связанные с обременением сервитутом земельного участка, на котором расположен многоквартирный жилой дом, для целей прохода и проезда // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 83–89.

² For reference: Vagina O. V., Shiryaeva T. V. Legal Problems Related to Encumbrance by Easement of a Land Plot on which an Apartment Building is Located for Passage and Drive-way Purposes // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 83–89.

Практическая значимость заявленной темы исследования связана с тем, что собственники помещений (жилых и нежилых) в многоквартирных домах (далее – МКД) зачастую стремятся оградить свою территорию: поставить шлагбаум, перекрыть вход, сделать возможным доступ на земельный участок ограниченному кругу лиц. Однако подобная ситуация может вызвать конфликт интересов с обладателями соседних земельных участков, у которых отсутствует возможность обеспечить проход и проезд к своему земельному участку без использования объекта, на котором расположен МКД.

Эксплуатация огороженного земельного участка возможна путем установления сервитутных отношений – ограниченного пользования чужим имуществом

Эксплуатация огороженного земельного участка возможна путем установления сервитутных отношений – ограниченного пользования чужим имуществом. Принимая во внимание, что на данном этапе российское законодательство содержит нормы о четырех видах сервитутов: «частном»¹; публичном; сервитуте на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности (сервитут на публичные земли); публичном сервитуте в отдельных целях, – целесообразно разобраться, каким из видов сервитутов может быть обременен земельный участок под МКД, что будет иметь решающее значение для указанного выбора с учетом ранее проведенных научных изысканий специалистов, изучающих сферу ограниченных вещных прав, и анализа релевантной судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции, что позволит выбрать верный способ защиты субъекту правоотношений, права которого нарушаются невозможностью использовать зону прохода и проезда по земельному участку, на котором расположен МКД. Так же важно обратить внимание на особый правовой режим земельного участка под МКД, который может находиться как в общей долевой собственности собственников помещений (частная форма), так и в публичной форме (государственной или муниципальной).

1. Правовой режим зоны прохода и проезда по земельному участку

Установление в отношении земельного участка права прохода и проезда (зоны прохода и проезда) фактически означает, что указанная зона является объектом общего пользования, на котором запрещается осуществление строительства и недопустимо блокировать возможность свободного доступа заинтересованных лиц на эту часть земельного участка.

Зона прохода и проезда отвечает следующим основным характеристикам:

1) устанавливается нормативным правовым актом органа власти;

2) устанавливается в пользу соседей или в пользу неопределенного круга лиц, т. е. при наличии объективной необходимости в ней для соседней господствующей недвижимости или в отсутствие господствующей недвижимости;

3) предоставляет соседям или неопределенному кругу лиц право ограниченного пользования служащим земельным участком;

4) подлежит государственной регистрации в качестве вещного права, обременяющего право на служащий земельный участок;

5) обладает свойством следования;

6) нередко устанавливается бессрочно и бесплатно.

Как отмечает Т. С. Краснова, «зона прохода и проезда не отвечает требованиям об известных федеральному законодательству пределах права собственности на недвижимость или сервитутных обременениях права собственности на недвижимость, а претендует на то, чтобы быть самостоятельным сервитутным обременением права собственности на недвижимость»². Существует точка зрения, что «территория действия права прохода и проезда представляет собой специфическую зону административных ограничений с особым режимом использования»³, следовательно, ее вообще не следует рассматривать через призму сервитутных отношений.

Судебная практика по этому вопросу тоже не пришла к единому знаменателю: встречаются акты, в которых право прохода и проезда названо сервитутом (с поправкой на то, что судебные акты разбирают ситуацию, сложившуюся до введения в действие главы 17 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и принятия Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ); есть варианты, что право прохода и проезда не является ни публичным,

¹ В связи с изменением законодательства в 2015 г. термин «частный сервитут» не используется, однако как явление продолжает существовать. Авторы статьи будут сохранять указанную дефиницию для целей дифференциации видов сервитутов.

² Краснова Т. С. Автономия воли и ее ограничение в сервитутном праве: моногр. М.: М-Логос, 2020. С. 83.

³ Гусев О. А. Право прохода и проезда в Санкт-Петербурге // Арбитражные споры. 2019. № 2. С. 90.

ни частным сервитутом, а представляет собой зону особого режима использования земельного участка либо зону градостроительных ограничений.

Однако постараемся обосновать возможность ограниченного пользования земельным участком под МКД для целей прохода и проезда с применением существующих сервитутных конструкций.

2. Обременение земельного участка под МКД «частным» сервитутом

По сути «частный» сервитут представляет собой «способ сосуществования частных лиц – владельцев земельных участков и иной недвижимости в условиях плотной застройки, сложной конфигурации границ участков и насыщенности разного рода инженерными коммуникациями (требующими обслуживания). Соответственно устанавливаются они по соглашению сторон, а при недостижении соглашения – судом на основе оценки фактов и обстоятельств дела»¹.

Одной из сторон сервитута выступают собственники помещений в многоквартирном доме и земельного участка, п. 3 ч. 2 ст. 44 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) установлено, что к компетенции общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме относится принятие решений о пределах использования земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, в том числе введение ограничений пользования им, а также о заключении соглашения об установлении сервитута.

Таким образом, согласие (несогласие) на установление сервитута на принадлежащем им участке или же установление сервитута на соседнем участке может быть принято только общим собранием собственников МКД.

В абз. 2 п. 1 ст. 274 ГК РФ указано, что сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута. Это является, несомненно, самым главным основанием для установления сервитута или для отказа в его установлении.

В судебно-арбитражной практике отмечается: «Сервитут может быть установлен судом в *исключительных случаях*, когда предоставление этого права является

единственным способом обеспечения основных потребностей истца как собственника недвижимости. Сервитут должен быть наименее обременительным для ответчика, поэтому при определении содержания этого права и условий его осуществления суд обязан исходить из разумного баланса интересов сторон спора с тем, чтобы это ограниченное вещное право, обеспечивая только необходимые нужды истца, не создавало существенных неудобств для собственника обслуживающего земельного участка»².

В п. 10 Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 26 апреля 2017 г. (далее – Обзор ВС РФ), *определен примерный перечень условий, на которые необходимо обратить внимание при установлении сервитута или отказе в его установлении, а именно:* «Сведения о земельных участках, для обеспечения использования которого установлен сервитут и который обременен сервитутом, содержание сервитута, вид сервитута, сфера действия, срок, условия о плате, виды работ, если сервитут устанавливается для проведения ремонтных и иных работ, и прочее. Суд, пришедший к выводу о необходимости установления сервитута, должен определить все условия сервитута, в том числе маршрут проезда и прохода, который не только соответствовал бы интересам истца, но и был наименее обременительным для собственника обслуживающего земельного участка. При необходимости разрешения судом вопросов, касающихся отдельных условий сервитута и возможных вариантов его установления, которые требуют специальных знаний (например, в области организации дорожного движения, оценочной деятельности), суд, в соответствии с положениями статьи 79 Гражданско-процессуального кодекса РФ, может назначить проведение экспертизы».

В этом заключается принцип реальности сервитута – сервитут устанавливается не для личной выгоды какого-либо субъекта (как, например, узуфрукт), а для объективной полезности участка.

Таким образом, для установления сервитута в принудительном (судебном) порядке должны быть объективные причины, установление же сервитута для улучшения качества господствующего объекта недвижимости, более эффективного (экономически выгодного) его использования, повышения его ликвидности невозможно. Отсутствие критерия реальности сервитута с высокой

¹ Липски С. А. Земельные сервитуты в отечественном законодательстве: проблемы и перспективы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 3. С. 90.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 28 февраля 2012 г. № 11248/11 по делу № А45-12892/2010.

долей вероятности приведет к отказу в удовлетворении исковых требований¹.

Стоит отметить, что в Обзоре ВС РФ уделяется внимание тому, что одним из необходимых документов при разрешении спора является экспертное заключение. Это утверждение не вызывает сомнений, так как суд не может дать надлежащую оценку действительной необхо-

При соблюдении определенных условий в законодательстве РФ отсутствуют какие-либо запреты на установление сервитута («частного» сервитута) в отношении земельного участка, на котором расположен МКД, в добровольном порядке на основании соглашения или по решению суда

димости и реальности установления сервитута, который требует собственник земельного участка. При этом экспертное заключение оценивается судом с учетом следующих особенностей:

– при наличии нескольких подходов к земельному участку сервитут должен быть прежде всего наименее обременителен для собственника участка, в отношении которого устанавливается сервитут;

– при наличии альтернативных вариантов подъезда к зданию сервитут может быть не установлен. То обстоятельство, что истцу удобнее организовать проезд транспорта, в том числе в целях погрузочно-разгрузочных и других работ, к своему зданию через участок ответчика, не является основанием для установления сервитута.

Ранее в судебной практике был выработан несколько иной подход к рассмотрению вопроса о возможности установления сервитута на земельный участок. Так, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 июля 2010 г. № 2509/10 было сформулировано правило, согласно которому существующая лишь потенциально возможность организации проезда к земельному участку через другой соседний земельный участок, необходимость проведения значительных

по объему, времени и затратам работ для организации такого проезда свидетельствуют об отсутствии реальной возможности пользоваться господствующей недвижимостью и о невозможности обеспечить нужды ее собственника иным образом, кроме как через установление сервитута на спорный земельный участок.

Подход, закрепленный в Обзоре ВС РФ, представляется более логичным, так как отказ в установлении сервитута только на том основании, что использование участка возможно без его установления (к примеру, наличие иных дорог), не всегда отвечает интересам сервитутария, так как качество иных подходов к участку может быть существенно хуже, они могут иметь большую протяженность и не отвечать критериям, которые необходимы для оптимального использования полезных свойств земельного участка.

Таким образом, при соблюдении определенных условий в законодательстве РФ отсутствуют какие-либо запреты на установление сервитута («частного» сервитута) в отношении земельного участка, на котором расположен МКД, в добровольном порядке на основании соглашения или по решению суда.

3. Обременение земельного участка публичным сервитутом в соответствии со ст. 23 Земельного кодекса РФ

Как показывает практика, обременение земельного участка под МКД возможно и публичным сервитутом для прохода и проезда на основании решения уполномоченного органа. Но в данном случае важно отметить, что он устанавливается, если это необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения. Правовой режим данного вида сервитута находится за пределами действия норм гражданского права, примыкает к области публичного права. Его следует рассматривать скорее как разновидность ограничений на землю². *Установление публичного сервитута обусловлено не интересами конкретного правообладателя земельного участка, а общественными интересами (социальными потребностями).*

Например, в судебной практике рассматривалось дело, когда земельный участок под МКД был обременен публичным сервитутом для целей прохода (проезда) жильцов МКД, который был расположен на соседнем земельном участке. Законность его установления подтверждена следующими выводами: «Поскольку

¹ Филина Д. Л. Сервитут как обременение права собственности. Частный и публичный сервитуты. Зона прохода и проезда // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 10. С. 73–74.

² Подробнее о характеристике публичного сервитута см.: Суханов А. Е. Ограниченные вещные права // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М. К. Треушникова. М.: МГУ, 2005. С. 178–201.

необходимость проезда обусловлена не только жителями многоквартирных домов ЖК „Цветной бульвар“, но и для проезда специальных служб: скорой помощи, пожарных, полиции, так как временно организованные проезды с иных земельных участков недостаточны для такого объема жителей¹. В этом же акте поддерживается позиция, что возможность принятия решения об установлении публичного сервитута относится к компетенции уполномоченного органа: «Суд исходил из того, что обременение земельного участка сервитутом не лишает собственников участка прав владения, пользования и распоряжения этим участком, при этом вопрос целесообразности принятия оспариваемого акта относится к исключительной компетенции органов местного самоуправления и их должностных лиц».

Еще один пример, иллюстрирующий возможность обременить земельный участок для нужд МКД публичным сервитутом: «Довод о том, что спорный сервитут не является публичным, поскольку установлен для обеспечения проезда и прохода к многоквартирным жилым домам жителей указанных домов, отклоняется... как несостоятельный. Вопреки доводам подателя кассационной жалобы, к числу лиц, для обеспечения нужд которых установлен спорный сервитут, относятся не только собственники и наниматели жилых помещений в домах, расположенных по указанным адресам, в том числе – на момент установления публичного сервитута, но и возможные арендаторы (субарендаторы), временно проживающие жильцы и другие лица»².

Дополнительно отметим, что в обосновании законности установления публичного сервитута на земельном участке под МКД суды исследуют исторически сложившийся порядок прохода и проезда через указанный земельный участок до его формирования и постановления на кадастровый учет, который являлся общим проездом для неограниченного круга лиц, обеспечивал проезд к объектам капитального строительства и местам общего пользования, а также принимают во внимание тот факт, что доступ через этот

участок является наименее обременительным для использования другого земельного участка, на котором также расположен МКД в соответствии с его целевым назначением и разрешенным использованием при наличии альтернативных вариантов доступа на земельный участок³.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что если за установлением публичного сервитута в отношении земельного участка, на котором расположен МКД, для целей прохода и проезда в уполномоченный орган будет обращаться собственник соседнего земельного участка с видом разрешенного использования, не связанным со строительством МКД, то уполномоченный орган вправе ему отказать, так как не будет обоснования общественных нужд установления данного вида сервитута. *Однако, как показывает практика, организация-застройщик может обратиться с заявлением в орган власти с просьбой принятия решения об установлении публичного сервитута⁴, если на земельном участке планируется строительство МКД и разрешение на осуществление указанного вида деятельности уже получено.* Отказ или бездействие уполномоченного органа в этом случае можно расценивать как злоупотребление своим правом при реализации полномочия, связанного с установлением публичного сервитута.

Таким образом, установление права ограниченного пользования чужим земельным участком в форме публичного сервитута для целей прохода и проезда по нему неопределенного круга лиц является дискреционным⁵ полномочием органа государственной власти или местного самоуправления, не требующим вынесения судебного решения⁶; понуждение органа в судебном порядке совершить указанное действие расценивается как ненадлежащий способ защиты.

Установление «частного» и публичного сервитута возможно на земельный участок под МКД, если он находится в общей долевой собственности собственников помещений, т. е. перешел в частную собственность.

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26 июля 2022 г. по делу № 33а-10418/2022.

² Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2020 г. по делу № 88А-11431/2020.

³ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26 июля 2022 г. по делу № 33а-10418/2022.

⁴ См. вышеназванный судебный акт.

⁵ Под дискреционными полномочиями принято понимать совокупность прав и обязанностей, предоставляющих органу или должностному лицу возможность по своему усмотрению определить вид и содержание (полностью или частично) принимаемого решения (управленческого, юрисдикционного и т. д.) либо возможность выбора по своему усмотрению одного из нескольких вариантов решений, предусмотренных нормативным правовым актом (Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: науч.-практ. пособие. М., 2012. С. 140; Бахтина М. С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 97–98).

⁶ При этом в научной литературе можно встретить иную точку зрения. См.: Косолапов О. А. Право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут): от предиальных сервитутов до публичных // Современное право. 2007. № 9. С. 72–75.

4. Обременение земельного участка под МКД сервитутом в соответствии с главой V.5, если земельный участок находится в государственной или муниципальной собственности

В отношении особенностей правового режима земельного участка под МКД нужно добавить следующее. В совместном постановлении Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 10/22 от 29 апреля 2010 г. закреплено: «Согласно части 1 статьи 16 Федерального закона „О введении в действие ЖК РФ“ (далее – Вводный закон) и части 1 статьи 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности земельный участок с элементами озеленения и благоустройства, на котором расположен многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества.

Если земельный участок не сформирован и в отношении него не проведен государственный кадастровый учет, земля под многоквартирным домом находится в собственности соответствующего публично-правового образования. Вместе с тем по смыслу частей 3 и 4 статьи 16 Вводного закона собственник не вправе распоряжаться этой землей в той части, в которой должен быть сформирован земельный участок под многоквартирным домом. В свою очередь, собственники помещений в многоквартирном доме вправе владеть и пользоваться этим земельным участком в той мере, в какой это необходимо для эксплуатации ими многоквартирного дома, а также объектов, входящих в состав общего имущества в таком доме. При определении пределов правомочий собственников помещений в многоквартирном доме по владению и пользованию указанным земельным участком необходимо руководствоваться частью 1 статьи 36 ЖК РФ».

При этом важно акцентировать внимание, что согласно письму Минэкономразвития от 10 сентября 2019 г. № Д23и-30808 «внесение сведений о ранее учтенных земельных участках и осуществление государственного кадастрового учета земельных участков являлись разными кадастровыми процедурами», в соответствии с положениями ст. 1, 16 и 45 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» и ст. 13 и 69 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» внесение до 1 января 2017 г. в государственный кадастр недвижимости, а с 1 января 2017 г. в Единый государственный реестр недвижимости сведений о ранее учтенных объектах недвижимости также являлось и является

самостоятельной процедурой, отличной от государственного кадастрового учета объектов недвижимости.

Следовательно, на практике необходимо выяснять, в какой форме собственности находится земельный участок под МКД: частной или собственности публично-правового образования. Последний вариант предполагает возможность установления сервитута на земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности (сервитут на публичные земли), нормы о котором закреплены в главе V.3 ЗК РФ. Указанный вид сервитута в научной литературе именуют «квазисервитут», так как соглашение об его установлении возможно заключить не с публичным собственником, а с иным титульным владельцем земельного участка, он подлежит государственной регистрации, только если заключается на срок более трех лет, что противоречит правилу гражданского законодательства об обязательной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и у него отсутствует право следования – подлежит прекращению в связи с прекращением титульного владения¹.

Согласно ст. 39.23 ЗК РФ основанием установления данного вида сервитута является соглашение, а случаи установления предусмотрены в том числе гражданским законодательством, следовательно, потребность в проходе/проезде по земельному участку также является обоснованной. Недостижение соглашения с публичным собственником возможно обжаловать в судебном порядке.

Таким образом, возможно сформулировать следующий вывод: земельный участок, на котором расположен МКД, может обременяться «частным» и публичным сервитутом, а также сервитутом на земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, если он в силу закона не перешел в общую долевую собственность собственников помещений в МКД. С заявлением об установлении публичного сервитута в уполномоченный орган может обратиться застройщик, обладающий разрешением на строительство МКД, так как указанный вид объекта недвижимого имущества свидетельствует о возможности его эксплуатации в интересах неограниченного круга лиц, при этом уполномоченный орган должен исследовать исторически сложившийся порядок прохода и проезда через земельный участок до его формирования и постановки на кадастровый учет, а также принимать во внимание тот факт, что доступ через этот участок является наименее обременительным для использования другого земельного участка.

¹ Подробнее см.: Вагина О. В. Новый вид права ограниченного пользования чужим земельным участком – сервитут на публичные земли // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1. С. 71–73.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтина М. С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2021. – 231 с.
2. Вагина О. В. Новый вид права ограниченного пользования чужим земельным участком – сервитут на публичные земли // Бизнес, менеджмент и право. – 2015. – № 1. – С. 71–73.
3. Гусев О. А. Право прохода и проезда в Санкт-Петербурге // Арбитражные споры. – 2019. – № 2. – С. 89–108.
4. Косолапов О. А. Право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут): от предиальных сервитутов до публичных // Современное право. – 2007. – № 9. – С. 72–75.
5. Краснова Т. С. Автономия воли и ее ограничение в сервитутном праве: моногр. – М.: М-Логос, 2020. – 255 с.
6. Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: науч.-практ. пособие. – М., 2012. – 366 с.
7. Липски С. А. Земельные сервитуты в отечественном законодательстве: проблемы и перспективы // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 3. – С. 88–95.
8. Суханов А. Е. Ограниченные вещные права // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М. К. Треушников. – М.: МГУ, 2005. – С. 178–201.
9. Филина Д. Л. Сервитут как обременение права собственности. Частный и публичный сервитуты. Зона прохода и проезда // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 10. – С. 71–84.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вагина Ольга Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: bmpmag@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2734-2863.

Ширяева Татьяна Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: viptat@list.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Olga V. Vagina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Land, Urban Planning and Environmental Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: bmpmag@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2734-2863.

Tatyana V. Shiryaeva

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Civil Procedure Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: viptat@list.ru.

УДК 349.4

Ликвидация объектов накопленного вреда окружающей среде как один из индикативных показателей обеспечения экологической безопасности

Е. Ю. Гаевская¹

Аннотация. В научной статье анализируются последние изменения правового регулирования общественных отношений в сфере ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде как одного из индикативных показателей обеспечения экологической безопасности. Автор отмечает не только особую актуальность эффективности правового регулирования ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде, но и значимость определения мер их организационно-правового обеспечения. Приводятся статистические данные реализации федерального проекта «Генеральная уборка», утвержденного в целях решения многолетней актуальной проблемы ликвидации экологически опасных объектов на всей территории Российской Федерации. Подводя итог, автор отмечает необходимость проведения мероприятий по полной инвентаризации объектов накопленного вреда окружающей среде и по осуществлению оценки их воздействия на здоровье граждан и продолжительность их жизни, а также обозначаются аспекты, пока оставленные за чертой внимания законодателя.

Ключевые слова: объекты накопленного вреда, экологическая безопасность, окружающая среда, экологическая обстановка, федеральный проект «Генеральная уборка»

Elimination of Objects of Accumulated Environmental Damage as one of the Indicative Factors of Environmental Security

Ekaterina Yu. Gaevskaya²

Abstract. The scientific article analyzes recent changes in legal regulation of social relations in the field of liquidating objects of accumulated environmental damage as one of the indicative factors of environmental safety. The author notes great importance of the effectiveness of legal regulation concerning the liquidation of objects of accumulated environmental damage and the relevance of determining the measures of their organizational and legal support. The author provides the statistical data of implementation of the federal project “General cleaning” approved in order to solve the long-term urgent problem of liquidation of environmentally hazardous objects throughout the Russian Federation. Summarizing the article, the author emphasizes the need for measures to conduct a complete inventory of objects of accumulated harm to the environment and to assess their impact on the health of citizens and the longevity of their lives, and notes the aspects that left out of the legislator’s attention.

Keywords: objects of accumulated harm; ecological safety; environment; ecological situation; federal project “General cleaning”

Несмотря на предпринимаемые государством меры, направленные на снижение уровня негативно-го воздействия на окружающую среду химических, физических, биологических и иных факторов, вопросы обеспечения экологической безопасности

на территории Российской Федерации сохраняют свою сверхактуальность.

По итогам 2022 г. совокупный объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в городах-участниках федерального проекта «Чистый воздух»

¹ Для цитирования: Гаевская Е. Ю. Ликвидация объектов накопленного вреда окружающей среде как один из индикативных показателей обеспечения экологической безопасности // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 1. С. 90–95.

² For referense: Gaevskaya E. Yu. Elimination of Objects of Accumulated Environmental Damage as one of the Indicative Factors of Environmental Security // Business, Management and Law. 2024. № 1. P. 90–95.

(Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Медногорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Череповец и Чита) снижен на 247,7 тыс. тонн от базового уровня 2017 г. (11,1 процента). В соответствии с перечнем поручений Президента РФ по итогам расширенного заседания Президиума Государственного Совета РФ от 24 октября 2020 г. № Пр-1726ГС с 1 сентября 2023 г. список городов-участников федерального проекта «Чистый воздух» расширен¹. Сложившийся уровень антропогенного загрязнения обуславливает неудовлетворительное экологическое состояние водных объектов – загрязнение их сточными водами. Для примера, в 2022 г. в водоемах Свердловской области было выявлено наибольшее число высоких и экстремально высоких загрязнений (647 случаев, из них: 514 высоких загрязнений – бассейны рек Тобол, Кама, Обь и др.). Именно на Свердловскую область приходится более четверти всех высоких и экстремально высоких загрязнений пресных вод по всей стране².

Следует отметить, что при реализации функции экологического планирования Президентом РФ и Правительством РФ определяются приоритеты и цели государственной политики в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности, отражающиеся в стратегических документах³.

Механизмы оценки состояния экологической безопасности основываются на установленных индикативных показателях и определены пп. 28–29 Указа Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176.

Результаты оценки достижения значений указанных индикаторов представляются Минприродой РФ в Правительство РФ и отражаются в ежегодном докладе Секретаря Совета Безопасности РФ Президенту РФ о состоянии национальной безопасности государства и мерах по ее укреплению.

Отметим, в качестве одного из индикативных показателей состояния экологической безопасности определяется доля ликвидированных объектов накопленного вреда окружающей среде в общем объеме таких

объектов. В целях обеспечения достижения обозначенного показателя в 2021 г. по поручению Михаила Мишустина был утвержден федеральный проект «Генеральная уборка» в рамках реализации цели национального проекта «Экология»: кардинальное улучшение экологической обстановки на территории нашей страны и положительное влияние на оздоровление россиян. Национальный проект включает в себя 10 федеральных проектов. Работа ведется по пяти на-

Федеральный проект «Генеральная уборка» был утвержден для решения многолетней актуальной проблемы ликвидации экологически опасных объектов на всей территории Российской Федерации

правлениям: отходы, вода, воздух, биоразнообразие, технологии. Срок реализации нацпроекта – до 31 декабря 2024 г., по отдельным проектам сроки могут быть продлены.

Федеральный проект «Генеральная уборка» был утвержден для решения многолетней актуальной проблемы ликвидации экологически опасных объектов на всей территории Российской Федерации.

Проблема ликвидации накопленного вреда на территории нашей страны является одной из наиболее острых, поскольку объекты накопленного вреда, загрязненные территории и несанкционированные объекты размещения отходов нередко располагаются вблизи жилых районов и представляют опасность для жизни и здоровья людей⁴. В связи с этим особую актуальность приобретает не только эффективное правовое регулирование ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде, но и меры их организационно-правового обеспечения.

При этом ликвидация накопленного вреда не относится к какому-либо виду юридической ответственности

¹ Расширен список городов-участников федерального проекта «Чистый воздух» // URL: <https://mpr.orb.ru/presscenter/news/46575>.

² URL https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/opasn-zagr-tek-vyroslo/?sphrase_id=34948.

³ Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»; Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»; Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом РФ 30 апреля 2021 г.; Стратегия деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года (с учетом аспектов изменения климата), утвержденная распоряжением Правительства РФ от 3 сентября 2010 г. № 1458-р; Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25 января 2018 г. № 84-р.

⁴ Кабацкая Л. Н. Зарубежный опыт правового регулирования ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 125.

и применяется в отсутствие виновника причинения вреда, являясь разновидностью мероприятий по охране окружающей среды¹.

В рамках федерального проекта «Генеральная уборка» обеспечивается комплекс мероприятий, включающий в себя инвентаризацию объектов накопленного вреда на территории всей страны, а также оценку их воздействия на жизнь и здоровье населения. По итогам обследования и оценки должна обеспечиваться их ликвидация. Порядок инвентаризации объектов накопленного вреда, их учет и ликвидация определены главой XIV.1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и осуществляются посредством выявления таких объектов, их обследования и оценки.

Субъектами, наделенными правом на инициирование оценки и проведение ликвидации накопленного вреда, Законом № 7-ФЗ названы органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, а в случаях, установленных Правительством РФ, федеральные органы исполнительной власти. Учет объектов накопленного вреда окружающей среде осуществляется посредством их включения в государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде. Ликвидация же накопленного вреда окружающей среде осуществляется только в отношении тех объектов накопленного вреда окружающей среде, которые включены в указанный реестр. Организация ликвидации накопленного вреда окружающей среде включает в себя проведение необходимых обследований, разработку проекта ликвидации накопленного вреда окружающей среде и его утверждение, проведение ликвидации накопленного вреда окружающей среде в соответствии с таким проектом.

Проекты ликвидации накопленного вреда окружающей среде должны предусматривать применение наилучших доступных технологий, а в случае их отсутствия допускается применение технологий, являющихся экономически эффективными и не превышающими нормативы допустимого воздействия на окружающую среду.

Для примера, согласно постановлению Правительства РФ от 24 июня 2022 г. № 1132 «О внесении

изменений в государственную программу Российской Федерации „Охрана окружающей среды“, в субъектах Российской Федерации выявлено 1929 объектов с признаками объектов накопленного вреда окружающей среде, в том числе в субъектах Российской Федерации, входящих в состав приоритетных территорий. Указанные объекты после их обследования и оценки, в том числе с учетом их воздействия на здоровье граждан и продолжительность их жизни, должны быть ликвидированы в рамках реализации федерального проекта «Генеральная уборка». На территории Свердловской области в рамках реализации обозначенного проекта в 2022 г. было обследовано 22 объекта накопленного вреда, при этом на всей территории РФ – 198 таких объектов, в 2023 г. обследовано 28 объектов, на территории России – 578 объектов².

В государственный реестр объектов накопленного вреда на территории Свердловской области РФ включены 8 объектов накопленного вреда, по всей территории РФ – 913 объектов. В региональном реестре Свердловской области объектов накопленного вреда отражено порядка 150 объектов³.

Несовершенство правового регулирования общественных отношений в сфере ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде «препятствует эффективной работе»⁴ в данном направлении и не предупреждает образование новых объектов в будущем.

Как справедливо указал И. Я. Рыженков, требуют уточнения четкие критерии отнесения объектов к категории объектов накопленного экологического вреда⁵. Отсутствие ранжирования (категорирования) объектов накопленного вреда для принятия решения об очередности работ по их ликвидации отмечали И. А. Пичугин, С. В. Черепанов, Е. В. Симакова⁶.

Здесь следует отметить, что правовое регулирование вопросов ликвидации накопленного вреда характеризуется законодательными изменениями, датированными второй половиной 2023 г. Так, постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2023 г. № 2335 была определена совокупность критериев, при наличии которых территории и расположенные на них объекты могут быть отнесены к объектам накопленного

¹ Кодолова А. В. Проблемы правового регулирования ликвидации прошлого экологического ущерба // Современное право. 2014. № 7. С. 30.

² URL: <https://r66.rpn.gov.ru/regions/66/news/uralskoe-upravlenie-rospririodnadzora-obsledovalo-22-obekta-nakoplennogo-vreda-v-ramkakh-federalnogo-5817753.html>.

³ URL: <https://midural.ru/news/list/document202974>.

⁴ Худoley Д. Д. Накопленный вред окружающей среде: проблемы правового регулирования // StudNet. 2020. № 9. С. 776.

⁵ Рыженков И. Я. О необходимости ликвидации объектов накопленного экологического вреда для перехода России к «зеленой» экономике // Актуальные проблемы рос. права. 2022. Т. 17. № 3. С. 160.

⁶ Пичугин И. А., Черепанов С. В., Симакова Е. В. Актуальные проблемы выявления, учета, категорирования и ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде // Проблемы региональной экологии. 2021. № 6. С. 115.

вреда окружающей среде: земельные участки и объекты, на них расположенные, не являются объектами права частной собственности, владения и пользования; отсутствие информации о причинителе вреда либо его смерть или ликвидация; потенциальная опасность (превышение установленных нормативов качества окружающей среды и санитарно-гигиенических нормативов). Отметим, Правительство РФ указывает на необходимость совокупности обозначенных критериев, отсутствие одного из них не позволяет отнести территории и расположенные на них объекты к объектам накопленного вреда и, следовательно, внести их в соответствующий реестр.

Постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2023 г. № 2239 утвержден порядок выявления объектов накопленного вреда окружающей среде, конкретизирующий субъектов, обладающих полномочиями по выявлению объектов накопленного вреда. Данными полномочиями наделяются органы местного самоуправления применительно к территориям и объектам, расположенным в границах земельных участков, находящихся в собственности муниципальных образований, и органы государственной власти субъектов РФ применительно к иным территориям и объектам. В случаях, установленных Правительством РФ, выявление объектов накопленного вреда осуществляет Росприроднадзор или подведомственные ему бюджетные учреждения. Обозначенным постановлением также закрепляются сроки выявления объектов накопленного вреда (не более 60 рабочих дней), сроки формирования свода полученных данных (не более 10 рабочих дней), их формирования и направления в Росприроднадзор (не более 5 рабочих дней). Как видим, сроки установлены очень ограниченные, смогут ли органы власти регионального и муниципального уровня укладываться в данные нормативы, покажет время.

Конкретизированы и субъекты оценки объектов накопленного вреда: Росприроднадзор – оценка влияния каждого объекта на окружающую среду и отдельные природные объекты, Роспотребнадзор – оценка влияния на жизнь и здоровье граждан.

Кроме того, Правительством РФ актуализирован порядок ведения государственного реестра объектов накопленного вреда окружающей среде¹. Обновленными правилами дополнен перечень критериев определения

объектов накопленного вреда, подлежащих ликвидации в первоочередном порядке.

Нельзя не отметить и положения Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 449-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым были усовершенствованы мероприятия по инвентаризации и учету объектов накопленного вреда окружающей среде. Данным федеральным законом муниципальные органы власти наделяются полномочиями по выявлению объектов накопленно-

Конкретизированы и субъекты оценки объектов накопленного вреда: Росприроднадзор – оценка влияния каждого объекта на окружающую среду и отдельные природные объекты, Роспотребнадзор – оценка влияния на жизнь и здоровье граждан

го вреда окружающей среде и организации ликвидации накопленного вреда окружающей среде в границах муниципального образования.

Актуализированы и правила организации ликвидации накопленного вреда окружающей среде², акцентировано внимание на вопросах консервации и рекультивации нарушенных земель, с установлением обязанности по включению в проект ликвидации раздела, посвященного рекультивации и консервации земель. Проекты ликвидации должны основываться на наилучших доступных технологиях, а в случае их отсутствия – на технологиях, являющихся экономически эффективными и экологически безопасными. Дискуссионными являются изменения, исключающие необходимость согласования проектов ликвидации накопленного вреда с Росприроднадзором, за которым оставлены лишь полномочия по наблюдению за осуществлением процесса ликвидации. Осуществление наблюдения Росприроднадзора предусмотрено с возможностью привлечения центров лабораторного анализа и технических измерений. При осуществлении наблюдения предусматривается возможность использования систем (методов) дистанционного наблюдения, специальных технических средств, имеющих функции фотосъемки, аудио- и видеозаписи,

¹ Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2023 г. № 2268 «О ведении государственного реестра объектов накопленного вреда окружающей среде».

² Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2023 г. № 2323 «Об утверждении Правил организации ликвидации накопленного вреда окружающей среде».

измерения и т. п. Срок осуществления наблюдения не ограничен.

Поскольку постановление Правительства РФ от 27 декабря 2023 г. № 2323 обратной силы не имеет, то нормы о наблюдении за ходом ликвидации накопленного вреда, о признании объекта ликвидированным при наличии положительного заключения Росприроднадзора не применяются при ликвидации накопленного вреда, начатого до 28 декабря 2023 г.

Уточнены и случаи, при которых уполномоченные федеральные органы исполнительной власти или подведомственные им федеральные государственные бюджетные или казенные учреждения выявляют объекты накопленного вреда окружающей среде и организуют ликвидацию такого вреда, определяя в качестве субъектов Минприроды РФ и Росприроднадзор (постановление Правительства РФ от 30 ноября 2023 г. № 2049).

В результате обновления нормативно-правового регулирования многие пробельные аспекты нашли свое правовое закрепление. Так, разработаны и четко закреплены критерии оценки воздействия объекта накопленного вреда на состояние окружающей среды и здоровье граждан, проживающих в зоне негативного воздействия данного объекта, и продолжительность их жизни¹. Учетно влияние природно-климатического фактора. Например, экосистема Арктики уникальна и очень чувствительна к антропогенному воздействию. Объекты накопленного экологического вреда в Арктической зоне России, воздействуя на природные компоненты, в итоге приводят к деградации всей экосистемы, что

учитывается в современных утвержденных Критериях определения объектов, накопленный вред окружающей среде на которых подлежит ликвидации в первоочередном порядке².

Подводя итог, отметим, что проведение мероприятий по полной инвентаризации объектов накопленного вреда окружающей среде и по осуществлению оценки их воздействия на здоровье граждан и продолжительность их жизни в целях определения соответствующих объектов, подлежащих ликвидации в приоритетном порядке, определено как основное направление развития экологического законодательства (подп. «ч» п. 6 Перечня поручений Президента Российской Федерации от 24 октября 2020 г. № Пр-1726ГС) в целях достижения национальной цели развития Российской Федерации «Комфортная и безопасная среда для жизни».

Несмотря на достаточно объемные законодательные изменения в рассматриваемой сфере, за чертой внимания законодателя осталось нормативно-правовое определение термина «территория, окружающая среда на которой испытывает негативное воздействие вследствие расположения объекта накопленного вреда окружающей среде». Кроме того, нерешенной осталась и проблема недостаточной разработанности критериев, определяющих возможность и перспективу использования данной территории в будущем, в том числе в целях исключения возможности возникновения повторных очагов накопленного экологического вреда на ликвидированных объектах и рекультивированных территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабацкая Л. Н. Зарубежный опыт правового регулирования ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 1. – С. 114–128.
2. Кодолова А. В. Проблемы правового регулирования ликвидации прошлого экологического ущерба // Современное право. – 2014. – № 7. – С. 27–31.
3. Пичугин И. А., Черепанов С. В., Симакова Е. В. Актуальные проблемы выявления, учета, категорирования и ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде // Проблемы региональной экологии. – 2021. – № 6. – С. 113–121.
4. Рыженков И. Я. О необходимости ликвидации объектов накопленного экологического вреда для перехода России к «зеленой» экономике // Актуальные проблемы рос. права. – 2022. – Т. 17. – № 3. – С. 160–169.
5. Худолей Д. Д. Накопленный вред окружающей среде: проблемы правового регулирования // StudNet. – 2020. – № 9. – С. 773–782.

¹ Методические рекомендации. 2.1.10.0273-22. 2.1.10. Состояние здоровья населения в связи с состоянием окружающей среды и условиями проживания населения. Оценка воздействия объектов накопленного вреда окружающей среде на здоровье граждан и продолжительность их жизни, в том числе с возможностью проведения экспресс-оценки.

² Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2023 г. № 2268.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаевская Екатерина Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9723-1486.

AUTHOR'S DETAILS

Ekaterina Yu. Gaevskaya

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Land, Urban Planning and Environmental Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9723-1486.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО

научно-практический экономико-правовой журнал

12+

Выпускающие редакторы: *О. В. Вагина, Е. Ю. Гаевская.*
Редактор: *О. Ю. Петрова.* Верстка: *А. Ю. Тюменцева.* Переводчик: *Н. В. Садыхова*

Адрес редакции и издателя журнала: 620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54, оф. 303, тел./факс: +7 (343) 367-43-01,
web-сайт: bmpravo.usla.ru, e-mail: bjournal@gmail.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Ажур»:
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54, тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49,
web-сайт: azhur66.ru, e-mail: azhur.ek@mail.ru

Подписано в печать 25.03.2024 г. Формат 60×84/8. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16.
Уч.-изд. л. 10,86. Тираж 100 экземпляров. Заказ № 30/03-24. Дата выхода в свет: 30.03.2024 г.

Цена свободная. Периодичность 4 раза в год

Подписка: Каталог Агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»: 18626. ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Номер Свидетельства ПИ № ФС77-64841 от 10 февраля 2016 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными. Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, менеджмент и право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ